

ISSN 2500-3682

СОВРЕМЕННАЯ НАУКА:
АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ
ТЕОРИИ И ПРАКТИКИ

ПОЗНАНИЕ
№ 11 2025 (ноябрь)

Учредитель журнала
Общество с ограниченной ответственностью
«НАУЧНЫЕ ТЕХНОЛОГИИ»

Журнал издается с 2011 года.

Редакция:

Главный редактор
Д.К. Кирнарская

Выпускающий редактор
Ю.Б. Миндлин

Верстка
Н.Н. Лаптева

Подписной индекс издания в каталоге агентства
«Пресса России» — 43288

В течение года можно произвести подписку
на журнал непосредственно в редакции.

Авторы статей несут полную ответственность
за точность приведенных сведений, данных и дат.

При перепечатке ссылка на журнал
«Современная наука: актуальные проблемы
теории и практики» обязательна!

Журнал отпечатан в типографии ООО «КОПИ-ПРИНТ»
тел./факс: +7 (495) 973-8296

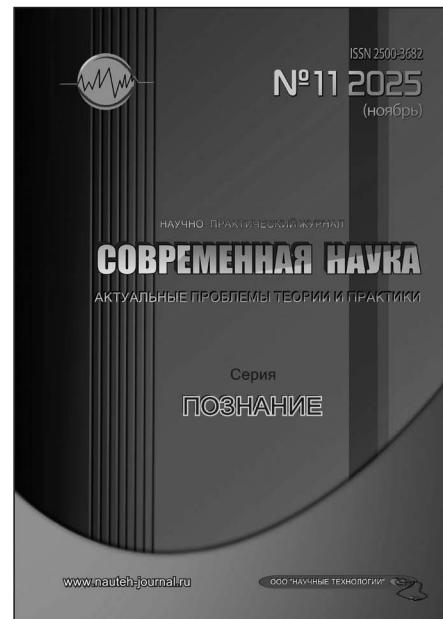
Подписано в печать 10.11.2025 г. Формат 84x108 1/16
Печать цифровая
Заказ № 0000 Тираж 2000 экз.

Серия: Познание №11 (ноябрь) 2025 г

Научно-практический журнал

Scientific and practical journal

(ВАК - 5.3x, 5.7x, 5.10.x)

В НОМЕРЕ:

КУЛЬТУРОЛОГИЯ
ПСИХОЛОГИЯ
ФИЛОСОФИЯ

Издатель:
Общество с ограниченной ответственностью
«Научные технологии»

Адрес редакции и издателя:
109443, Москва,
Волгоградский пр-т, 116-1-10 Тел/факс: 8(495) 142-8681
e-mail: redaktor@nauteh.ru
http://www.nauteh-journal.ru

Журнал зарегистрирован Федеральной службой
по надзору в сфере массовых коммуникаций,
связи и охраны культурного наследия.

Свидетельство о регистрации
ПИ № ФС 77-65429 от 04.05.2016 г.

ISSN 2500-3682

9 772500 368003 >

Редакционный совет

Кирнарская Дина Константиновна — доктор искусствоведения, д.псх.н., профессор Российской академии музыки им. Гнесиных

Миндлин Юрий Борисович — к.э.н., доцент, Московская государственная академия ветеринарной медицины и биотехнологии им. К.И. Скрябина

Бурлина Елена Яковлевна — д.филос.н., профессор, Самарский государственный медицинский университет

Вислова Аминат Даняловна — д.псх.н., Кабардино-Балкарский институт гуманитарных исследований, в.н.с.

Воронина Наталья Ивановна — д.филос.н., профессор, Национальный исследовательский Мордовский государственный университет им. Н.П. Огарева

Злотникова Татьяна Семеновна — д. искусствоведения, профессор, Ярославский государственный педагогический университет им. К.Д. Ушинского

Кибальченко Ирина Александровна — д.псх.н., профессор, Южный федеральный университет

Кириллова Наталья Борисовна — д. культурологии, профессор, Уральский федеральный университет им. первого Президента России Б.Н. Ельцина

Комиссаренко Светлана Сергеевна — д. культурологии, доцент, Санкт-Петербургский Гуманитарный университет профсоюзов

Корнилова Ольга Алексеевна — д.псх.н., доцент, Самарский государственный институт культуры

Коротких Вячеслав Иванович — д.филос.н., профессор, Елецкий государственный университет им. И.А. Бунина

Кургузов Владимир Лукич — д. культурологии, к.и.н., профессор, Восточно-Сибирский государственный университет технологий и управления

Куруленко Элеонора Александровна — д. культурологии, Самарский государственный институт культуры

Листвина Евгения Викторовна — д.филос.н., профессор, Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н.Г. Чернышевского

Махаматов Таир Махаматович — д. филос.н., профессор, Финансовый университет при Правительстве РФ

Морозова Ирина Станиславовна — д.псх.н., профессор, Кемеровский государственный университет

Никольский Сергей Анатольевич — д.филос.н., Институт философии РАН, зав. сектором

Овсяник Ольга Александровна — д.псх.н., доцент, Российский экономический университет им. В.Г. Плеханова

Паршукова Галина Борисовна — д. культурологии, к.пед.н., доцент, Новосибирский государственный технический университет

Пономарева Галина Михайловна — д.филос.н., профессор, МГУ им. М.В. Ломоносова

Разлогов Кирилл Эмильевич — д. искусствоведения, профессор, ВГИК

Садохин Александр Петрович — д. культурологии, доцент, РАНХиГС при Президенте РФ

Сгибнева Ольга Ивановна — д.филос.н., профессор, Волгоградский государственный университет

Серов Николай Викторович — д. культурологии, Оптическое общество им. Д.С. Рождественского, действительный член

Синягин Юрий Викторович — д.псх.н., профессор, РАНХиГС при Президенте РФ, заместитель директора «Высшая школа государственного управления»

Сиюхова Аминет Магаметовна — д. культурологии, доцент, Майкопский государственный технологический университет

Соловьева Светлана Владимировна — д.филос.н., доцент, Самарский государственный институт культуры

Тихонова Анна Юрьевна — д. культурологии, доцент, Ульяновский государственный педагогический университет им И.Н. Ульянова

Фадеева Ирина Евгеньевна — д. культурологии, профессор, Сыктывкарский государственный университет имени Питирима Сорокина

Хренов Николай Андреевич — д.филос.н., профессор, Государственный институт искусствознания Министерства культуры РФ, профессор, Всероссийский государственный институт кинематографии имени С. А. Герасимова

Черноризов Александр Михайлович — д.псх.н., профессор, МГУ имени М.В. Ломоносова

Экштут Семён Аркадьевич — д.филос.н., профессор, Институт всеобщей истории РАН, руководитель Центра истории искусств и культуры

СОДЕРЖАНИЕ

CONTENTS

Культурология

Ду Хуэйхуэй – Исследование народной культуры Даур в приграничном районе провинции Хэйлунцзян	<i>Du Huihui</i> – A study of Daur folk culture in the border region of Heilongjiang province	5
Зылева Е.И. – Наручи в традиционном женском костюме Северных губерний России XVIII–XIX веков: историко-культурный анализ и региональные особенности	<i>Zyleva E.</i> – Bracers in the traditional women's costume of the Northern provinces of Russia of the XVIII–XIX centuries: historical and cultural analysis and regional features.....	9
Мальшина Н.А. – Понятия «мета-», «меж-» и «над-» дисциплинарных исследований в индустрии культуры: логический анализ	<i>Malshina N.</i> – The concepts of "meta-", "inter-" and "super-" disciplinary research in the cultural industry: a logical analysis	13
Трофимова Е.И. – Институты социальной памяти России и Китая: сохранение научно-технического наследия и знаний о космосе	<i>Trofimova E.</i> – Institutes of social memory in Russia and China: preservation of scientific and technological heritage and knowledge about space.....	20

Психология

Архимандритова Ю.А. – Мотивационно-когнитивные особенности принятия финансовых решений	<i>Arkhimandritova Yu.</i> – Motivational and cognitive features of financial decision-making	24
Бобровникова Н.С., Хрипкова А.Д. – Цифровые технологии как психолого-педагогическое средство развития памяти младших школьников	<i>Bobrovnikova N., Khripkova A.</i> – Characteristics of the memory of a primary school student, its development in the context of using digital technologies.....	31

Борисова Е.Б. – Специфика вторичных отклонений у дошкольников с нарушениями зрения в контексте адаптивных компетенций	<i>Borisova E.</i> – Specificity of secondary deviations in preschool children with visual impairments in the context of adaptive competencies	38
--	--	----

Виденичкин Д.М. – Прогнозирование психологического статуса пациенток с раком молочной железы на основе вариабельности сердечного ритма и психометрических данных	<i>Videnichkin D.</i> – Predicting the psychological status of breast cancer patients based on heart rate variability and psychometric data.....	44
---	--	----

Гадецкий О.Г. – Духовно-ценностная ориентация как основа практической психологии	<i>Gadetsky O.</i> – Spiritual-value orientation as the basis of practical psychology.....	47
---	--	----

Зачесова И.А. – Интенциональное пространство сетевого дискурса и взаимодействие коммуникантов на различных интернет-площадках	<i>Zachiosova I.</i> – The intentional space of online discourse and interaction between communicants on various internet platforms.....	53
--	--	----

Куракова Н.Н., Иванченко И.П., Торопова Т.С. – Адаптация детей младшего возраста с расстройствами аутистического спектра к детскому саду с применением метода замещающего онтогенеза	<i>Kurakova N., Ivanchenko I., Toropova T.</i> – Adaptation of youth children with autism spectrum disorders to kindergarten using the method of replacement ontogenesis	58
---	--	----

Кутейников А.Н., Ракитянская А.В. – Влияние психологической устойчивости и выбора адаптивной стратегии поведения на готовность наркозависимых оставаться в состоянии ремиссии	<i>Kuteynikov A., Rakityanskaya A.</i> – The influence of psychological stability and the choice of an adaptive behavior strategy on the willingness of drug addicts to remain in remission	63
--	---	----

Литвиненко Д.М. – Целостность как внутренняя опора в AQ и психологическом консультировании: пути к устойчивым результатам через «Ценностный навигатор»	Шачинова М.А. – Духовно-нравственные проявления и личностная самореализация волонтеров: сравнительное исследование
<i>Litvinenko D.</i> – Integrity as an internal support in AQ and psychological counseling: paths to sustainable results through "Value navigator".....	<i>Shachinova M.</i> – Spiritual and moral manifestations and personal self-realization in volunteers: comparative research
Новикова М.В., Чистяков М.С., Савгачев В.В., Кумпилова Б.А., Панкова Т.Н. – Эмоциональный интеллект аудитора при проведении аудита эффективности коммерческих организаций в условиях Индустрии 4.0	Философия
<i>Novikova M., Chistyakov M., Savgachev V., Kumpilova B., Pankova T.</i> – Emotional intelligence of the auditor when conducting performance audit of commercial organizations in the context of Industry 4.0.....	Булыгин А.С. – Социальная бивалентность творчества
Пятибратова И.В., Якушева О.В., Алексина Т.В. – Развитие эмоционального интеллекта у студентов с ОВЗИ в технических вузах: интегративный подход	<i>Bulygin A.</i> – Social bivalence of creativity
<i>Pyatibratova I., Yakusheva O., Aleksina T.</i> – Developing emotional intelligence in engineering students: an integrative approach.....	Скопа В.А., Серова Н.С., Пилипенко Д.С. – Деконструкция научного знания в современной культурфилософской рефлексии
Распопин Е.В. – Стандартизация Айзенка личностного опросника (EPI)	<i>Skopa V., Serova N., Pilipenko D.</i> – Deconstruction of scientific knowledge in modern cultural-philosophical reflection
<i>Raspopin E.</i> – Standardization of the Eysenck Personality Inventory (EPI).....	Цюй И – Менталитет как основание китайской цивилизации в контексте западной и китайской научной мысли
Родина М.Г. – Психологические барьеры в процессе выбора специализации у студентов, обучающихся по специальности «маркетинг»	<i>Qu Yi</i> – Mentality as the basis of Chinese civilization in the context of Western and Chinese scientific thought
<i>Rodina M.</i> – Design education as a separate educational field	Информация
Сарыоглу А.А. – Использование метода «Нейрографика» в коррекции атрибутивного стиля индивида	Наши авторы. Our Authors.....
<i>Saryoglu A.</i> – Using the Neurographics method in correcting an individual's attributive style.....	Требования к оформлению рукописей и статей для публикации в журнале

ИССЛЕДОВАНИЕ НАРОДНОЙ КУЛЬТУРЫ ДАУР В ПРИГРАНИЧНОМ РАЙОНЕ ПРОВИНЦИИ ХЭЙЛУНЦЗЯН¹

Ду Хуэйхуэй

Библиотекарь, Хэйхэский университет, КНР

3367721328@qq.com

A STUDY OF DAUR FOLK CULTURE IN THE BORDER REGION OF HEILONGJIANG PROVINCE

Du Huihui

Summary: The article presents the results of a comprehensive analysis of the peculiarities of the Daurian folk culture living in the border regions of Heilongjiang Province, where the most authentic forms of traditions and beliefs of this small ethnic group have been preserved. The study reveals the historical roots of the Daurian culture, dating back to the Khitan civilization of the Liao Dynasty, tracing the transformational paths of cultural practices in the context of stages of urbanization and social change up to the present. Special attention is paid to the unique economic model of the Daurians, combining agriculture, animal husbandry, fishing and hunting, which made it possible to form a specific cultural landscape and a life support system for the ethnos under study. The author analyzes the key elements of the Daurian social organization, including the "Hara" clan system, shamanic beliefs and ritual practices, which allows us to demonstrate their role in preserving ethnic identity for a long time. The results of the study made it possible to state the need to use digital technologies to protect the intangible cultural heritage of the Daurians and develop sustainable development models that integrate cultural heritage into the modern socio-economic context.

Keywords: Daur folk culture, ethnic minorities of Heilongjiang, Khara clan system, shamanic beliefs, traditional economic management, Khitan cultural heritage.

Введение

Являясь одним из наименее густонаселенных меньшинств на севере Китая, Дауры несут в себе исторический отпечаток другой культуры, возникшей в этнической группе Киданей. Уже это свидетельствует о наличии богатого культурного пласта, «сотканного» этническим многообразием и интеграционными механизмами, в совокупности составляющим ценностный аспект китайской культуры. Численность этнической группы Дауров в провинции Хэйлунцзян составляет 30 246 человек, проживающих в различных районах Китая: Фулалки, Мерида-Даур, в городе Цицикар, а также в уездах Лунцзян, Фуюй, Айхуэй и Хэйхэ.

Этническая группа Дауров тысячелетиями занимала обширные территории по обе стороны среднего и верхнего течения реки Хэйлунцзяна. Наиболее полно традиционные для Дауров культурные формы сохранились до наших дней в приграничном районе Хэйлунцзяна. Именно поэтому наше исследование, в задачи которого входит выявление механизмов адаптаций национальной культуры, познание ее внутренней структуры, функционального механизма, статуса наследования и развития даурской народной культуры, осуществлялось непосредственно на территории названного региона, обладающего академической ценностью и практической значимостью для теоретической системы этнологии.

¹ Исследование выполнено при поддержке Фонда фундаментальных исследований высших учебных заведений провинции Хэйлунцзян (КНР), 2024 г. Тема исследования «Сбор и исследование исторических документов народа даур в городе Хэйхэ на китайско-российской границе». Номер проекта: 2024-KYYWF-0917.

Культурный отпечаток исторической миграции представителей династии Ляо в бассейн реки Нэньцзян

Народ Дауры является прямыми потомками Киданей династии Ляо, с падением которой произошла их миграция на север провинции Хэйлунцзян. Согласно историческим документам [4, с. 31], народ Дауры расширил границы своего проживания, простирающиеся от озера Байкал на западе до реки Нюман на востоке, и от Вайсинганлинга на севере до обширной территории Хэйлунцзяна на юге. Столь обширные миграционные процессы свидетельствуют о высокой приспособляемости предков Дауров, а также косвенно указывают на «приобретение» ими широкого спектра культурных особенностей, как результата интеграции [5, с. 85].

Миграционные процессы, пик которых пришелся на XVII век, оказало существенное влияние на процесс формирования культурных особенностей Даурского народа, что признается большинством исследователей, обозначивших его как поворотный в их культурном развитии [1, с. 138]. Миграция не только изменила географическую «карту» расселения исследуемой нами этнической группы, но и повлияла на глубинные механизмы формирования культурных традиций. Постепенно, с переселением на юг в бассейн реки Нэнцзян, народ Даур создал сложную экономическую структуру, основанную на сельском хозяйстве и дополненную рыболовством и охотой. Эта структура оказала непосредственное влияние на формирование их культурных особенностей.

Современная структура культурных изменений в контексте современной урбанизации общества

На сегодняшний день большинство представителей этнической группы Дауров проживают в провинции Хэйлунцзян, что позволяет им сохранять исторически сложившиеся традиции, посредством гармоничной их адаптации к потребностям и ценностям современного развития общества Китая и мира в целом. Одним из последствий урбанизации стало перераспределение представителей народа Даур, которые в большинстве случаев предпочли селам большие города [4, с. 30].

Но, несмотря на урбанизацию, Даурская община до настоящего дня сумела сохранить уникальную культурную самобытность и социальные взаимосвязи. Пространственная планировка современных Даурских поселений не только наследует определенные характеристики традиционных деревень и поселков, но и включает в себя концепцию современного городского планирования, таким образом, оказывая непосредственно влияние на формирование уникального культурного ландшафта.

Культурный подтекст диверсифицированной модели жизнеобеспечения: сочетание земледелия, животноводства, рыболовства и охоты

Дауры являются одним из этнических меньшинств Северного Китая с наиболее развитой культурой земледелия и животноводства. Земледелие, животноводство, рыболовство и охота, ремесленное производство, коммерческое лесоводство и транспорт существуют как различные экономические компоненты единой системы, образуя особую экономическую структуру, присущую исключительно Даурскому народу этого региона.

Следует отметить, что указанная нами исключительность образована тем, что сельскохозяйственное производство выстроено этнической группой с учетом сформированных в историческом контексте развития традиций земледелия. Разнообразная структура наследий не только продолжает обеспечивать стабильность источников продовольствия, но и формирует уникальную культуру питания, присущую народу.

Наравне с земледелием важное место в хозяйственной деятельности даурского народа занимают рыболовство и охота, что находит свое отражение в фольклоре этнической группы. Охота имеет чётко выраженный сезонный характер: два-три месяца весной и летом Дауры охотятся преимущественно на оленей, а зимой - на пушных зверей, таких как соболь и белка. Большая часть добытых шкурок идёт на продажу.

Кроме непосредственно хозяйственной выгоды, охота привносит в традиции народа уникальные черты мировоззрения, истоки которого лежат в характере взаимодействия с природой. Охота также отражена в фольклоре Даурского народа, повествующего понимание ими законов природы и транслирующего экологическую мудрость его представителей, проявленную в отношении гармоничного пользования природными ресурсами.

Традиционное мастерство: культурная ценность производства повозки Леле

Среди ремесленных навыков этнической группы следует выделить традицию изготовления повозки Леле, также известной как телеги с большими колесами. История ее возникновения берет свое начало у кочевых народов – скифов, но Дауры продолжают ее усовершенствование на протяжении многих столетий [2, с. 191].

Процесс производства повозок Леле свидетельствует о наличии у Даурского народа специфических навыков ремесленников, превосходящих остальных в искусстве обработки древесины и требующем глубокого

понимания характеристик используемых материалов. Существует несколько разновидностей повозок Леле, отличающихся различной конструкцией, каждая из которых имеет свое особое предназначение и культурный подтекст.

Клановая система, социальная организация и культурная функция системы «Хара»

«Хара» – это клановая организация Даурского народа и одновременно социальная группа, образованная патрилинейными кровными связями. У каждого «Хара» есть свое поселение. Например, клан «Гоболе-хара» проживает в бассейне реки Будан, расположенной в нижнем течении реки Цзингкили, а клан «Аола-хара» – в бассейне реки Тираден, притока реки Цзинчили в среднем течении.

Подобная клановая организация является не только проявлением кровного родства, но и важным механизмом социального управления и передачи культурных традиций. Все члены одного «хара» связаны кровными узами, поэтому браки внутри клана строго запрещены. Каждый «хара» возглавляется демократически избранным «харада» (главой клана), который управляет внутренними делами клана. Подобная система отражает демократические традиции и кровную этику Даурского общества, позволяющая осуществлять функцию поддержки социального порядка и обеспечивать стабильную организационную основу для сохранения и передачи от поколения к поколению богатого культурного наследия.

Шаманская система верований: культурный механизм общения между человеком и богом

Шаманские верования являются важной частью духовной культуры Даурского народа, отражая его уникальный взгляд на вселенную, жизнь и смерть. Шаманы играют ключевую роль в коммуникации между людьми и духами в Даурском обществе. Они не только руководят различными религиозными ритуалами, но и выполняют функции целителей, предсказателей судьбы и толкователей знамений.

Шаманская система верований включает сложную иерархию божеств и детально обоснованные с точки зрения этнического мировоззрения ритуальные процедуры, отражающие благоговение Дауров перед силами природы и их представления о сверхъестественном мире. Шаманские ритуалы обычно включают обращения к богам с просьбами об исцелении от болезней и даровании благополучия. Каждый элемент ритуала имеет строгие процедуры и табу.

Магические инструменты, используемые в ритуале,

такие как шаманские барабаны, поясные колокольчики и другие атрибуты, являются не только религиозными принадлежностями, но и ценностными произведениями искусства. Технология изготовления и декоративные узоры этих ритуальных инструментов несут глубокий культурный смысл, отражая эстетические представления и духовные устремления Даурского народа.

Символическая система ритуалов и культурный подтекст фестиваля Ане

Фестиваль Ане – самый масштабный традиционный праздник Даурского народа, по своему значению сравнимый с Праздником Весны у народа Хань. Названный фестиваль представляет собой не только рубеж временных циклов, но и воплощает Новогодние благословения Даурского народа, устремленного к лучшей жизни. С раннего утра в канун Нового года мужчины убирают двор, а женщины заняты убранством дома. После этого они сообща принимают участие в развесивании новогодних надписей, размещенных на разноцветной яркой бумаге. Каждый ритуал, включенный в сложное по своему составу мероприятие фестиваля, имеет особое культурное значение [3, с. 88].

Помимо фестиваля Ане, Даурский народ отмечает ряд других традиционных праздников, таких как День золы шестнадцатого числа первого лунного месяца и праздник Драконьих лодок второго февраля. В День золы пожилые люди встают рано и наносят золу на лица своих не проснувшихся еще детей, после чего все выходят на улицы и посыпают золой лица друзей и знакомых, так как почерневшее лицо в традициях народа принято считать признаком удачи. Названные нами праздники отражают уникальные культурные традиции и ценности Даурского народа, сформированные на протяжении длительного исторического пути его становления.

Традиции народной литературы: коллективная память в мифах и легендах

Дауры обладают чрезвычайно богатой традицией устной словесности, включающей мифы и легенды, народные сказки, пословицы, загадки и другие жанры литературы. Написанные ими художественные произведения не только отражают историю и культуру Дауров, но и воплощают их уникальные философские идеи и эстетические представления.

Небесные тела занимают важное место в мифологических произведениях Дауров. В древности дауры верили, что небо имеет круглую форму и поддерживается журавлем, стоящим на Земле на одной ноге. Когда журавль меняет ногу раз в три года, на земле происходят землетрясения. Этот миф отражает наивное понимание даурами природных явлений и небесных тел [1, с. 139].

Народные сказки являются самым распространенным жанром Даурской устной словесности и включают героические сказания, истории о животных и шаманские предания. Среди них особое место занимает рассказ о «Мангае» - получеловеке и полузвере с огромными конечностями и страшной внешностью. Названный персонаж олицетворяет стихийные силы природы и злые силы общества. История борьбы с «Мангаем» отражает стремление Дауров научиться управлять природными стихиями и побеждать злые силы.

Заключение

Исследование народной культуры Дауров, исторически проживающих на территориях приграничных районов Хэйлунцзяна посредством инструментов междисциплинарных методов позволили в рамках исследовательской темы и цели систематизировать теоретическую основу Даурской народной культуры. Значимость достигнутых результатов определяется сохраняющимся до настоящего времени в исследовательской практике односторонним подходом и, соответственно, узкой трактовкой в понимании культурных элементов прошлого и настоящего Даурского народа.

Совокупность фрагментарности в изучении этнических групп, проживающих на территории современного Китая, провоцирует неэффективность применяемых механизмов культурной трансмиссии, что существенно обедняет теорию познания культуры в целом и культурных традиций Даурского народа в частности.

Достигнутые нами в исследовании результаты свидетельствуют, что народная культура Дауров основана на комплексном сочетании земледелия, животноводства, рыболовства и охоты. Клановая система «Хара» служит связующим звеном социальной организации, обеспечивающей жизнеспособность, адаптивность и инновационную устойчивость этнической группы в условиях непрекращающихся процессов модернизации общества.

Перспективой исследования, на наш взгляд, может стать детализация возможностей и спектра применения в контексте проблематики сохранения культурного наследия инструментария, предлагаемого современными цифровыми технологиями, с целью сохранения и трансляции накопленного культурного наследия. В свою очередь обладание подобным инструментарием может послужить толчком к развитию туризма и креативных индустрий в рамках созданной диверсифицированной системы защиты при поддержке государства, общественных организаций и образовательных учреждений.

ЛИТЕРАТУРА

1. Ван Цзянань. Народная культура, содержащаяся в обычаях и балладах провинции Хэйлунцзян // Пион. 2021. № 2. С. 138-139.
2. Ли ЧАО. Эстетическая ценность народного фольклора Хэйлунцзяна // Современная музыка. 2021. № 4. С. 190-192
3. Линь Ии, Ли Цзы. Исследование дизайна загородных домов в провинции Хэйлунцзян, основанного на народной культуре Северо-Востока // Дом. 2022. № 32. С. 87-90.
4. Цзинь Минся, Чжоу Сяоянь. Баллады Хэйлунцзяна с точки зрения народной лингвистики // Юношеские годы. 2021. № 22. С. 30-31.
5. Чжан Ин, Лю Цзиньюй, Чэн Чжэнъянь и др. Предварительное исследование рыбакского фольклора Хэйлунцзяна // Научное рыбоводство. 2024. № 2. С. 85-86.

© Ду Хэйхэй (3367721328@qq.com).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

НАРУЧИ В ТРАДИЦИОННОМ ЖЕНСКОМ КОСТЮМЕ СЕВЕРНЫХ ГУБЕРНИЙ РОССИИ XVIII–XIX ВЕКОВ: ИСТОРИКО-КУЛЬТУРНЫЙ АНАЛИЗ И РЕГИОНАЛЬНЫЕ ОСОБЕННОСТИ

BRACERS IN THE TRADITIONAL WOMEN'S COSTUME OF THE NORTHERN PROVINCES OF RUSSIA OF THE XVIII–XIX CENTURIES: HISTORICAL AND CULTURAL ANALYSIS AND REGIONAL FEATURES

E. Zyleva

Summary: The article considers bracers as an important element of women's folk costume of the Northern provinces of the Russian Empire of the XVIII–XIX centuries. A comparative analysis of the regional features of hoops in the Arkhangelsk, Vologda and Olonets provinces is carried out, differences in manufacturing technologies, decorative design and socio-cultural function are revealed. Special attention is paid to the use of pearl decoration and its symbolic significance in the traditional culture of the northern territories of Russia.

Keywords: bracers, handrails, folk costume, Northern provinces of Russia, pearl embroidery, traditional decorative art, regional peculiarities, XVIII–XIX centuries.

Зылева Елена Игоревна
Российский государственный
художественно-промышленный университет
им. С.Г. Строганова
Lenakobets1@gmail.com

Аннотация: В статье рассматриваются наручи как важный элемент женского народного костюма Северных губерний Российской империи XVIII–XIX веков. Проводится сравнительный анализ региональных особенностей наручей в Архангельской, Вологодской и Олонецкой губерниях, выявляются различия в технологиях изготовления, декоративном оформлении и социокультурной функции. Особое внимание уделяется использованию жемчужного декора и его символическому значению в традиционной культуре северных территорий России.

Ключевые слова: наручи, поручи, народный костюм, Северные губернии России, жемчужное шитье, традиционное декоративное искусство, региональные особенности, XVIII–XIX века.

Введение

Изучение традиционного народного костюма России представляет значительный интерес для понимания историко-культурных процессов и региональной специфики материальной культуры. Наручи, известные также как поручи, составляют один из малоизученных элементов женского костюма, требующий детального научного анализа. Актуальность исследования обусловлена необходимостью систематизации знаний о данном элементе традиционного костюма и выявления его роли в культуре Северных губерний Российской империи.

Целью настоящей статьи является комплексный анализ наручей как элемента женского народного костюма Северных губерний России XVIII–XIX веков, выявление их исторической эволюции и региональной специфики. Задачи исследования включают: изучение исторических истоков наручей и процесса их трансформации от церковного облачения к народному костюму; анализ региональных особенностей наручей в Архангельской, Вологодской и Олонецкой губерниях; выявление технологических и художественных характеристик жемчуж-

ного декора наручей.

Историческая эволюция наручей: от византийской традиции к народному костюму

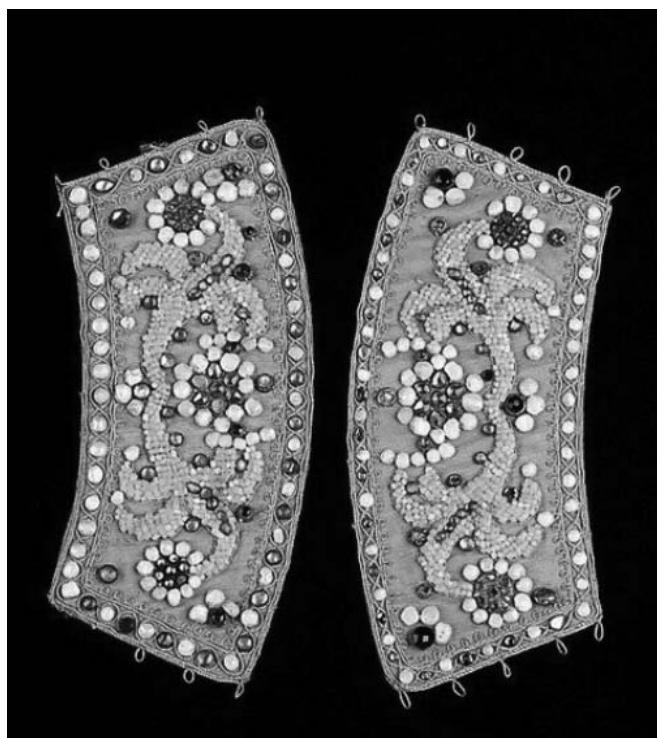
Генезис наручей в русской культуре неразрывно связан с византийскими литургическими традициями. В Византийской империи поручи (έπιμανίκια) являлись обязательным элементом священнического облачения, символизируя духовную власть и благодать, необходимую для совершения церковных таинств. Принятие христианства Древней Русью в 988 году способствовало заимствованию данного элемента церковного убранства.

В XVII–XVIII веках наручи становятся частью парадного костюма русской знати, сохраняя при этом сакральную семантику как символ власти и благочестия.

Адаптация наручей к народному костюму относится к XVIII–XIX векам и наиболее ярко проявилась в северных губерниях России. Географическая удаленность северных территорий, консервативность местного населения в сохранении традиций длительному бытования архаичных форм материальной культуры. В народной интерпретации наручи утратили исключительно статус-

Илл.1. Наручи. Реконструкция. XVII-XIX вв. Северные губернии России.
Реконструкция выполнена по сохранившемуся описанию и аналогам из собрания РЭМ.
Ткань, жемчуг речной, золотые нити; техника «сажения по бели».

Илл.2. Наручи. XIX в. Северные губернии России.
Ткань, жемчуг речной, золотые нити; шитье.
Из коллекции Н.Л. Шабельской.
The Metropolitan Museum of Art, New York.

Илл.3. Наручи. Реконструкция. XIX в.
Северные губернии России. Реконструкция выполнена
по сохранившемуся описанию.
Ткань, кожа, мех, жемчуг речной, золотые нити.

ное значение, трансформировавшись в элемент праздничного костюма, при этом сохранив отголоски первоначальной сакральной символики.

Региональная специфика наручей в Северных губерниях России

Анализ традиций изготовления наручей в трех северных губерниях выявляет устойчивые региональные особенности, сформировавшиеся под воздействием различных культурно-исторических факторов.

Архангельская губерния (**Илл.1**) характеризуется использованием тканей темных тонов (шелк, парча, бархат) в сочетании с крупным местным жемчугом (2-4 мм) и золотными нитями. Конструктивно наруччи отличаются удлиненными пропорциями (15-20×8-12 см) и трапециевидной формой с застежками. Основной технологической особенностью является применение техники "сажения по бели" — пришивание жемчужин на предварительно подготовленную белую основу, что обеспечивало максимальный контраст с темной основной тканью и усиливало визуальное воздействие декора. Орнаментальная программа базируется на геометрических композициях с использованием древнеславянской и христианской символики: ромбы как символы плодородия, кресты с христианской семантикой, зигзагообразные линии, ассоциируемые с водной стихией. Наряду с геометрическими мотивами встречаются стилизованные растительные элементы — условные изображения листьев, побегов и розеток, выполненные в технике золотного и жемчужного шитья и сохраняющие подчиненность общей геометрической структуре композиции. Важно отметить, что эти орнаментальные элементы выполняли апотропейическую функцию в системе традиционных верований. Сравнительный анализ декора наручей и других элементов костюма (головных уборов, накосников, подольных украшений сарафанов, серег, шейных украшений) выявляет единую орнаментальную систему регионального костюмного комплекса.

Вологодская губерния (**Илл.2**) демонстрирует принципиально иной подход, основанный на технологических особенностях работы с жемчугом и сложной флоральной орнаментике. Характерной региональной особенностью является создание объемных многослойных композиций за счет комбинирования жемчуга различных размеров (1-6 мм) и природных оттенков — от белоснежного до розового и темно-серого. Применились техники "низации по счету" и "шитья в проколку" для создания пространственных декоративных решений. "Низание по счету" представляло собой пришивание жемчужин строго определенными рядами согласно заранее разработанной математической схеме, что обеспечивало геометрическую точность сложных повторяющихся узоров. "Шитье в проколку" заключалось

в нанизывании нескольких жемчужин на рабочую нить с последующим протягиванием через материал основы одним движением, что позволяло создавать плавные линейные элементы и изгибы орнамента. Орнаментальная система включает сложные растительные и цветочные мотивы, виртуозное исполнение криволинейных форм — завитков, спиралей, стилизованных флоральных элементов. В отличие от архангельских образцов, вологодские мастерицы создавали живописные композиции органичного характера.

Олонецкая губерния (**Илл.3**) представляет уникальный синтез, где традиционное жемчужное шитье сочетается с аппликативными техниками обработки кожи и меха. Эта специфика обусловлена географическим положением региона на границе с Карелией и Финляндией, суровыми климатическими условиями и многоэтническим составом населения, включавшим русских, карельские, вепсские и финские группы. Технологические особенности включают мозаичное шитье с использованием предварительно окрашенной кожи различных цветов для создания полихромных композиций, а также комбинирование органических материалов с жемчужным декором. Конструкции отличаются максимальным морфологическим разнообразием (10-25×5-15 см) в зависимости от функционального назначения. Орнаментальная программа характеризуется присутствием зооморфных и флоральных элементов, отражающих влияние финно-угорских традиций. Декор включает архаические мотивы, связанные с анимистическими представлениями различных этнических групп региона, что позволяет характеризовать местную традицию как результат длительного культурного синтеза, протекавшего на протяжении нескольких столетий совместного проживания разных этносов.

Проведенное исследование наручей как элемента женского народного костюма Северных губерний России XVIII–XIX веков позволяет сделать следующие выводы.

Установлена историческая эволюция наручей от византийских литургических поручей к элементу народного костюма с XVII–XVIII веков, сопровождавшаяся трансформацией функций при сохранении отдельных символических.

Выявлены три устойчивых региональных типа наручей: архангельский (геометрическая орнаментика, импортные материалы, размеры 15-20×8-12 см), вологодский (флоральные мотивы, объемные техники жемчужного декора, размеры 12-15×6-10 см), олонецкий (комбинирование жемчуга с кожей и мехом, зооморфная орнаментика, размеры 10-25×5-15 см).

Доказана системность орнаментальных решений че-

рез сравнительный анализ декора наручей и других элементов костюма (головные уборы, накосники, подольные украшения, серьги, шейные украшения), выявивший единые композиционные и технологические принципы в рамках региональных традиций.

Определены специфические технологии: "сажение по беле" в Архангельской губернии, "низание по счету" и "шитье в проколку" в Вологодской, мозаичное шитье кожи в Олонецкой губернии.

Установлены функции жемчужного декора: статусная (показатель благосостояния), ритуальная (свадебная и календарная обрядность), апотропейическая (защитная символика).

Результаты исследования систематизируют знания о малоизученном элементе традиционного костюма и могут применяться в музейной атрибуции, реставрационной практике и образовательных программах по истории русского декоративно-прикладного искусства.

ЛИТЕРАТУРА

1. Божьева Н.П. Русский орнамент в вышивке: традиция и современность. Московское художественное училище прикладного искусства. М., 2008.- 265 с.
2. Вишневская И.И. Жемчужной шитье на Руси. М.,2007. – 62 с.
3. Кислуха, Л. Ф. Народный костюм русского Севера XIX – начала XX века в собрании Государственного музеиного объединения «Художественная культура Русского Севера». – СПб., 2006. – 256 с.
4. Мадлевская Е. Русские народные украшения (из собрания Русского этнографического музея). — М.: Бослен, 2021. — 64 с.
5. Якунина, Л.И. Русское шитье жемчугом. – М: Искусство, 1955. – 159 с.

© Зылева Елена Игоревна (Lenakobets1@gmail.com).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

ПОНЯТИЯ «МЕТА-», «МЕЖ-» И «НАД-» ДИСЦИПЛИНАРНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ В ИНДУСТРИИ КУЛЬТУРЫ: ЛОГИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ

THE CONCEPTS OF “META-”, “INTER-” AND “SUPER-” DISCIPLINARY RESEARCH IN THE CULTURAL INDUSTRY: A LOGICAL ANALYSIS

N. Marshina

Summary: In the process of the research the author correlates the concepts of interdisciplinary, polydisciplinary, interdisciplinary, transdisciplinary, supra-disciplinary, meta-disciplinary approaches. Meta-disciplinarity as a methodological basis for the analysis of the cultural industry considers the cultural industry as an integrative diversity of data on socio-economic and cultural phenomena. Identification of the conditions of interdisciplinary discourse based on flexible methodological tools allows us to form an objective view of modern concepts of the cultural industry as an integral area of research. The combination of a rigid classical fundamental methodological framework with practice-oriented methods based on an object orientation determines the choice of the optimal combination of research methods from a whole range of approaches. In conditions of invariance and multi-level cultural interaction between the cultural industry and the external socio-economic environment, the cultural industry has the opportunity to preserve basic cultural values and meanings or destroy them. This antagonistic functionality allows interpreting the cultural industry as a unique research object that reveals complex nonlinear processes of consumer society culture. Therefore, the importance of positive and negative heuristics of the Russian cultural industry as a unique metadisciplinary integral area is increasing. The author proposes to integrate the pyramidal structure of consciousness and the multidimensional model of metamodernity into a single integral metadisciplinary combination/model, connecting the vertices of possible individual structures of consciousness/development/communication in a single center, and taking into account the binary opposition of the entire consumer society. As a basis that unites all the modern diversity of aspects of studying the cultural industry into a holistic system, the author presents a flexible methodology that has the ability to take into account the metadisciplinarity of the cultural industry, segmentation of methods and principles, as well as the specifics of the sub-branches of the cultural industry.

Keywords: interdisciplinary discourse, metadisciplinarity, emergence, flexible methodology, cultural industries, communication, development.

Введение

Смена парадигм мышления в сторону многомерности, сложности, неопределенности и многозначности особенно характерно для эпохи Метамодерна.

Мальшина Наталия Анатольевна
кандидат философских наук, доцент, Саратовской государственной консерватории имени Л.В. Собинова
malsnataliya@yandex.ru

Аннотация: В процессе исследования автором производится соотнесение понятий междисциплинарный, полидисциплинарный, интердисциплинарный, трансдисциплинарный, наддисциплинарный, метадисциплинарный подходы. Метадисциплинарность как методологическая основа анализа индустрии культуры рассматривает индустрию культуры как интеграционное многообразие данных о социально-экономических и культурных феноменах. Выявление условий междисциплинарного дискурса на основе гибкого методологического инструментария позволяет сформировать объективный взгляд на современные концепции индустрии культуры как интегральной области исследования. Сочетание жесткого классического фундаментального методологического каркаса с практикоориентированными методами, основанной на объективной направленности, определяет выбор оптимального сочетания методов исследования из целого комплекса подходов. В условиях инвариантности и многоуровневого культурного взаимодействия индустрия культуры и внешней социально-экономической среды, индустрия культуры имеет возможность сохранить базовые культурные ценности и смыслы или разрушать их. Эта антагонистичная функциональность позволяет интерпретировать индустрию культуры как уникальный исследовательский объект, выявляющий сложные нелинейные процессы культуры общества потребления. Поэтому возрастает значение положительной и негативной эвристики индустрии культуры России как уникальной метадисциплинарной интегральной области. Автором предлагается интегрировать пирамидальную структуру сознания и многомерную модель метамодерна в единую интегральную метадисциплинарную комбинацию/модель с соединением в едином центре вершин возможных индивидуальных структур граней сознания/развития/коммуникации, и с учетом бинарной оппозиционности всего общества потребления. В качестве основы, объединяющей все современное многообразие аспектов исследования индустрии культуры в целостную систему, автором представляется именно гибкая методология, имеющая возможность учитывать метадисциплинарность индустрии культуры, сегментирование методов и принципов, а также специфику суботраслей индустрии культуры.

Ключевые слова: междисциплинарный дискурс, метадисциплинарность, эмерджентность, гибкая методология, индустрии культуры, коммуникация, развитие.

Разработка новых интегративных подходов в контексте анализа метамодерна как объединяющую философию, психологию и другие гуманитарные науки теорию [10, с.3]. Как особый обобщенный синтетический вид надбытия метамодерн обосновывает одновременное существо

ствование различных научных и культурных парадигм, активизированных познающим конкретным субъектом (человеком) в конкретное время и пространство. Метамодерн – «эпоха, которая осознает жизнь как движение энергии между (мета) полярностями» [17]. В данном исследовании *метамодерн* автором определяется в контексте предложенного П.М. Пискаревым интеграционного подхода – «особое состояние общества и новой эпохи, в которой сосуществуют консерватизм как свойство премодерна, экспансивность как черта модерна, стремление к трансформации как характеристика постмодерна» [17].

Человек метамодерна вынужден находиться в постоянном двояком процессе трансформации социальных норм: с одной стороны человек метамодерна создает собственные социальные пространства коммуникации и нормы, он больше не обязан быть таким, «как нужно», с другой стороны, прежние критерии нормы размыты и разнообразны до такой степени, что одновременно существуют разные критерии нормы. Следовательно, задача человека метамодерна состоит в выстраивании собственного «ценностно-смыслового универсума» и выработке собственных социальных норм. Человек метамодерна не столько вынужден «менять модусы взаимодействия с людьми и культурой» [17], сколько стоит на пороге выстраивания своего собственной ценностно-смысовой системы. Особую актуальность приобретает трактовка человека эпохи Метамодерн уже не как «человека бунтующего», а как «человека счастливого», *homo beatus* [19]. Концепция, предложенная Пискаревым П.М. *Homo beatus* – современного человека, человека эпохи Метамодерна «спокойное счастье жизни в уже построенном мире, «реализованная экзистенция» [19]. Достижение счастья в метамодерне строится не только на познании себя и своих особенностей, но и на превращении их в выдающиеся качества. То, что раньше было негативным аспектом, расстройством, в метамодерне превращается в выдающиеся качества личности. Вопрос состоит в том, как использовать их для достижения счастья.

Homo beatus не зависит от внешних обстоятельств, исторических, социальных, культурных условий, он – продукт собственного творения, собственных выборов, собственного отношения к жизни. «Ускорение жизни» в модерне и постмодерне сменяется для человека метамодерна размеренностью и «замедленностью», которые парадоксальным образом помогают ему успевать больше, достигать большего. Человек метамодерна свободно пересекает и преодолевает границы, осознанно применяет социальные роли, свободно меняет профессии, выбирает срок своей жизни и ее смыслы. Он – «позитивно свободная» и мультиролевая личность, ученый, метаполит, самоактуализатор; он конструирует собственный перспективный нарратив и воплощает его в жизнь.

Новый уровень свободы, который человек получает в эпоху метамодерна, – это так называемая позитивная свобода, которая приходит на смену «негативной свободе» предыдущих эпох. «Позитивная свобода» предполагает свободу не только от внешних ограничений, но и от внутренних барьеров. «Негативную свободу», индивид обретает в результате свободы от внешних ограничений и при наличии доступа к ресурсам (при этом неважно, как он решает ею распорядиться). «Негативная свобода» опирается на «концепцию возможности» (opportunity-concept), а «позитивная свобода» – на «концепцию осуществления» (exercise-concept). «Концепция осуществления» строится на чувстве внутренней свободы индивида и созидающем, целесообразном, разумном действии в соответствии со своим «Я».

Концепция Пискарева П.М. основана на интеграции методов экзистенциальной и трансперсональной психологии, философской – основе квантовых метафор и подходов когнитивных наук полностью укладывается мета-теоретическую концепцию. В разрабатываемой Павлом Пискаревым методологии работы с внутренними психическими состояниями, включая процессы их регуляции, используется принцип иерархической модели, основанной на семиуровневой модели Пирамиды Мышления (рисунок 1) [19]. Модель Пирамиды Мышления содержит такие элементы, как Пирамида Бытия, Пирамида Социума, Пирамида Коммуникации, Пирамида Деятельности относительно правой и левой части внешней и внутренней среды индивидуума. В соответствии с теорией Метамодерна, содержащей четыре эпохи – Премодерна, Модерна, Постмодерна и Метамодерна, каждая из четырех Пирамид определяет соответствующий им квадрант бытия.

Рис. 1. Пирамида Бытия Грань «Сознание» по П.М. Пискареву (автор выражает благодарность Институту Психологии творчества за предоставление материалов и исследований <https://metamodern.ru>)

Данная модель интегрирует философские основы классических логических принципов, квантовых понятий, терминов и метатеоретических концепций. Гибкая и адаптивная, динамическая голограммическая структура предполагает, что каждая часть системы содержит информацию о целом, каждая часть (пласт, грань и все их аспекты) отражает целое, обеспечивая её универсальность и адаптивность.

Междисциплинарный подход в исследовании характеризуется сглаживанием противоречий в идеях, методах и приемах исследования между науками, однако возникает проблема несовпадения понятийного аппарата даже смежных наук. В рамках междисциплинарного подхода происходит появление новых сфер научной деятельности на стыках классических областей наук, формируется процесс объединения, интеграция научного знания.

Основной целью данного исследования является - понятийный анализ современных подходов к исследованию индустрии культуры.

Методология исследования

Методологической основой исследования выступает междисциплинарный подход. Механизм междисциплинарного подхода в исследованиях основан на «отношении между системами дисциплинарного знания в процессе интеграции и дифференциации наук, и коллективных формах работы ученых в разных областях знания по исследованию одного и того же объекта» [11, с. 33]. Эффективное развитие понятийного аппарата возможно

только благодаря четкой ответственности за терминологию и методологию исследования при межуровневой циркуляции терминов. «Междисциплинарность часто связывают с инновациями, повышают вероятность получения нового знания и способствуют развитию тех областей, которые касаются объекта исследования» [10, с. 32], что позволяет сформировать авторский понятийный аппарат. Методология, интегрирующая разные области научного знания по своим свойствам, являются многосоставной и динамичной, разноуровневой, открытой и сложно системной, и синтетической что способствует максимизации результата и реализации прогностической функции.

Дискуссия

При соотнесении терминологии в зависимости от того, в каком количестве и в каком сочетании используются другие области научного знания выявляются основные опорные определения направлений исследований в рамках данного подхода. Междисциплинарный инструментарий, предполагает параллельное использование инструментов разных наук в рамках их функционала, наддисциплинарный даёт возможность создавать решения, которые больше суммы частей. Полидисциплинарный – при использовании методов «нескольких предметных областей, чтобы обеспечить разностороннее и наиболее соответствующее оригиналу описание» [20]. Интердисциплинарный – «при решении научной задачи, которая изначально относится к конкретной области знания, но невозможна методами этой области знания» [5, с. 312]. Трансдисциплинарными – «если для решения научной задачи необходимо выйти за рамки

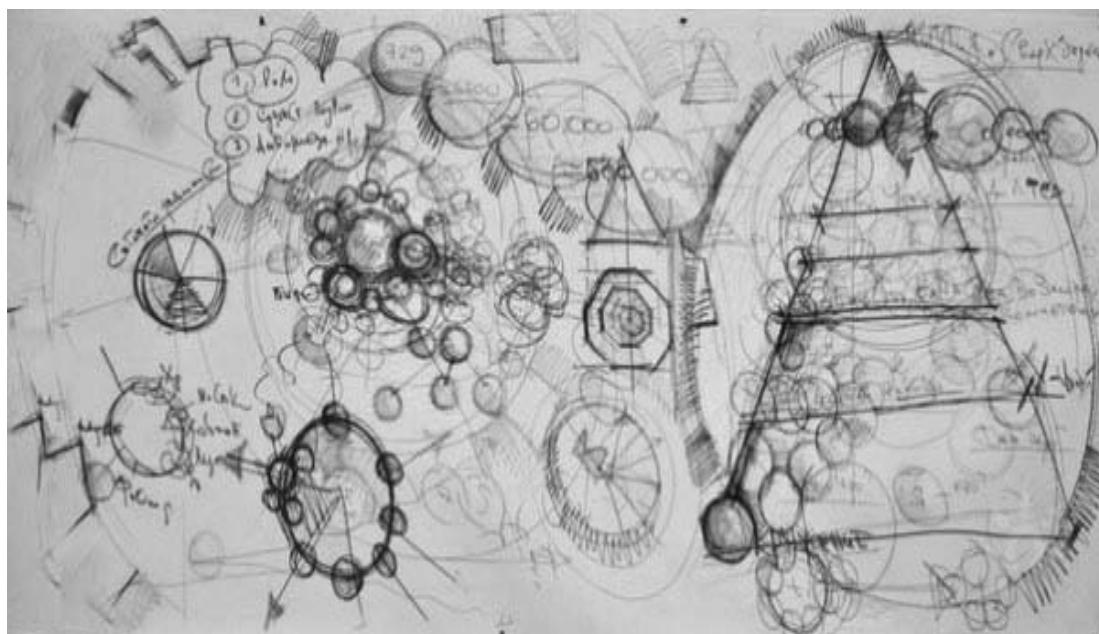

Рис. 2. Динамичная метадисциплинарность сложносоставной индустрии культуры (автор выражает благодарность Институту Психологии творчества за предоставление материалов и исследований <https://metamodern.ru>)

не только конкретный предметной области, но и самого научного познания» [6, с. 20]. Метадисциплинарными – «если сам объект исследования по своей природе таков, что находится на границе нескольких областей знания, результатом междисциплинарного исследования становится создание новой области знания, сквозной по отношению к нескольким другим (так называемый «выход на метауровень»)» [4, с. 73]. Метадисциплинарность в исследовании динамичной и многосоставной индустрии культуры [18, с. 77] гибко интегрирует методы и уровни исследования из различных областей научного знания, что позволяет осмысливать новые ее свойства и характеристики, преодолеть ограниченность рационального осмысливания в применении к ценностно-смысловым концептам (рисунок 2).

Определение интеграции, как механизма метадисциплинарности в индустрии культуры так же не имеет общепринятого для всех областей научного знания понятия, что также не способствует пониманию специфике ее применения относительно индустрии культуры. Так под «интеграционном подходом понимается методологический подход, сущность которого в целостном объединении (интеграции) ранее разобщенных однородных и разнородных компонентов» [14]. Центральным понятием всего разнообразия определений интеграционно-

го подхода является «интеграция (от лат. *integer* – целый, *integratio* – восстановление, восполнение) целостное объединение разобщенных (однородных и разнородных) компонентов» [12]. Современное рассмотрение культурологи как интеграционной научной дисциплиной, трактует «интеграцию» как восстановление, процесс сближения и установления связей между науками. В культурном пространстве «интеграция» трактуется как процесс взаимосвязи, взаимопроникновения и сближения культур.

Следовательно, интеграционный подход – «методологический подход, ориентирующий субъектов на целостное объединение (интеграцию) каких-либо компонентов при решении стратегических и тактических задач сферы деятельности» [4]. Интеграция заключает в своем понятийном поле феномены, процессы их многообразных общественных сфер.

Также, определяют основные подвиды интеграционного подхода по критерию направленности исследования «интегративно-модульный» [15]; «интегративно-проектный подход» [14]; «интегративно-аксиологический подход» [16]; «проблемно-интегративный подход» [21]; «интегративно-компетентностный подход», «интегративно-гуманитарный подход» [14].

Рис. 3. Многомерность метамодерна (автор выражает благодарность Институту Психологии творчества за предоставление материалов и исследований <https://metamodern.ru>)

При трактовке индустрии культуры как суботрасли экономики культуры под «интеграционным подходом понимается усиление взаимосвязей между подсистемами, стадиями жизненного цикла объекта управления, уровнями управления по вертикали, субъектами управления по горизонтали» [13]. Применение информационных технологий в индустрии культуры РФ порождает эффект самоорганизации сложных динамичных систем, с последующей возможностью прогнозирования резуль-

татов за счет отклика в конкретном промежутки времени от конкретного потребителя.

Исходя из разнообразия подходов к исследованию столь многосоставного явления как индустрия культуры представляется необходимым отказаться от выработки универсального подхода и использовать компоненты разных методологических подходов к исследованию, руководствуясь спецификой конкретной суботрас-

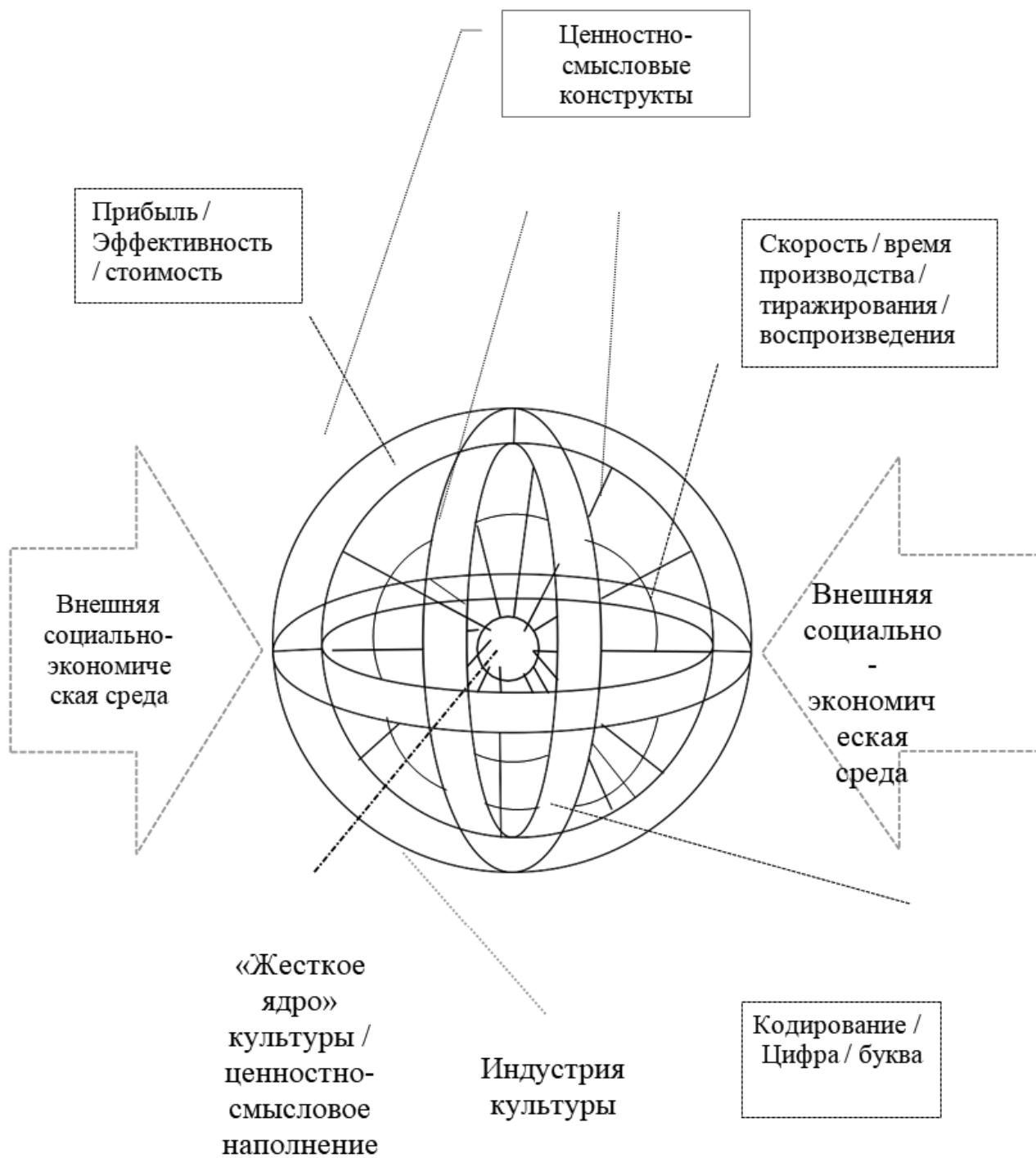

Рис. 4. Интегральная метадисциплинарная комбинация индустрии культуры

ли индустрии культуры и потребностями изменчивой внешней среды. Рассмотрение индустрии культуры одновременно и в качестве научного феномена, и в качестве практико-ориентированной формы человеческой деятельности и в качестве объекта философских, культурологических, социологических, статистических, семиотических, информационных и экономических исследований, требует возможности полноценного функционирования и гибкого механизма исследования и развития единства разнообразия индустрии культуры.

Динамичный межуровневый взаимообмен происходит не только на основе понятий и методов, но и на основе обмена данными (базами данных), информационными ресурсовыми потоками, потоками знаний и достигает наивысшего проявления в виде творческого процесса как создания нового в материализованном или не материализованном виде результата.

Возникающее свойство эмерджентности индустрии культуры, в данных условиях, это порождение управляемого процесса из хаоса возникающего, когда сущность обладает свойствами, которых ее части не имеют сами по себе, качеством или поведением, которые возникают только тогда элементы взаимодействуют в более широком объемном целом. Условием возникновения свойства эмерджентности является наличие гладкой ровной внешней среды для процессов самоорганизации сложных структур. Согласно Аристотелю, что «эмерджентные структуры отличаются от суммы их частей, исходя из предположения, что эмерджентный порядок не возникнет, если различные части просто взаимодействуют независимо друг от друга» [1].

Для современной индустрии культуры не достаточны существующие классические классификации, а характерно динамичное перемещение терминов, мозаичный принцип построения понятийного аппарата [9]. Принципиально новые возможности для активного пересечения границ, расширяет приемлемость норм, ценностей и стандартов, рынков.

Графическая модель одновременно увязывает основные логические модели в одну метатеоритическую модель, чем полностью укладывается в концепцию метамодерна и метадисциплинарного подхода (рисунок 3).

Метатеоритическую модель через одновременное интегрирование бинарных оппозиций визуализирует единое метапарадигмальное интерактивное надвременное пространство. Данная модель дает возможность точно определить присутствующие философские понятия «феноменальный мир» и «аналитический мир» / «интеграция» и «сепарация» с помощью логических операций и присутствующих метатеоретических

понятий «метамодерн»/ душа, «постмодерн»/интеллект, «модерн»/чувств, «премодерн»/тело в дискурсе метатеоретической концепции индустрии культуры.

Результаты

Индустрия культуры интегрирует накопленные знания в области смежных наук и сфер деятельности, исключая любую методологическую унификацию, в пользу методов способных решать задачи комплексного уровня познания многосоставного явления индустрии культуры. Выявление условий междисциплинарного дискурса на основе гибкого методологического инструментария позволяет сформировать объективный взгляд на современные концепции индустрии культуры как интегральной области исследования. Сочетание жесткого классического фундаментального методологического каркаса с гибкой практикоориентированной методологией, основанной на объектной направленности, определяет выбор оптимального метода исследования из целого комплекса подходов. Гибкое комбинирование подходов в исследовании индустрии культуры, раскрывает ее как способ производства культурных ценностей, норм и смыслов, активно преобразующий окружающую реальность.

Автором предлагается подход к метадисциплинарной интеграции индустрии культуры: *прибыль* (эффективность) – *скорость/время* (производства, воспроизведения, тиражирования) – *кодирование* (цифра, буква) (Рисунок 4). Информация выступает условием функционирования данной комбинации, так как одновременно и интегрирует, и дифференцирует по суботраслям индустрии культуры, потребителей по сегментам, скорость производства или тиражирования услуг/товаров культуры по временным показателям. Автором предлагается интегрировать пирамидальную структуру сознания (рисунок 1) и многомерную модель метамодерна (рисунок 3) в единую модель с соединением в едином центре вершин возможных индивидуальных структур сознания/развития/творчества/влияния/коммуникации/потребности, и с учетом бинарной оппозиционности всего общества потребления/эпохи метамодерна.

В условиях инвариантности и многоуровневого культурного взаимодействия индустрия культуры и внешней социально-экономической среды, индустрия культуры имеет возможность сохранить базовые культурные ценности и смыслы или разрушать их. Эта антагонистичная функциональность позволяет интерпретировать индустрию культуры как уникальный исследовательский объект, выявляющий сложные нелинейные процессы культуры общества потребления. Поэтому возрастает значение положительной и негативной эвристики индустрии культуры России как уникальной метадисципли-

нарной интегральной области.

В качестве основы, объединяющей все современное многообразие аспектов исследования индустрии культуры в целостную систему, автором представляется

ся именно гибкая методология, имеющая возможность учитывать метадисциплинарность индустрии культуры, сегментирование методов и принципов, производителей и потребителей, а также специфику суботраслей индустрии культуры.

ЛИТЕРАТУРА

1. Аристотель. Метафизика / Перевод с греческого П.Д. Первова и В.В. Розанова. М.: Институт философии, теологии и истории св. Фомы, 2006. — 232 с.
2. Баксанский О.Е., Емелин И.А. Методология современного естественнонаучного образования и эпистемологический анархизм П. Фейерабенда // Проблемы современного образования. 2017. №2. — С. 14-21
3. Евтеев В.С. Проблема разграничения понятий «интеграция», «междисциплинарная интеграция», «интеграция математического образования» // Вестник Елецкого государственного университета им. И.А. Бунина. 2016. Т. 37. — С. 223-230
4. Иванова Д.И., Лакербая Д.Л. Когнитивная гуманитарная семиотика как „точка роста“ филологического знания // Вестник Московского университета. Серия 9. Филология. 2023, №3, — с. 65–78.
5. Исакова И.А., Петрова, И.Э., Ситникова, И.В. Интердисциплинарность vs междисциплинарность: возможности изучения креативности // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2023. № 1 (173). — С. 310-322.
6. Киященко Л.П. Феномен трансдисциплинарности – опыт философского анализа // Santalka. Filosofija. Vilnius. 2006. Т. 14. № 1. — С. 17-38.
7. Магнус Я.Р. Эконометрика. Начальный курс / Я.Р. Магнус, П.К. Катышев, А.А. Пересецкий. 6-е изд., перераб. доп. М.: Дело. 2004. — 576 с.
8. Мальшина Н.А. Разработка модели новой парадигмы развития индустрии культуры // Научные исследования и разработки. Экономика фирмы. 2019. № 3. Том: 8. — С. 52-60
9. Мальшина Н.А. Междисциплинарная основа интеграции индустрии культуры // Вестник Московского государственного университета культуры и искусств. 2021. №6. — С. 59-65.
10. Междисциплинарность в науках и философии / Рос. акад. наук, Ин-т философии; Отв. ред. И.Т. Касавин. М.: ИФРАН, 2010. — 205 с.
11. Мирский Э.М. Междисциплинарные исследования и дисциплинарная организация науки. М. 1980. — 243 с.
12. Новая философская энциклопедия: в 4 т. Под редакцией В. С. Стёпина. М.: Мысль. 2001. Т 1. — 744 с.
13. Олянич Д. В. Теория организации / Д. В. Олянич [и др.]. — Ростов н/Д: Феникс, 2008. — 408 с.
14. Пак М. С. Теоретические основы интегративного подхода в процессе химической подготовки учащихся профтехучилищ: Автoref... дисс. д-ра пед. наук. Л., 1991.
15. Пак М.С., Злотников Э.Г., Ласточкин А.Н. Концепция интегративно-модульного обучения химии на подготовительном отделении педвуза // Педагогика новому веку: идеи на будущее. СПб.: Образование; Культура, 2000. — С.20-32.
16. Пак М.С., Фадеев Г.Н., Куанышева И.Б. Интегративно-аксиологический аспект послевузовской подготовки учителя // Материалы Герценовских чтений, 17-19 мая 2000 г. Спб., Изд-во РГПУ, 2000. — С.117- 118
17. Пискарев П.М. Метамодерн: к постановке проблемы <https://theory.metamodern.ru/theory/metamodern-k-postanovke-problemy.php>
18. Пискарев П.М. Метадисциплинарный подход к трансформации мышления с помощью метода «нейрографика» // Обзор педагогических исследований. 2025. Т. 7. № 2. — С. 77-82.
19. Пискарев П.М. Homo beatus — человек метамодерна <https://mango.metamodern.ru/metamodern/?ysclid=mdmx2cuf7u813492637>
20. Суслова Т.И. Полидисциплинарность в гуманитарных науках // Современные проблемы науки и образования. 2009. № 6-1. URL: <https://science-education.ru/ru/article/view?id=1358> (дата обращения: 20.05.2025).
21. Шаталов М.А. Система методической подготовки учителя химии на основе проблемно-интегративного подхода. Автorefерат диссертации на соискание ученой степени доктора педагогических наук / Российский государственный педагогический университет им. А.И. Герцена. Санкт-Петербург, 2004. — 42 с.

© Мальшина Наталия Анатольевна (malsnataliya@yandex.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

ИНСТИТУТЫ СОЦИАЛЬНОЙ ПАМЯТИ РОССИИ И КИТАЯ: СОХРАНЕНИЕ НАУЧНО-ТЕХНИЧЕСКОГО НАСЛЕДИЯ И ЗНАНИЙ О КОСМОСЕ

INSTITUTES OF SOCIAL MEMORY IN RUSSIA AND CHINA: PRESERVATION OF SCIENTIFIC AND TECHNOLOGICAL HERITAGE AND KNOWLEDGE ABOUT SPACE

E. Trofimova

Summary: In this article, the author explores the role of archives, museums, and libraries in preserving knowledge about space exploration and the interaction between Russia and China in preserving and presenting knowledge and achievements in space exploration. The article examines how the preservation, realization and consumption of collective social memory provide valuable insight into the relationship between the understanding of Chinese and Russian identity, as well as the changing role and place of heritage in Chinese and Russian cultural policy. Modern strategies for the development of scientific and technical heritage are considered and proposals for its improvement are made.

Keywords: institutes of social memory, cultural policy of Russia and China, scientific and technical heritage, space.

Трофимова Екатерина Игоревна
Аспирант, Федеральное государственное бюджетное
научно-исследовательское учреждение «Российский
научно-исследовательский институт культурного
и природного наследия имени Д.С. Лихачева» (Москва)
trofimo-katya@yandex.ru

Аннотация: В данной статье автор исследует роль архивов, музеев и библиотек в сохранении знаний об изучении космоса и взаимодействие России и Китая в вопросах сохранения и представления знаний и достижений в освоении космоса. В статье изучается вопрос о том, как сохранение, реализация и потребление коллективной социальной памяти дают ценное представление о взаимосвязи между пониманием китайской и российской идентичности, а также изменение роли и места наследия в китайской и российской культурной политике. Рассмотрены современные стратегии развития научно-технического наследия и внесены предложения по его совершенствованию.

Ключевые слова: институты социальной памяти, культурная политика России и Китая, научно-техническое наследие, космос.

Введение

Тема сотрудничества России и Китая в космической сфере давно занимает одно из центральных мест в исследованиях как российских, так и китайских ученых. Вопросы, связанные с трансляцией достижений совместного изучения космоса и их овеществлением в виде документов, книг и музейных предметов пока не становились предметом серьезного исследования. В фокусе внимания исследователей в основном остаются институты социальной памяти, связанные с историко-культурным наследием, но тема научно-технического наследия практически не освещена. Вместе с тем, значимость научно-технического наследия напрямую связана с формированием гражданской идентичности, формированием чувства гордости у молодежи за выдающиеся достижения наших соотечественников в космосе. Актуальность данной проблематики обусловлена последними событиями, происходящими в современном мире, беспрецедентным санкционным давлением Запада на нашу страну и разворотом внешнеполитического курса России на Восток. В связи с этим особую актуальность приобретает сохранение и дальнейшее развитие куль-

турного диалога с Китаем.

Методы и материалы

При написании статьи использованы методы логики и диалектики, анализа и синтеза, статистический, междисциплинарный метод и исторической ретроспективы. На основе исследования взаимодействия различных форм памяти, формирования коллективной идентичности показана роль институтов социальной памяти.

Результатами исследования стало акцентирование внимания на необходимости взаимодействия России и Китая в обозначенной области, связанные с изменением институционального ландшафта институтов социальной памяти, в том числе с учетом развития искусственного интеллекта.

Обсуждение

В формировании научно-технического наследия значительную роль играет «инфраструктура памяти». Инфраструктура памяти решает теоретическую задачу, связанную с созданием национальных структур, которые

поддерживают и интегрируют объекты культурного/ научно-технического наследия, национальную память и коллективно разделяемые представления [14, с. 142].

В связи с усилением роли и значимости информации в жизненных реалиях все больше внимание уделяется понятию «социальная память». Ее определяют как «совокупность социокультурных средств и институтов, осуществляющих отбор и преобразование актуальной социальной информации о прошлом» [4].

К институтам социальной памяти относятся библиотеки, музеи и архивы. Библиотеки аккумулируют документированную память, выполняя три функции: мемориальная, коммуникативная, социокультурная. Музеи сохраняют и передают источники информации с помощью музеиных предметов, они формируют присутствие прошлого в настоящем, создают визуализированную картину прошлого в общественном сознании. В архивах сосредоточены исторические документы, которые сохраняют национальную память и идентичность и представляют доступ к информации.

Двусторонние связи, между РФ (ранее – СССР) и КНР насчитывают более 75-летний опыт взаимодействия в политических, экономических, культурных аспектах, что служит устойчивой поддержкой в формировании многополярного мирового порядка. При реализации огромного потенциала этого партнёрства решающее значение имеет общественная поддержка и отношения между людьми. Поэтому, довольно очевидным шагом стало объявление 2024-2025 годов российско-китайской культуры [7].

Культурные обмены между странами направлены на то, чтобы способствовать более глубокому и тонкому пониманию социальной идентичности, ценностей, устремлений и традиций друг друга. С другой стороны, важно понять общность целей и интересов и учитывать опыт достижений своих партнеров, что становится базой продвижения и развития культурного сотрудничества. Правительства России и Китая полны решимости сохранять свои культурные традиции и рассматривать свою историю как самый важный, глубокий и непреходящий источник силы для прогресса. Они также осознают, что культурное разнообразие находится под угрозой утраты, прежде всего на Западе, где коммерциализация, стандартизация и упрощение культуры привели к повсеместному интеллектуальному упадку.

Отказ Запада от русской культуры – это не только ошибка западных политиков, но и возможность для России и Китая укрепить сотрудничество в сфере искусства, музыки, театра, балета и т.д. Все это вместе взятое становится эффективным способом формирования позитивного общественного восприятия культуры другой

страны.

Для Китая национальная культура, основанная на тысячелетних традициях, становилась источником политической идентичности и социальной сплоченности. Поэтому в Китае наблюдается «бум» в области музеев и культурного наследия. К тому же Китай внедрил международные процедуры и стандарты по охране материального и нематериального наследия, установленные ЮНЕСКО и создал сложную, институциональную и коммерческую инфраструктуру для их реализации.

Космос имеет важное значение для всего человечества, поэтому так важны вопросы, связанные как с его освоением, так и популяризацией знаний о нашей Вселенной. Россия и Китай – две мировые космические державы, опыт которых служит примером и поводом для конкуренции других стран. С 2000 г. сотрудничество в космической сфере между РФ и КНР вышло на новый уровень. Совместные программы сотрудничества по освоению Луны, изучению Венеры и Марса, борьба с космическим мусором и т.п. В настоящее время, несмотря на санкционное давление Запада, КНР и РФ увеличили объем инвестиций в космонавтику. Развитие сотрудничества между двумя державами направлено на укрепление синергии и сохранение баланса в космической сфере, для поддержания многополярности космоса и общей стабильности мировых космических отношений в контексте сохранения статуса и атрибутов «глобального достояния» в космосе и формулирования справедливых правил управления космосом в будущем, обеспечивающие тем самым стабильность космического порядка [13]. Схожий опыт в освоении космоса в прошлом, несмотря на 35-летнюю разницу в старте государственных космических программ, предполагает формирование колossalного научно-технического и культурного наследия. Как отмечает А.А. Нечепоренко «в космической сфере страны ближе к дипломатической, чем к полной научно-технической интеграции» [6, с. 21]. Но сотрудничество в космосе продолжает набирать новые обороты.

Традиционно вопросами формирования контента культурного наследия занимаются институты памяти, к которым относятся музеи, библиотеки и архивы. Они же выполняют в обществе функции кумуляции и трансляции социального опыта нынешним и последующим поколениям. Дальнейшее усиление интеграции российских и китайских социальных институтов памяти возможно «через создание электронных информационных ресурсов различных видов» [9, с. 412].

Опыт исследования околоземной орбиты, безвоздушного космического пространства и других планет представлен в «Мемориальном музее космонавтики» (Москва), включающим 85 тыс. ед. хранения и в «Государственном музее истории космонавтики имени К.Э. Ци-

олковского» (Калуга), в фондах и экспозиции которого 70000 ед. хр.

В «Музее Центра подготовки космонавтов имени Ю.А. Гагарина» хранится более 20 000 предметов. В музеях предприятий ракетно-космической отрасли и других, в том числе занесенных в краткий информационный справочник «Космонавтика в музеях России», который к своему выпуску в 2013 году насчитывал 15 музеев космонавтики, 26 музеев предприятий космической промышленности, помимо музеев в вузах, ссузах и школах. Самыми крупными в Китае являются: «Шанхайский астрономический музей», «Музей китайской космической науки», «Гонконгский музей космоса» [5].

Экспозиции «космических» музеев, несмотря на разницу культур, отвечают критериям историчности, представляя процесс освоения космоса как прогрессивное совершенствование методов изучения и постепенное усложнение космической техники для работы в специфических условиях и для адаптации человека к работе в них. Вторым не менее важным критерием является подлинность представляемых образцов. Исследователи Т.В. Галкина и Р.Ю. Тереков приводят географические сведения расположенности музеев космонавтики в нашей стране. Так, «44 % музеев предприятий расположены в Москве и Московской области, 37,5 % - в европейской части России и только 12,5 % - в Сибири и Казахстане (музей космодрома Байконур)» [2, с. 193] и делают вывод о неравномерности распространения музеев с космической проблематикой.

Наиболее закрытыми в представлении хранящихся материалов являются архивы. Российский государственный архив научно-технической документации включает заголовки более чем 20 млн. единиц хранения [8] и обеспечивает себя постоянным поступлением документов на хранение, проводя активную работу с предприятиями ракетно-космической отрасли. Обладая внушительным фондом кино-фотодокументов космической тематики, архив проводит частые выставки, экспонируя документы о космических аппаратах и научно-популярные фильмы. Отраслевой архив ракетно-космической промышленности, несмотря на ведущуюся активную работу с предприятиями, больше выполняет функции хранения переданных документов организаций, это напрямую связано с тем, что подавляющее большинство передаваемых документов имеют грифы и отметки ограничения доступа.

Государственная публичная научно-техническая библиотека России, Научно-техническая библиотека (НТБ) Центра подготовки космонавтов, Президентская библиотека имени Б.Н. Ельцина, Национальная электронная библиотека, содержат в открытом доступе образы книг и

материалов, посвященных космической теме. В целом в России работают 42 тыс. библиотек, что намного больше, чем в Китае (3246) и тем не менее, для Китая библиотеки также являются важной частью культурного сегмента [10, с. 466].

Число их посетителей в России составило за год около полмиллиона человек, а электронные входы в библиотеки зарегистрировали 200 млн. посещений. Популяризация научно-технического наследия при помощи социальных институтов памяти в настоящее время уделяется недостаточное внимание со стороны со стороны представителей науки и государственных структур. Наши достижения в космической сфере составляют базу современных технологий и хранят в себе значительный потенциал для будущих возможностей.

Ученые предлагают использование двух основных стратегий сохранения научно-технического наследия: «коммеморация (памятование) и коммодификация (превращение в товар не рассчитанного на коммерческий спрос продукта), которые могут дополнять друг друга» [1, с. 155-156]. Коммеморации научно-технического наследия является составной частью национального наследия и обогащает уникальным содержанием концепцию сохранения всемирного научно-технического наследия.

Одним из направлений также может стать иммерсивная «эмоциональная» инфраструктура памяти, которая придает «ауру достоверности» тщательно обработанному культурному наследию и артефактам, чему в большей мере могут способствовать технологии искусственного интеллекта [12].

Несмотря на тесные культурные и политические взаимосвязи России и Китая в последнее время, а также год перекрестного культурного сотрудничества, не получили достаточного освещения события касающегося культурного взаимодействия стран в области культуры и космоса. Аккумулирование всех аспектов культуры как мягкой силы для освещения непревзойденных достижений космической отрасли двух космических держав могли в очередной раз привлечь внимание к данной сфере. Китай и Россия - это государства, полигэтнические, многоконфессиональные, объединенные общим языком, культурным кодом и национальной памятью. Они строят свое будущее, сохраняя прошлое посредством диалектического взаимодействия прошлого и настоящего.

Во время Дальневосточного экономического форума было объявлено об отмене виз для граждан России при посещении Китая с 15 сентября 2025 г. Это означает, что еще больше граждан нашей страны смогут познакомиться с институтами социальной памяти о космосе не только у себя на Родине.

Основные выводы

1. Совместные мероприятия по сохранению продвижению научно-технического наследия в космической сфере будут способствовать «продвижению знаний об отечественном научно-техническом наследии среди молодежи, их активному участию в различных социаль-

но-экономических проектах, формированию их позитивной гражданской идентичности» [3, с. 56].

2. Формирование цифрового контента для сохранения научно-технического наследия и знаний о космосе становится приоритетом в развитии современного информационного общества как в России, так и в Китае.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бакуменко Г.М. Проблемы коммеморации и коммодификации научно-технического наследия // В сборнике: Культурное наследие Северного Кавказа как ресурс межнационального согласия. Сборник научных статей Восьмого международного научного форума. Москва, 2023. С. 144-159.
2. Галкина Т.В., Тереков Р.Ю. Специфика представления космической тематики в современных российских и зарубежных музеях // Вестник ТГПУ. 2015. №2 (155). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/spetsifika-predstavleniya-kosmicheskoy-tematiki-v-sovremennykh-rossiyskih-i-zarubezhnykh-muzeyah> (дата обращения: 05.09.2025).
3. Гургенидзе А.М. Отечественное научно-техническое наследие как ресурс формирования позитивной гражданской идентичности молодежи // В сборнике: Развитие гражданской идентичности молодежи: инструменты, тренды и перспективы. Сборник материалов межрегиональной научно-практической конференции. Челябинск, 2024. С. 49-57.
4. Илизаров Б. С. Социальная память человечества: структура и формы // Вопросы философии. 1985. № 8. С. 60-69.
5. Космонавтика в музеях России [Текст]: краткий информационный справочник / Ассоц. музеев космонавтики России (АМКОС); [авт.-сост. Н.С. Кирдода]. - Москва: [б. и.], 2013. - 77 с., [28] л. цв. ил.; 20 см.; ISBN 978-5-9903791-2-1.
6. Нечепоренко А.А. Сотрудничество Китая и России в космосе // РУССКАЯ ПОЛИТОЛОГИЯ — RUSSIAN POLITICAL SCIENCE. 2024. № 1 (30) МИР НА РАЗНЫХ СКОРОСТЯХ с. 16-24.
7. Распоряжение Президента Российской Федерации от 03.01.2024 № 3-рп «О проведении Годов культуры России – Китая» // <http://publication.pravo.gov.ru/document/0001202401030009> (дата обращения: 05.09.2025).
8. Российский государственный архив научно-технической документации // URL: <https://rgantd.ru/?ysclid=mf266gnuig8967041/> (дата обращения: 05.09.2025).
9. Скипор И.Л. Электронные информационные ресурсы как средство сохранения культурного наследия: миссия институтов памяти в формировании и продвижении // В сборнике: Байкальские встречи - X: Культурная память и культурная идентичность в условиях глобализации. Материалы международной научно-практической конференции. 2018. С. 412-420.
10. Соколова Н.Ю. Институты социальной памяти в контексте культурной политики (опыт Китая и России) // Россия: тенденции и перспективы развития. 2015. №10-3. // URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/instituty-sotsialnoy-pamyati-v-kontekste-kulturnoy-politiki-opyt-kitaya-i-rossii> (дата обращения: 05.09.2025).
11. Brown M., O'Brien D. Making the past serve the present: the testimonial tourist gaze and infrastructures of memory in Xinjiang Uyghur autonomous region (XUAR), China. 2022. Journal of Current Chinese Affairs, 52(2). <https://doi.org/10.1177/18681026221121282> (дата обращения: 05.09.2025).
12. Jiang Hongfei Анализ китайско-российского космического сотрудничества в новый период // Проблемы Дальнего Востока. 2023. Вып. 3 с. 99-110. DOI 10.31857/S013128120025874-2 // URL: <https://pdv.jes.su/s013128120025874-2-1/> (дата обращения: 05.09.2025).
13. Laura Ruggeri. China and Russia Are Taking Cultural Relations to the Next Level // URL: <https://strategic-culture.su/news/2024/03/21/china-and-russia-are-taking-cultural-relations-to-next-level/> (дата обращения: 05.09.2025).
14. Maximilian Mayer. Politics of Memory, Heritage, and Diversity in Modern China October 2023 Journal of Current Chinese Affairs 52(2):139-162 DOI:10.1177/18681026231204890

© Трофимова Екатерина Игоревна (trofimo-katya@yandex.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

МОТИВАЦИОННО-КОГНИТИВНЫЕ ОСОБЕННОСТИ ПРИНЯТИЯ ФИНАНСОВЫХ РЕШЕНИЙ

Архимандритова Юлиана Андреевна

Независимый исследователь

arkh.work@yandex.ru

MOTIVATIONAL AND COGNITIVE FEATURES OF FINANCIAL DECISION-MAKING

Iu. Arkhimandritova

Summary: The article presents theoretical modeling of financial decision-making as a manifestation of the psychology of individual economic behavior based on a generalization of modern domestic and foreign scientific literature within the framework of economic psychology and behavioral economics. The key foundations of motivational and cognitive analysis are shown, including the role of motives, attitudes, self-control and the locus of control in combination with risk perception, attention, memory and probability assessment, as well as the influence of digitalization, media and institutional norms as external determinants. Personality profiles are described and types of financial behavior are systematized, the relationship of dominant motives with cognitive distortions and the results of choice in the context of social change is revealed. The key results are the developed motivational and cognitive model of financial decision-making and the model of the influence of digital and social factors.

Keywords: motivation, cognition, financial behavior, financial decisions, decision-making, digitalization.

Аннотация: В статье представлено теоретическое моделирование принятия финансовых решений как проявления психологии экономического поведения личности на основе обобщения современной отечественной и зарубежной научной литературы в рамках экономической психологии и поведенческой экономики. Показаны ключевые основания мотивационно-когнитивного анализа, в том числе роль мотивов, установок, самоконтроля и локуса контроля в сочетании с восприятием риска, вниманием, памятью и оценкой вероятностей, а также влияние цифровизации, медиа и институциональных норм как внешних детерминант. Описаны личностные профили и систематизированы типы финансового поведения, выявлена связь доминирующих мотивов с когнитивными искажениями и результатами выбора в условиях общественных изменений. Ключевыми результатами выступает разработанная мотивационно-когнитивная модель принятия финансовых решений и модель влияния цифровых и социальных факторов.

Ключевые слова: мотивация, когниция, финансовое поведение, финансовые решения, принятие решений, цифровизация.

Введение

В настоящее время принятие финансовых решений (далее — ПФР) значительно усложняется и связывается с различными мотивами и когнитивными состояниями личности [12]. Исследования в области ПФР показывают, что такие решения нередко основаны на субъективных представлениях, установках, переживаниях и ограниченных когнитивных стратегиях [10]. Финансовое поведение отражает взаимодействие индивидуальных психологических характеристик и внешней среды, что формирует неоднородную картину реакций на информацию, риски и различные социальные сигналы [3], [11]. Развиваемые в экономической психологии подходы позволяют объяснить механизмы возникновения подобных реакций и их устойчивость в условиях общественных изменений.

Исследования в области поведенческой экономики подтверждают, что мотивационные и когнитивные механизмы оказывают прямое воздействие на содержание ПФР. Так, характер действий в финансовой среде определяют субъективная оценка финансовых перспектив,

локус контроля, установки и представления о риске [7], [13]. Взаимосвязь между мотивами, когнитивными искажениями и выбором стратегии поведения описывается в работах как российских, так и зарубежных авторов, что позволяет выявлять типичные модели ПФР [2], [12], что даёт возможность рассматривать финансовые решения как форму экономического поведения, опосредованную личностными и социальными факторами.

Актуальность работы

Данное исследование направлено на разработку авторской модели ПФР как проявления психологии экономического поведения личности с учётом современных тенденций поведенческой экономики для того, чтобы облегчить понимание детерминант и социально-психологических механизмов финансовых решений, принимаемых современными потребителями в контексте общественных изменений, включая экономические кризисы. Исследование также отражает и обобщает последние достижения современной отечественной и зарубежной научной литературы в области изучения и анализа ПФР, представленные в высококвалифицированных научных журналах.

Разработка авторской схемы направлена на уточнение взаимодействия мотивационных и когнитивных компонентов, что позволяет углубить представления о психологической природе ПФР.

Материалы и методы

Настоящее исследование носит теоретический характер. В качестве основных методов исследования использованы анализ научной литературы, обобщение, сравнение, дедукция. Для построения мотивационно-когнитивной модели ПФР применяются труды российских исследователей в области поведенческой экономики и экономической психологии, опубликованные в изданиях ядра РИНЦ [7-10], работы зарубежных авторов, представленные в ведущих международных журналах [11-13], а также иные релевантные труды российских учёных.

Результаты и их обсуждение

Эволюция представлений о мотивации и когниции в экономическом поведении связана с постепенным отходом от модели *homo economicus* к рассмотрению субъекта как носителя установок, норм и ограниченных когнитивных стратегий, т.е. ограниченной рациональности [4]. К ключевым теоретическим рамкам в области исследований мотивов ПФР можно отнести теорию запланированного поведения и теорию разумного действия [3], в области исследований когниций — теорию перспектив (prospect theory) как основу анализа отклонений от рациональной модели [1].

В настоящее время ПФР всё чаще трактуется как результат взаимодействия психологических факторов с социальными условиями, что отражается в учёте установок, саморегуляции и оценок риска [11]. Анализ аномалий и ошибок мышления показывает, что отклонения от нормативных представлений о рациональном выборе носят системный характер и их нельзя свести к неполной информации [9].

Объяснение современного ПФР опирается на соединение когнитивной психологии и поведенческой экономики. Существенную роль играет самоконтроль как предиктор практик управления личными финансами [12]. Влияние установок к деньгам, субъективного знания и самоэффективности объясняет устойчивые различия при ПФР в контексте одинаковых внешних условий [11]. Когнитивную основу для описания ПФР задаёт взаимосвязь между финансовой грамотностью, финансовой способностью и поведением, которая в том числе подчёркивает значимость мотивации как внутреннего источника действий [13]. Здесь важно подчеркнуть отметить отличие от рациональной модели, которое проявляется в признании того, что выбор в поведенческих финансах

определяется мотивами и когнитивной обработкой информации, и не исчерпывается максимизацией полезности при полной информированности. Установки, оценки вероятностей и воспринимаемый контроль действий изменяют траектории решений при одинаковых стимулах [3]. При этом психологические факторы проявляются неравномерно — самоконтроль у взрослых связан с устойчивыми поведенческими практиками, тогда как для молодёжи значимым предиктором ПФР выступает внутренний локус контроля [12].

Мотивационная структура ПФР включает цели потребления, мотивы безопасности и доходности, установки к деньгам и к риску, а также субъективное знание и локус контроля как основания для намерений и последующего поведения. В теории разумного действия и теории запланированного поведения описана роль установок, субъективных норм и воспринимаемого поведенческого контроля в формировании намерений, что делает установки центральным механизмом перехода от мотива к выбору [3]. Финансовая установка, локус контроля и самоконтроль связаны с практиками управления личными финансами, при этом сила связей варьируется по группам и контекстам [12], тогда как связь финансовой грамотности, способности и поведения задаёт когнитивные рамки для действия мотивов [13]. Личностные характеристики, включая локус контроля и эмоциональные состояния, усиливают или ослабляют влияние установок на ПФР [7].

Однако в рамках мотивации в финансовом поведении возникают конфликты при конкуренции краткосрочных и долгосрочных целей, а также при столкновении мотива безопасности с мотивом получения дохода. Поведенческие аномалии усиливают такие конфликты — неприятие потерь смещает выбор к сохранению статус-кво, а чрезмерная уверенность и искажённое восприятие информации приводят к импульсивным решениям и переоценке собственных возможностей [9-10]. Различия в самоконтроле и в финансовой способности изменяют устойчивость к импульсам и к информационным шумам цифровой среды [13]. Эмоциональные реакции на риск и неопределенность модифицируют вес мотивов и изменяют установки, что меняет траекторию выбора при одинаковых стимулах [7].

Уточняя роль установок и мотивационных конфликтов, принято выделять типологизацию стратегий и поведенческих групп. Так, в работе В.М. Джуха и В.В. Федоренко выделены устойчивые профили финансового поведения граждан, для которых характерны разные сочетания целей, мотивов и установок [2]. Выделение активных, адаптивных и реактивных типов объясняет, как человеческий, социальный и финансовый капитал перераспределяет влияние установок на ПФР и меняет результат при сходных целях [5]. Включение установок

вок, локуса контроля и самоконтроля в мотивационную структуру также согласуется с обобщениями систематических обзоров по предикторам личного финансового поведения [11-12].

Когнитивные процессы в ПФР определяются восприятием риска, вниманием, памятью и оценкой вероятностей. Так, искажённое восприятие информации усиливает внимание к ярким и эмоционально насыщенным событиям [10], чрезмерная уверенность смещает восприятие собственных возможностей и приводит к недооценке рисков [9]. В условиях информационной перегрузки в цифровой экономике когнитивные стратегии сокращения сложности приводят к упрощённой обработке сигналов, что также усиливает эффект искажений [13]. Восприятие риска становится результатом субъективной оценки, формируемой под влиянием ограниченного внимания и эмоциональной окраски воспринимаемого события [7]. Особенности памяти усиливают неравномерность воздействия сигналов. Так, эпизоды, связанные с сильным эмоциональным воздействием, запоминаются лучше, что изменяет субъективную оценку вероятности повторения событий [10]. При этом ошибки в оценке вероятностей, как правило, связаны с устойчивыми предвзятостями восприятия [8]. Воздействие цифровизации экономики усиливает эти искажения за счёт роста интенсивности информационных стимулов [13], что повышает вероятность совершения импульсивных решений.

Таким образом, на основании релевантной научной литературы можно обобщить ключевые аспекты взаимного влияния мотивов и когнитивных стратегий на ПФР (табл. 1).

На основании российской и зарубежной литературы, в которой выделяются различные мотивационно-когнитивные особенности ПФР, предлагается мотивационно-когнитивная модель ПФР (рис. 1)

Мотивационно-когнитивная модель ПФР представляет собой целостную концепцию, в которой финансовое поведение трактуется как результат последовательного взаимодействия социально-экономических условий, индивидуальных мотивационных факторов, когнитивных процессов и личного опыта. Социальная макросреда, ближайшее окружение и экономические кризисы задают систему стимулов и ограничений, формируя субъективную картину финансовой действительности. Внутри этой рамки у субъекта выстраивается мотивационная структура, в состав которой входят финансовые потребности, целевые ожидания, установки к деньгам и риску, самоконтроль и локус контроля. Данные элементы определяют, какие сигналы воспринимаются как значимые и какие цели получают приоритет в ситуации выбора. Когнитивная обработка конкретизирует восприятие

внешних стимулов — внимание концентрируется на определённых признаках, память отбирает значимые эпизоды опыта, оценка вероятностей задаёт направление ожиданий, а когнитивные искажения, усиливаемые цифровой информационной средой, изменяют субъективную оценку риска и выгоды. На основе сложившейся «картины» формируется поле доступных альтернатив, из которых субъект принимает финансовое решение. Поведенческий акт включает в себя намерение, реализацию действия или бездействия и запуск поведенческой модели. Следует подчеркнуть, что бездействие в этой структуре рассматривается как полноправный результат обработки информации и выражение преобладания мотивов избегания риска. Завершающим элементом модели выступает оценка последствий, которая модифицирует установки, когнитивные фильтры и поведенческие сценарии, закрепляя устойчивый стиль ПФР. Таким образом, предлагаемая модель описывает динамический цикл, в котором мотивационные и когнитивные механизмы взаимодействуют в рамках социально-экономического пространства, тогда как за счёт обратных связей (осознания ПФР) субъект поддерживает индивидуальные стратегии поведения в финансовой сфере.

При этом нельзя не сказать о том, что ключевую роль в ПФР играют самоконтроль и способность к отсроченному удовлетворению, так как они определяют готовность субъекта переносить получение выгоды во времени и регулировать импульсивные реакции. Так, функция самоконтроля проявляется в способности сохранять целевую установку при воздействии внешних стимулов и информационных сигналов. В ситуации ПФР субъективное восприятие риска и оценка вероятностей становятся полем, на котором волевая регуляция стабилизирует приоритет долгосрочных мотивов перед краткосрочными. Самоконтроль не ограничивается подавлением импульса; он выражает баланс между оценкой будущих выгод, восприятием риска и сохранением намерения, что позволяет удерживать выбранную стратегию при изменении внешних условий [12]. Отсроченное удовлетворение в ПФР связано с активным удержанием целевой ориентации в условиях неопределенности. При ПФР субъект соотносит ожидаемую выгоду с временными параметрами и вероятностью достижения результата. Воля поддерживает устойчивость мотивационной структуры при усилении искажений восприятия, которые возникают под влиянием цифровой среды и информационной перегрузки. Ожидание отложенной выгоды сопровождается перераспределением внимания и повышенной когнитивной нагрузкой, что делает саморегуляцию значимым элементом поддержания согласованности мотивов и когнитивных стратегий [13].

Новизна предлагаемой интерпретации саморегуляции и отсроченного вознаграждения заключается в смещении акцента с одномоментного контроля импульса

Таблица 1.

Взаимовлияние мотивов и когнитивных стратегий на ПФР.

Мотив	Установки и личностные переменные	Когнитивные процессы	Искажения восприятия	Результат
Безопасность	Установка к риску	Селективное внимание к сигналам угрозы	Неприятие потерь	Сохранение статус-кво, избегание изменений
Получение дохода	Субъективное знание, ожидание выгоды	Усиление внимания к подтверждающим стимулам	Чрезмерная уверенность	Переоценка собственных возможностей
Краткосрочные цели	Снижение самоконтроля	Усиление реакции на эмоциональные стимулы	Смещение оценки вероятностей	Импульсивные решения
Долгосрочные цели	Локус контроля, воспринимаемый контроль	Планирование и удержание последовательности шагов	Снижение ошибок оценки	Устойчивость стратегий
Социальное влияние	Субъективные нормы	Концентрация внимания на внешних сигналах	Предвзятость восприятия	Следование групповым стратегиям

Источник: составлено автором на основе [1], [3-5], [9-10]

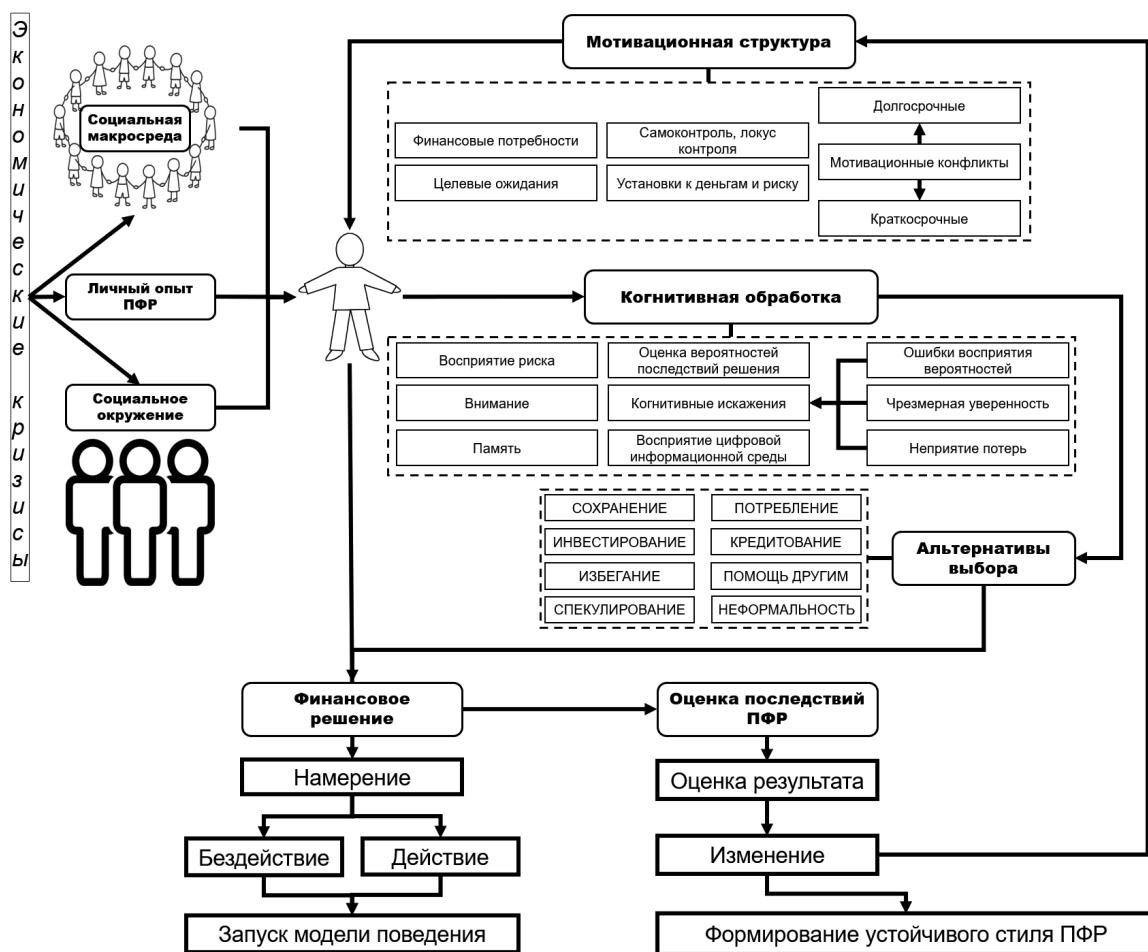

Рис. 1. Мотивационно-когнитивная модель ПФР

Источник: авторская разработка

на устойчивое поддержание целевой ориентации в динамической цифровой среде. При длительном воздействии информационных стимулов способность к удержанию целей определяет вероятность того, что субъект сохранит выбранную стратегию ПФР, а не переключится

на импульсивные решения под влиянием искажений восприятия [9].

Учитывая накопленный в предыдущей научной литературе опыт, также целесообразно выделить профили

Таблица 2.

Личностные профили и их когнитивно-мотивационные стратегии в рамках ПФР.

Профиль	Мотивационная структура	Когнитивные стратегии	Результат
Рациональный	Долгосрочные цели, мотив доходности при контролируемом риске, устойчивые установки	Оценка вероятностей, планирование, устойчивость к искажениям, опора на знания	Последовательное действие, прогнозируемые решения
Импульсивный	Краткосрочные цели, ориентация на немедленную выгоду, слабый самоконтроль	Усиленное восприятие эмоциональных стимулов, ошибки оценки вероятностей	Импульсивные решения, переоценка возможностей
Тревожный	Мотив безопасности, избегание потерь, акцент на сохранении	Риск воспринимается как угроза, ограниченность альтернатив	Бездействие или консервативные стратегии
Конформный	Социальное одобрение, зависимость от норм группы, слабое личное намерение	Следование групповым стратегиям, перенос ответственности во внешнюю среду	Подражательные решения, пассивное согласование
Финансово-пассивный	Нечёткие мотивы, фрагментарность целей, низкий самоконтроль	Высокая зависимость от внешних сигналов, неустойчивое восприятие рисков	Отсутствие системной стратегии, преобладание бездействия

Источник: составлено автором на основе [2], [5-8], [11-13].

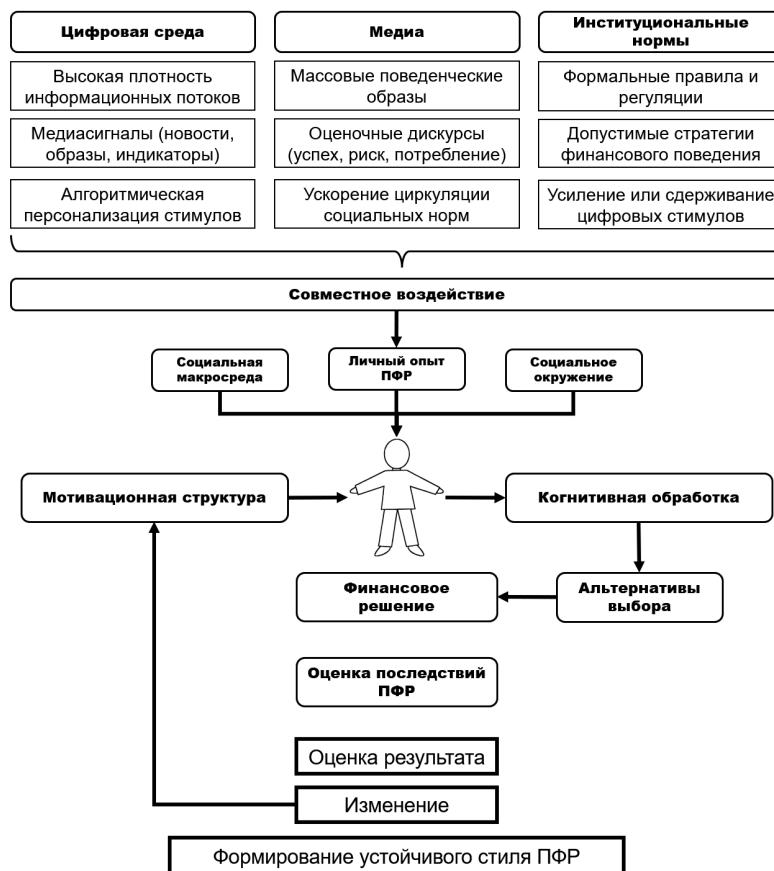

Рис. 2. Модель влияния цифровых и социальных факторов на ПФР

Источник: авторская разработка

личности и связанные с ними когнитивно-мотивационные стратегии (табл. 2).

Рациональный профиль характеризуется долгосрочными целями, устойчивыми установками и планирова-

нием, что обеспечивает последовательные решения.

Импульсивный профиль связан с краткосрочными мотивами, повышенной чувствительностью к стимулам и ошибками оценки вероятностей. Тревожный профиль

определяется мотивом безопасности, неприятием потерь и пессимистическим восприятием, что ведёт к консервативным стратегиям или бездействию. Конформный профиль отражает зависимость от норм группы и подражательное поведение при слабой личной инициативе. Финансово пассивный профиль основан на неоформленных целях и неустойчивом восприятии риска, что приводит к отсутствию стратегии. Кроме того, опосредующими факторами, изменяющими восприятие стимулов и усиливающими воздействие мотивационно-когнитивных механизмов, выступают цифровизация, медиа и институциональные нормы (рис. 2).

Цифровая среда повышает плотность и скорость информационных потоков, что усиливает влияние когнитивных искажений и изменяет чувствительность к риску. Медиа транслируют поведенческие образцы и нормы, которые влияют на установки, целевые ожидания и мотивационные конфликты. Институциональные нормы задают рамки допустимых стратегий и формируют воспринимаемый контроль действий, что изменяет вес мотивов и направленность когнитивной обработки; в совокупности внешние факторы усиливают вариативность ПФР и повышают значимость субъективных фильтров восприятия.

Однако цифровизация усиливает действие когнитивных искажений за счёт высокой плотности информационных потоков и эмоциональной насыщенности медиасигналов, что повышает значимость краткосрочных мотивов и снижает порог импульсивных решений. Воздействие алгоритмически персонализированной информации усиливает субъективную значимость ярких событий [13]. В условиях неопределенности и информационного шума краткосрочные мотивы (потребление, спекулятивные действия и кредитование) приобретают

преимущественное значение по сравнению с мотивами накопления или инвестирования. Влияние цифровых стимулов на мотивационную структуру проявляется в изменении весов субъективных выгод и восприятия риска. Неприятие потерь приводит к усилиению ориентации на сохранение и избегание активных действий, а чрезмерная уверенность — к доминированию импульсивных решений в зонах спекулятивного интереса [9]. Мотивационная система смещается в сторону целей, дающих немедленный отклик, что сокращает временной горизонт выбора и снижает значимость отсроченной выгоды. Как следствие, возникает устойчивая связка между когнитивными искажениями и доминирующими мотивами, в рамках которой цифровая среда закрепляет краткосрочные стратегии как субъективно предпочтительные.

Заключение

Проведённое исследование обеспечивает системное представление о ПФР в рамках психологии экономического поведения личности, включая внутреннюю структуру субъективного выбора и влияние внешней среды на мотивационные и когнитивные процессы. Теоретическое обоснование мотивационно-когнитивной модели ПФР предоставило возможность описать последовательность психологических актов, в результате которых формируется поведенческий паттерн, а также выделить типологию финансового поведения на основе личностных характеристик. Показанная взаимосвязь между личностными профилями и когнитивно-мотивационными стратегиями расширяет интерпретацию ПФР за пределы нормативной рациональности и подчёркивает значение культурных, институциональных и медийных источников при формировании стабильных стратегий финансового поведения.

ЛИТЕРАТУРА

1. Брюханов В.В. Место и роль поведенческих финансов в системе принятия финансовых решений // Экономика: вчера, сегодня, завтра. — 2024. — Т. 14. — № 7-1. — С. 475-480.
2. Джуха В.М., Федоренко В.В. Классификация финансовых моделей поведения граждан // Учет и статистика. — 2025. — Т. 22. — № 1. — С. 68-77.
3. Диденко В.Ю. Учет поведенческой иррациональности финансовых решений в моделях финансового поведения населения при формировании денежно-кредитной политики // AlterEconomics. — 2023. — Т. 20. — № 1. — С. 271-290.
4. Иваницкий В.П., Александров С.А. Формирование поведенческих финансов как закономерный этап эволюции модели человека в экономике // Экономика региона. — 2017. — Т. 13. — № 3. — С. 658-671.
5. Манаширов Э.С. Математический анализ гипотезы Модильяни: новый подход // Экономика строительства. — 2025. — № 6. — С. 492-496. — EDN JCITJ.
6. Масленников В.В., Ларионов А.В., Гагарина М.А. Факторы формирования типов финансового поведения экономических субъектов // Финансы: теория и практика. — 2022. — Т. 26. — № 2. — С. 88-103.
7. Мишенин Е.С. Психологические факторы принятия экономических решений // Вестник университета. — 2024. — № 10. — С. 229-235.
8. Мнацаканян А.Г., Копытова Л.В. Характерные поведенческие особенности индивидов при принятии финансовых решений в современных экономических условиях // Балтийский экономический журнал. — 2022. — № 4 (40). — С. 56-64.
9. Никишина Е.Н., Иванов В.В., Маркова О.А. Поведенческие аномалии экономических решений и возможности их преодоления // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. — 2024. — № 3 (181). — С. 15-41.

10. Рыжкова М.В., Кашапова Э.Р., Дибров А.М., Костромина А.Е. Когнитивные искажения в поведении непрофессионального инвестора // Общественные науки и современность. — 2023. — № 6. — С. 134-148.
11. Goyal K. et al. The psychological antecedents of personal financial management behavior: a meta-analysis // International Journal of Bank Marketing. — 2022. — Vol. 40. — No. 7. — P. 1413-1451.
12. Goyal K., Kumar S., Xiao J. J. Antecedents and consequences of Personal Financial Management Behavior: a systematic literature review and future research agenda // International journal of bank marketing. — 2021. — Vol. 39. — No. 7. — P. 1166-1207.
13. Shi W., Ali M., Leong C. M. Dynamics of personal financial management: a bibliometric and systematic review on financial literacy, financial capability and financial behavior // International Journal of Bank Marketing. — 2024. — Vol. 43. — No. 1. — P. 125-165.

© Архимандритова Юлиана Андреевна (arkh.work@yandex.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

ЦИФРОВЫЕ ТЕХНОЛОГИИ КАК ПСИХОЛОГО-ПЕДАГОГИЧЕСКОЕ СРЕДСТВО РАЗВИТИЯ ПАМЯТИ МЛАДШИХ ШКОЛЬНИКОВ

CHARACTERISTICS OF THE MEMORY OF A PRIMARY SCHOOL STUDENT, ITS DEVELOPMENT IN THE CONTEXT OF USING DIGITAL TECHNOLOGIES

N. Bobrovnikova
A. Khripkova

Summary: In the modern conditions of rapid digitalization of society, the study of the features of memory of primary school children is becoming especially relevant. Memory as a fundamental cognitive process that determines the formation of personality and social interactions undergoes significant transformations under the influence of digital technologies. Primary school age is a critical period for the formation of all cognitive processes, and the active introduction of digital devices into the educational process creates new conditions for their development. Understanding the mechanisms of the influence of digital technologies on the formation of memory in children of this age is necessary for the development of effective teaching methods and the creation of optimal conditions for the development of cognitive functions. The purpose of the study: a comprehensive study of the features of memory development in primary school children in the context of the active use of digital technologies. When selecting materials and research methods, we relied on basic theoretical information. Thus, when memorizing, primary school children use various analyzer systems. At this age stage, visual memory predominates, but the conditions of development and the leading type of activity determine the development of verbal and logical memory. The hypothesis was also considered, stating the weak arbitrariness of cognitive processes at this age. The results of the study allowed us to formulate the specifics of the functioning of the memory of younger schoolchildren, considering their immersion in the digital environment.

Keywords: memory, primary school student, digitalization, memorization.

Бобровникова Наталья Сергеевна,
старший преподаватель, ФГБОУ ВО «Тульский государственный педагогический университет им. Л.Н. Толстого»
vicious.angel@yandex.ru
Хрипкова Анастасия Дмитриевна,
ФГБОУ ВО «Тульский государственный педагогический университет им. Л.Н. Толстого»
nastkhr@gmail.com

Аннотация: В современных условиях стремительной цифровизации общества исследование особенностей памяти младших школьников приобретает особую актуальность. Память как фундаментальный когнитивный процесс, определяющий формирование личности и социальных взаимодействий, претерпевает существенные трансформации под влиянием цифровых технологий. Младший школьный возраст является критическим периодом становления всех познавательных процессов, и активное внедрение цифровых устройств в образовательный процесс создает новые условия их развития. Понимание механизмов влияния цифровых технологий на формирование памяти у детей этого возраста необходимо для разработки эффективных методик обучения и создания оптимальных условий развития когнитивных функций. Цель исследования: комплексное изучение особенностей развития памяти у детей младшего школьного возраста в условиях активного использования цифровых технологий. При подборе материалов и методов исследования мы опирались на основные теоретические сведения. Так, при запоминании младшие школьники используют различные анализаторные системы. На данном возрастном этапе преобладает зрительная память, однако условия развития и ведущий вид деятельности обуславливают развитие словесно-логической. Также учитывалась гипотеза, констатирующая слабую произвольность когнитивных процессов в этом возрасте. Результаты исследования позволили сформулировать специфику функционирования памяти младших школьников с учетом погруженности в цифровую среду.

Ключевые слова: память, младший школьник, цифровизация, запоминание.

Память, как фундаментальный психический когнитивный процесс, играет важнейшую роль в формировании личности, принятии решений, построении жизненного пути и формировании мировоззрения. Память — это не просто способность хранить информацию, но и механизм, который определяет восприятие мира человеком, отражая его ошибки и успехи. Каждый поступок, каждое решение основано на прошлом опыте, зафиксированном в памяти.

Среди других познавательных процессов память занимает особое место, ведь именно она обеспечивает преемственность психических процессов, объединяя

их в единое целое. Благодаря получению новой информации, впечатлений или эмоций формируется личный опыт, который в перспективе и определяет дальнейшее поведения человека, его реакцию на внешние раздражители. Именно память определяет сохранение прошлого и воспроизведение его в нужный момент.

По мнению А.Е. Поповой и С.А. Данченко, память — это «психический процесс, с помощью которого человек может сохранять прошлый опыт и конкретные действия, направленные на хранение, хранение и воспроизведение информации» [1].

Р.З. Пшигаушева дает следующее определение памяти — это «психический процесс организации и содержания прошлого опыта, делающего возможным его повторное использование в деятельности или возвращения в сферу сознания» [2].

Согласно определению Э. Канделла, память — это способность получать и хранить информацию, как простую, например, бытовые детали повседневной жизни, так и сложную, как абстрактные знания по географии или алгебре» [3].

В исследованиях И. В. Макаровой выделяются характеристики памяти как когнитивного процесса [4].

Одна из важнейших характеристик памяти — объем. Именно этим аспектом определяется количество запечатленной и воспроизведенной информации. Сохранение информации, конкретное количество материала считается единицей измерения объема.

Быстрота и точность воспроизведения информации. Отражает специфику использования полученной ранее информации. Время, потраченное на воспроизведение необходимой информации, носит индивидуальный характер.

Еще один аспект памяти — длительность сохранения информации. Характеризуется как определенное время, в течение которого сохраняется необходимый материал.

Нурова М.А. и Мамедова Л.В. классифицируют память по виду психической активности. Тип материала, который подвергается запоминанию, определяет вид текущей памяти. Стоит отметить, что все эти виды памяти взаимосвязаны и не существуют изолированно. Таким образом, были разработаны и научно обоснованы следующие виды [5]:

1. Двигательная (моторная). Характеризуется как запечатление, сохранение и воспроизведение движений. Моторная память определяет не только базовые (письмо или ходьба), но и более сложные трудовые и физические действия.
2. Эмоциональная. Определяется как память на чувства. Обеспечивает их сохранение и воспроизведение. Чувства и эмоции как определенный индикатор отношений со внешним миром может говорить об удовлетворении потребностей.
3. Образная. Такая память обеспечивает сохранение целостной картины внешнего мира и его аспектов, например, вкусы, запахи и т.д. Особенность такого запечатления заключается в том, что различные ощущения и продукты восприятия сохраняются в виде представлений.

4. Словесно-логическая. Основная особенность этой памяти заключается в единстве с языком. Без речи невозможно запомнить собственные мысли, содержание рассказа или обыденный разговор.

5. Механическая. Запечатление осуществляется за счет многократного повторения при отсутствии осознания смысла материала.

Л. Ван выделяет два основных вида памяти: кратковременную и долговременную [6]. Кратковременная память отличается способностью удерживать поступающую информацию лишь на непродолжительный период. Данный вид памяти имеет определенное сходство с неизвестным запоминанием, так как в обоих процессах отсутствует использование специальных мнемических техник.

В своем исследовании Д. Викстед изучает огромное влияние модели Аткинсона и Шиффрина на изучение памяти в целом [7]:

1. Сенсорная. Специализированный блок, обеспечивающий кратковременное сохранение перцептивных данных.
2. Кратковременная. Ограниченнная по объему подсистема, куда поступает информация из сенсорного регистра после селекции вниманием. В. Хашман, Н. Кашдолар, Ф. Постильони и Р. Джобс провели исследование свидетельствующее, что базовые механизмы последовательного кодирования в кратковременной памяти формируются уже на ранних этапах обучения (1–4 классы). Это указывает на сенситивный период развития данного когнитивного навыка, который может определять дальнейшую успешность в чтении и других учебных дисциплинах [8].
3. Долгосрочная. В отличие от других видов памяти, сохраняет информацию потенциально бессрочно.

Младший школьный возраст представляет собой важный этап социализации, связанный с поступлением ребёнка в образовательное учреждение, что приводит к формированию новых значимых социальных связей — системы взаимоотношений «ученик-педагог» и «ученик-ученик». В данный период наблюдается перераспределение «значимого взрослого» в сознании ребёнка, где наряду с родителями существенную роль начинает играть классный руководитель, но семейное влияние сохраняет свою психологическую значимость — потребность в родительской эмоциональной поддержке, внимании и принятии остается актуальной.

Как отмечал Д.Б. Эльконин, данный возрастной этап характеризуется появлением важных психологических новообразований, включающих становление произвольной регуляции, формирование внутреннего плана действий, развитие рефлексии и самоконтроля. Сущ-

ственной особенностью рассматриваемого периода является смена ведущей деятельности: если в дошкольном возрасте это была сюжетно-ролевая игра, способствующая освоению базовых социальных ролей, развитию нравственных представлений и когнитивных функций, то в младшем школьном возрасте (7-11 лет) центральное место занимает учебная деятельность, опосредующая дальнейшее психическое развитие [9].

В ходе учебной деятельности продолжают развиваться психические когнитивные процессы, в т.ч. память. А. Н. Яшкова установила, что в процессе обучения, младшие школьники активно используют анализаторные системы для лучшего усвоения информации, например, слуховой [10].

В исследованиях А.Н. Леонтьева подчеркивается преобладание зрительной памяти у младших школьников, обеспечивающей эффективное запоминание наглядных образов и визуальной информации. Однако, в ходе образовательного процесса создаются предпосылки для формирования и совершенствования словесно-логической памяти, которая играет ключевую роль в усвоении понятийного аппарата и вербальных конструкций [11].

Несмотря на формирование произвольности в качестве психического новообразования в младшем школьном возрасте, П.И. Зинченко утверждает, что память ученика начальных классов все еще носит непроизвольный характер. Младший школьник редко запоминает что-либо с волевым усилием, зачастую запечатлеваются лишь те предметы или явления, которые ему интересны и непроизвольно сохраняются в памяти [12].

Е.И. Трофимова отмечает, что когнитивные механизмы запоминания у детей, использующих цифровые технологии, характеризуются преимущественным сохранением алгоритмов поиска информации, а не её содержательного наполнения [13].

В своем исследовании Г.У. Солдатова приходит к выводу, что цифровые технологии могут оказывать положительное влияние на развитие когнитивных процессов учащихся с учетом правильного расписания и планирования дня. Необходимо организовывать работу младшего школьника с учетом индивидуальных потребностей и общих тенденций развития [14].

С.П. Елшанский уточняет, что использование цифровизации и различных гаджетов в качестве привлечения внимания ребенка имеет положительный эффект на развитии памяти [15]. Н.Я. Безбородова так же выделяет наглядность как основное преимущество цифровых технологий в образовании [16]. И.А. Юров подчеркивает, что образовательный потенциал гаджетов реализуется только при осознанном и контролируемом их исполь-

зовании в сочетании с другими развивающими видами деятельности [17].

Подводя итог, можно сделать вывод, что память младших школьников характеризуется активным развитием произвольного запоминания, увеличением объема оперативной памяти и формированием стратегий смысловой обработки информации. Использование цифровых технологий оказывает двойственное влияние: с одной стороны, мультимедийные форматы способствуют визуализации и структурированию материала, улучшая его запоминание, с другой — могут провоцировать поверхностное усвоение информации за счет клипового восприятия и снижения когнитивных усилий. Ключевыми факторами эффективного развития памяти в цифровой среде выступают дозированное применение технологий, педагогическое сопровождение и акцент на осмысленное взаимодействие с контентом. Современные исследования подчеркивают необходимость разработки специальных методик, сочетающих цифровые инструменты с традиционными мнемотехниками для гармоничного развития когнитивных функций. Таким образом, оптимальная интеграция технологий в образовательный процесс должна учитывать возрастные особенности памяти младших школьников и минимизировать потенциальные негативные эффекты цифровизации.

Исследование было проведено на базе МБОУЦО №22 города Тула, выборку составили учащиеся 2 класса. Приняли участие 20 человек, средний возраст среди респондентов 8,5 лет. Из них 14 девочек (70%) и 6 мальчиков (30%). Выборка сформирована путем случайного отбора элементов генеральной совокупности (случайная).

Диагностическая программа исследования:

1. «Изучение логической и механической памяти» (Ануфриев А.Ф. и Костромина С.Н.). Исследование логической и механической памяти методом запоминания двух рядов слов.
2. «Заучивание 10 слов» (А.Р. Лурия). Диагностика объема и скорости слухоречевого запоминания определенного количества слов, объема отсроченного воспроизведения;
3. «Запомни рисунки» (Р.С. Немов). Определение объема кратковременной зрительной памяти.

Для оценки специфики памяти младших школьников нами был проведен диагностический этап, полученные в его ходе данные представлены ниже.

Результаты диагностики уровня логической и механической памяти представлены в табл. 1.

Качественный анализ результатов исследования представлен на рис. 1 и рис. 2.

Таблица 1.

Результаты исследования логической и механической памяти младших школьников.

№	Объем смысловой памяти	Объем механической памяти	№	Объем смысловой памяти	Объем механической памяти
1	0,9	0,4	11	0,9	0,5
2	1	0,8	12	0,9	0,7
3	1	0,6	13	0,9	0,7
4	0,9	0,4	14	0,7	0,4
5	0,7	0,7	15	1	0,6
6	1	0,8	16	0,9	0,8
7	1	0,5	17	1	0,3
8	1	0,4	18	0,7	0,7
9	1	0,5	19	1	0,8
10	0,9	0,7	20	1	0,3

Рис. 1. Соотношений уровней объема смысловой памяти

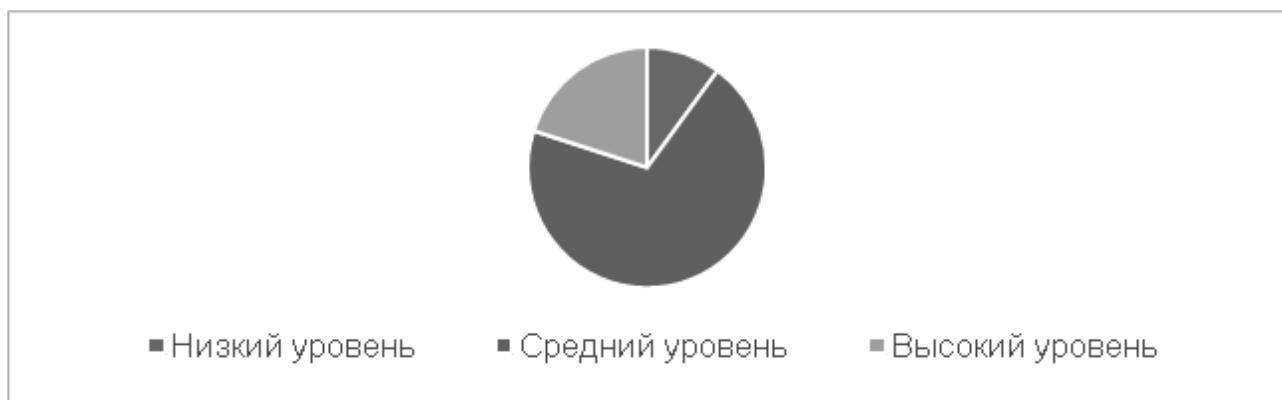

Рис. 2. Соотношений уровней объема механической памяти

В экспериментальной группе большая часть обладает высоким уровнем объема смысловой памяти (90%), меньшая средним (10%). Дети с высоким объемом смысловой памяти демонстрируют способность к быстрому усвоению, глубокой переработке и длительному сохранению информации за счет эффективного выделения смысловых связей и логических структур.

Объем механической памяти у большинства средний

(70%), высоким уровнем обладает часть выборки (20%), а низкий уровень объема наблюдается еще реже (10%). Дети с высоким объемом механической памяти демонстрируют эффективное запоминание информации через многократное повторение без обязательного осмысления, тогда как дети со средним объемом такого типа памяти показывают умеренную продуктивность при заучивании, требующую больше времени и усилий. У детей с низким объемом механической памяти отмечают-

ся значительные трудности в точном воспроизведении информации, что компенсируется развитием альтернативных стратегий запоминания, например, смысловой обработкой материала.

Результаты диагностики объема и скорости слухоречевого запоминания представлены в табл. 2.

Большая часть учащихся, согласно качественному анализу, обладает средним уровнем объема и скорости слухоречевого запоминания (35%), следующие составляющие группы характеризуются уровнем ниже среднего (30%), высоким (25%) и, наконец, низким (10%).

Наибольшая часть респондентов обладает средним уровнем объема и скорости слухоречевого запоминания, что обуславливается запоминанием 6-8 слов после 5-ого предъявления материала (35%).

Группа младших школьников с уровнем ниже среднего характеризуется воспроизведением 3-5 слов после 5-ого предъявления материала (30%). Эти учащиеся демонстрируют зависимость от конкретности материала, его яркости, эмоциональной окраски и личного значения. Такие результаты свидетельствуют о недостаточной сформированности механизмов слухоречевой памяти.

Высокий уровень развития слухоречевого запоминания наблюдается у 25%. Выражается в точном воспроизведении 9-10 слов после 5-го предъявления. Респонденты обладают быстрой и высокой точностью воспроизведения информации.

Наименьшая группа (10%) показывает низкий уровень развития, воспроизводя не более 2 слов даже после 5-го предъявления. У учащихся отмечаются грубые фонетические искажения и невозможность воспроизведения последовательности, что указывает на значительные трудности в обработке слухоречевой информации и требует коррекционно-развивающей работы.

Результаты диагностики объема кратковременной зрительной памяти представлены на рис. 3.

По результатам проведенной диагностики средний уровень объема кратковременной памяти выявлен у 65% учащихся, высокий у 30%, а низкий лишь у 5% респондентов.

Большая часть выборки характеризуется средним уровнем кратковременной зрительной памяти (65%). Учащиеся демонстрируют способность удерживать 4-7 зрительных образов после однократного предъявления, но могут допускать ошибки при воспроизведении (перестановки элементов или замены схожими по форме объектами).

По результатам диагностики, высокий уровень выявлен у 30% выборки. Успешно запоминают 8-9 элементов с первого предъявления, точно воспроизводя. Зрительные образы формируются ясно и детально.

Дети с низким уровнем кратковременной зрительной памяти (15%) затрудняются удержать более 3 зрительных образов. Возможно смешение похожих объектов (круг и овал, прямоугольник и трапеция и др.), фрагментарное воспроизведение сложных изображений и выраженная зависимость от эмоциональной окраски материала и личной значимости. Требуют проведения коррекционно-развивающей работы.

По результатам методики «Изучение логической и механической памяти» А.Ф. Ануфриева и С.Н. Костроминой наблюдается преимущественно высокий уровень развития смысловой памяти (90% выборки), при этом лишь 10% демонстрируют средний уровень данного показателя. Такое соотношение говорит о развитой смысловой памяти, обуславливающей выстраивание логических связей стимульного материала и представлений. Однако выборка демонстрирует преимущественно средний уровень механической памяти (70%), 20% демонстрируют высокий уровень развития, что говорит о способности эффективно запоминать информацию через многократное повторение. Лишь у 10% учащихся выявлены трудности с точным воспроизведением материала, что компенсируется развитием смысловой памяти.

Уровень объема и скорости слухоречевого запоминания по методике «Заучивание 10 слов» А. Р. Лурия варьируется следующим образом: 35% учащихся имеют средний уровень, 30% - уровень ниже среднего, 25% - высокий уровень, 10% - низкий уровень.

В то время, как уровень объема кратковременной зрительной памяти по методике «Запомни рисунки» Р.С. Немова у большинства выборки средний (65% участников), треть экспериментальной группы обладает высоким уровнем (30%), низкий выявлен лишь у 5% респондентов.

Такое разделение может быть обусловлено влиянием цифровизации: слуховая нагрузка уменьшается за счет преобладания визуального контента, оказывая положительное влияние на формирование зрительной памяти.

В целом, выборка обладает высоким уровнем развития смысловой памяти, наблюдается способность в осмысленному запоминанию предлагаемой информации. Также необходимо проведение коррекционно-развивающей работы с учащимися, имеющими низкие показатели по различным видам памяти.

В психолого-педагогической работе с учетом специ-

Таблица 2.

Результаты исследования объёма и скорости слухоречевого запоминания младших школьников.

№	Кол-во баллов	Уровень	№	Кол-во баллов	Уровень
1	2	Ниже среднего	11	2	Ниже среднего
2	3	Средний	12	4	Высокий
3	3	Средний	13	3	Средний
4	1	Низкий	14	3	Средний
5	2	Ниже среднего	15	2	Ниже среднего
6	4	Высокий	16	1	Низкий
7	4	Высокий	17	3	Средний
8	2	Ниже среднего	18	4	Высокий
9	2	Ниже среднего	19	3	Средний
10	4	Высокий	20	3	Средний

Рис. 3. Соотношение объема кратковременной зрительной памяти

ифики развития памяти младших школьников в условиях информатизации обосновано использование различных гаджетов в образовательных целях. Современные устройства активно вовлекают в процесс переработки информации различные анализаторные системы. Такой формат работы способствует развитию образной памяти, формированию словесно-логического мышления и общему когнитивному развитию. Грамотное психологическое сопровождение процесса цифровизации образования, учет общих возрастных и индивидуальных особенностей позволяет эффективно использовать потенциал современных гаджетов для развития памяти и познавательных способностей младших школьников.

Результаты позволяют выявить ключевые закономерности формирования памяти в младшем школьном возрасте и определить наиболее эффективные цифровые инструменты для её развития. Полученные нами данные могут быть использованы для разработки инновационных педагогических методик, интегрирующих цифровые технологии в процесс обучения. Это способствует не только улучшению запоминания учебного материала, но и развитию познавательных способностей учащихся в целом. Использование цифровых ресурсов, таких как

интерактивные тренажёры, образовательные приложения и мультимедийные материалы, значительно повысит эффективность обучения.

Таким образом, подводя итог, можно прийти к выводу, что изменение специфики функционирования памяти младшего школьника в условиях цифровизации неизбежно. Для дальнейшего всестороннего развития когнитивных процессов необходимо учитывать те особенности, которые обусловлены не только возрастным периодом, но и степенью погружённости в информационную среду. По результатам исследования, наиболее развитые виды памяти: смысловая и зрительная. В соответствии с возрастными нормами, предполагается преобладание наглядно-образной памяти у младших школьников, что только усиливается огромным количеством визуального контента в современном мире. Детская психика позволяет эффективнее формировать связи между зрительными образами и их смысловым содержанием при правильном подходе к обучению. Проведение коррекционно-развивающей работы, направленной на развитие остальных видов памяти, будет способствовать всестороннему и гармоничному когнитивному развитию учащихся.

ЛИТЕРАТУРА

- Попова А.Е., Данченко С.А. Память как психический процесс // Международный студенческий научный вестник. – 2023. – № 2. – URL: <https://eduherald.ru/ru/article/view?id=21231>
- Пшигаушева Р.З., Гемуева А.А., Башиева А.М. Память личности как психический познавательный процесс // Психология и образование: опыт, перспективы, инновации. 2025. – С. 259–263.
- Kandel E. In Search of Memory: The Emergence of a New Science of the Human Mind. New York: W.W. Norton & Co., 2006. – P. 536.
- Макарова И.В. Общая психология: учебник для вузов. – Москва: Юрайт, 2025. – 188 с.
- Нурова М.А., Мамедова Л.В. Классификация видов памяти, их характеристика // Вестник науки и образования. – 2020. – № 21-1 (99). URL: https://psv4.userapi.com/s/v1/d/j8Kg9Wnu0aLZR4GsNnID1zBbnqj-0zV4-yQzLlgqJCzgnlry4Pl0pR01GvH8o1XGrqH_rliejSbLJ7aPV8zJufdEclovSCcAvEPVIF1DoZUhxYTcoUfbQ/Klassifikatsia_vidov_pamyati_ikh_kharakteristika.pdf
- Wang L. Progress in the study of memory mechanism in cognitive psychology // International Journal of Public Health and Medical Research. – 2025. – Vol. 3. – № 1. – P. 66–72. – URL: <https://doi.org/10.62051/ijphmr.v3n1.10>
- Wickstead, J.T. The influential Atkinson and Shiffrin model (1968) has overshadowed their modern theory of human memory // Journal of Memory and Language. – 2024. – №. 136. – URL: <https://doi.org/10.1016/j.jml.2023.104471>
- Hashman V., Kashdolar N., Postiglioni F., Jobs R. The Relationship between General Object-Spatial Memory and Reading Ability in Schoolchildren with and without Dyslexia // Journal of Experimental Child Psychology. – 2020. – №. 193. – P. 39. – DOI: 10.1016/j.jecp.2019.104789.
- Барсукова А. Е. Возрастная периодизация психического развития по Даниилу Борисовичу Эльконину // Современные научные исследования и инновации. – 2020. – № 6. – С. 42. – URL: <https://web.snauka.ru/issues/2020/06/92580>
- Яшкова А.Н., Баранова С.Г., Овчинникова Е.Е. Развитие памяти младших школьников // Учебный эксперимент в образовании. – 2020. – Т. 95, № 3. – С. 31–36.
- Леонтьев А.Н. Проблемы развития психики. Москва: Просвещение, 1995. 473 с.
- Зинченко П.И. Непроизвольное запоминание и деятельность //Хрестоматия по психологии памяти / под ред. Ю.Б. Гиппенрейтер и В.Я. Романова. – М.: ЧеРо, 2002. – 1185 с.
- Трофимова, Е.И. Влияние цифровизации на когнитивную сферу у детей // Молодой ученый. – 2021. – № 45. – С. 291-293. – URL: <https://moluch.ru/archive/387/85119/>
- Солдатова Г.У., Вишнева А.Е. Особенности развития когнитивной сферы у детей с разной онлайн-активностью: есть ли золотая середина? // Консультативная психология и психотерапия. – 2019. – № 3. – С. 97–118. – URL: <https://doi.org/10.17759/cpp.2019270307>
- Елшанский С.П. Когнитивные механизмы школьников в условиях цифровизации // Гуманитарные исследования. Педагогика и психология. – 2020. – № 1. – С. 77–106. – URL: <https://journals.tsu.ru/uploads/import/2081/files/79-130.pdf>
- Безбородова Н.Я. Влияние компьютерных технологий на когнитивные процессы школьников // Международный журнал медицины и психологии. – 2020. – № 2. – С. 109–113. – URL: <https://ijmp.ru/wp-content/uploads/2020/06/bezborodova.pdf?ysclid=mcuk5fukwi512451370>
- Юров И.А. Использование современных гаджетов // Информационные технологии в подростковой среде. – 2018. – № 1 (15). – С. 101–106. – URL: <https://moluch.ru/young/archive/15/1050/>.

© Бобровникова Наталия Сергеевна (vicious.angel@yandex.ru), Хрипкова Анастасия Дмитриевна (nastkhr@gmail.com).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

СПЕЦИФИКА ВТОРИЧНЫХ ОТКЛОНЕНИЙ У ДОШКОЛЬНИКОВ С НАРУШЕНИЯМИ ЗРЕНИЯ В КОНТЕКСТЕ АДАПТИВНЫХ КОМПЕТЕНЦИЙ

SPECIFICITY OF SECONDARY DEVIATIONS IN PRESCHOOL CHILDREN WITH VISUAL IMPAIRMENTS IN THE CONTEXT OF ADAPTIVE COMPETENCIES

E. Borisova

Summary: This article presents a theoretical analysis of the specifics of the formation of adaptive competencies in preschool children with visual impairments. The paper systematically examines how visual perception deficits mediate the emergence of secondary disorders in the form of impoverished sensory experience, fragmentary images and representations, difficulties in nonverbal communication, and emotional regulation. It has been established that these difficulties are not a direct consequence of biological impairment, but rather a systemic consequence of altered developmental conditions. It is concluded that the formation of adaptive competencies in children with visual impairments is qualitatively unique and requires not just development, but targeted corrective and pedagogical training aimed at overcoming and compensating for secondary deviations.

Keywords: psychological and pedagogical correction, sensory development, socialization of preschoolers, compensatory mechanisms, adaptive competencies, components of competencies.

Борисова Елена Борисовна
Старший преподаватель,
ФГБОУ ВО Московский педагогический
государственный университет
levit03@yandex.ru

Аннотация: В настоящей статье представлен теоретический анализ специфики формирования адаптивных компетенций у детей дошкольного возраста с нарушениями зрения. В работе последовательно и системно рассматривается, как дефицит зрительного восприятия опосредует возникновение вторичных нарушений в виде обедненного сенсорного опыта, фрагментарности образов-представлений, трудностей невербальной коммуникации и эмоциональной регуляции. Установлено, что эти трудности не являются прямым следствием биологического нарушения, а представляют собой системное следствие измененных условий развития. Делается вывод о том, что формирование адаптивных компетенций у детей с нарушениями зрения носит качественно своеобразный характер и требует не просто развития, а целенаправленного коррекционно-педагогического воздействия, направленного на преодоление и компенсацию вторичных отклонений.

Ключевые слова: психолого-педагогическая коррекция, сенсорное развитие, социализация дошкольников, компенсаторные механизмы, адаптивные компетенции, компоненты компетенций.

Введение

Проблема социальной адаптации детей с ограниченными возможностями здоровья (ОВЗ) занимает центральное место в современной специальной психологии и педагогике. Особую актуальность она приобретает в контексте инклюзивного образования и требований Федерального государственного образовательного стандарта дошкольного образования, в котором акцентируется внимание на создании условий для успешной социализации и развития жизненных компетенций у каждого ребенка.

Среди дошкольников с ОВЗ значительную группу составляют дети с нарушениями зрения. Многочисленные исследования и практика последних десятилетий в области тифлопедагогики и тифлопсихологии показывают, что не только у детей с глубокими патологиями зрения, но даже при имеющихся у ребенка амблиопии или косоглазии, риск возникновения социально-психологической дезадаптации остается высоким. Так Л.И. Плаксина

в своей исследовательской работе (1998) подчеркивает, что особенности психофизического развития ребенка с нарушениями зрения зависят от тяжести и глубины зрительного дефекта [17]. Это связано с тем, что зрение является важнейшим каналом получения информации об окружающем мире, и его дефицит неизбежно сказывается на всем ходе психического развития. А.Г. Литвак, который исследовал вопросы коррекции и развития когнитивных процессов у слепых и слабовидящих детей, а также исследования М.И. Земцовой, подчеркивающей важность социально-коммуникативного взаимодействия, подтверждают системный характер психического своеобразия при зрительной патологии [11;8].

Целью данной теоретической статьи является обоснование и раскрытие специфики развития ключевых компонентов адаптивных компетенций у дошкольников с нарушениями зрения через призму теории о вторичных отклонениях. Понимание того, как именно первичный зрительный дефект опосредованно влияет на становление личности и деятельности ребенка, является

теоретическим фундаментом для построения эффективных коррекционных программ и моделей психолого-педагогического сопровождения.

Ключевым шагом к достижению поставленной нами цели является обоснование самого понятия «адаптивные компетенции». Чтобы провести анализ формирования данного психологического конструкта, необходимо сначала определить его структуру, выделить основные структурные элементы, которые наиболее подвержены влиянию зрительного дефекта.

Парадигма современного этапа образования с внедрением критерииов Федерального государственного стандарта нацелена на развитие у обучающихся не только академических знаний, но и универсальных компетенций, таких как критичность и гибкость мышления, коммуникативные навыки, самоорганизация и умения планировать свою деятельность. Таким образом выделение нами эмоционально-волевого, когнитивного, коммуникативного и личностного компонентов в структуре адаптивных компетенций обусловлено их ключевой ролью в обеспечении успешной адаптации ребенка к условиям социальной среды. Данные компоненты взаимосвязаны и образуют целостную систему, определяющую способность индивида к эффективному взаимодействию с окружающим миром.

Выбор дошкольного возраста как предмета исследования обусловлен его особой значимостью для формирования адаптивных компетенций. Как отмечают исследователи, именно в период от 3 до 7 лет происходит интенсивное развитие всех психических функций, формируются основы произвольности поведения и социальных навыков. У детей с нарушениями зрения этот период приобретает особую важность, поскольку именно в дошкольном возрасте закладываются компенсаторные механизмы, которые в дальнейшем будут определять успешность их социальной интеграции и обучения в школе.

Несмотря на значительное количество исследований, посвященных отдельным аспектам развития детей с патологией зрения, проблема формирования их адаптивных компетенций как целостной системы остается недостаточно изученной. Эффективность коррекционного воздействия во многом определяется пониманием системного характера нарушений развития, когда первичный зрительный дефект влияет на формирование всех компонентов психической деятельности ребенка.

Теоретико-методологические основы исследования

Методологическую основу исследования составляют фундаментальные положения отечественной науки, разработанные ведущими учеными в области специальной

психологии. В качестве ведущего метода был применен теоретический анализ, дополненный методами синтеза, сравнительно-сопоставительного анализа и систематизации научных знаний в вопросах своеобразия вторичных отклонений и формирования адаптивных компетенций у детей с нарушениями зрения.

Теоретическую основу составили ключевые научные подходы и концепции:

1. Концепция Л.С. Выготского о структуре дефекта, в которой выделяются первичный (биологический) и вторичный (социально обусловленный);
2. Теория Л.И. Солнцевой о специфике психического развития детей с нарушениями зрения;
3. Деятельностный подход А.Н. Леонтьева, в котором формирование личности и компетенций ребенка понимается как процесс, происходящий в ходе деятельности;
4. Исследования А.Г. Литвака, посвященные закономерностям развития познавательной деятельности в условиях зрительной депривации;
5. Исследования Л.И. Плаксиной, заложившие основы комплексной коррекционной работы и психолого-педагогического сопровождения детей с дошкольниками с нарушениями зрения.

Л.И. Солнцева в своих работах подробно раскрыла специфику психического развития детей с нарушениями зрения, обосновав концепцию трех критических периодов в их развитии и механизмы формирования компенсаторных процессов [20]. А.Г. Литвак исследовал закономерности развития познавательной деятельности при зрительной депривации, выделив особенности формирования представлений и мыслительных операций у слепых и слабовидящих детей [11]. Значительный вклад в понимание коррекционных процессов внесла Л.И. Плаксина, которая разработала теоретические основы комплексной коррекционной работы в дошкольных учреждениях для детей с нарушениями зрения, определив принципы и методы развития зрительного восприятия и формирования адаптивных навыков [18].

Современные исследования в области социальной адаптации дошкольников также опираются на деятельностный подход А.Н. Леонтьева, согласно которому формирование личности ребенка происходит в процессе освоения ведущих видов деятельности [10]. В дошкольном возрасте такой деятельностью является игра, которая обеспечивает развитие всех психических функций и создает основу для успешной социализации. Исследования показывают, что именно дошкольный возраст является сензитивным периодом для формирования базовых адаптивных навыков, определяющих успешность дальнейшего развития ребенка.

Теоретической основой для понимания этой пробле-

мы служит концепция Л.С. Выготского о сложной структуре аномального развития, в которой выделяются первичный дефект (биологическое нарушение) и вторичные отклонения (психологические новообразования, возникающие в процессе развития на основе первичного дефекта). Именно вторичные отклонения, такие как своеобразие познавательных процессов, особенности эмоциональной сферы и коммуникации, становятся главным объектом психолого-педагогической коррекции. При отсутствии целенаправленного сопровождения они могут приводить к серьезным трудностям в обучении и социальной интеграции [3].

Анализ специфики вторичных отклонений в структуре адаптивных компетенций

Эмоционально-волевой компонент

Эмоционально-волевая сфера ребенка с нарушением зрения формируется в условиях дефицита сенсорной информации, что накладывает глубокий отпечаток на ее структуру. Одним из ключевых вторичных отклонений в этой области являются трудности в распознавании и выражении эмоций. В норме ребенок учится понимать эмоциональные состояния других людей, наблюдая за их мимикой, жестами, позами и интонациями. Для ребенка с нарушенным зрением этот канал восприятия невербальных сигналов оказывается частично или полностью заблокированным. Он не может в полной мере считывать тонкие изменения в выражении лица собеседника, что ведет к трудностям в усвоении социальных эталонов эмоциональных реакций. В результате его собственные эмоциональные проявления могут быть обедненными, невыразительными или не всегда адекватными ситуациям, что затрудняет его социальные контакты [12].

Другим важным следствием зрительного дефекта может являться повышенная тревожность, общая эмоциональная неустойчивость, и лабильность. Окружающий мир для такого ребенка предстает как менее предсказуемый и потенциально опасный. Невозможность видеть препятствия, быстро ориентироваться в незнакомом пространстве, предвидеть действия других людей порождает постоянное внутреннее напряжение и «страх неизвестности». Эта фоновая тревожность истощает нервную систему и может проявляться в виде капризности, плаксивости, вспышек раздражения или, наоборот, в заторможенности и пассивности. Эмоциональное состояние ребенка напрямую зависит от степени его дезориентации в социальной и предметной среде [6].

Наконец, значительные трудности возникают в сфере произвольной регуляции поведения. Этот процесс тесно связан с общим состоянием нервной системы. Дети с нарушениями зрения испытывают колоссальное сверхнапряжение при выполнении любой деятельности,

требующей зрительного контроля. Постоянная необходимость интеллектуально достраивать неполную или искаженную сенсорную информацию приводит к быстрой утомляемости. Истощенные ресурсы центральной нервной системы уже не могут эффективно обеспечивать процессы торможения и самоконтроля, что внешне проявляется в импульсивности, неусидчивости, трудностях удержания и следования инструкциям взрослого. Таким образом, дефицит произвольности является не первичной характеристикой, а вторичным следствием сенсорной и когнитивной перегрузки [5].

Когнитивный компонент

Познавательная деятельность дошкольников с нарушениями зрения имеет ярко выраженную специфику, которая определяется особенностями формирования образов и представлений об окружающем мире. Ведущим признаком вторичных отклонений в когнитивной сфере являются фрагментарность и схематизм образов. В отличие от зрячего ребенка, который воспринимает предмет целостно и одномоментно, ребенок с нарушенным зрением вынужден обследовать его последовательно (например, осязательно) или воспринимать с искажениями. В результате в его сознании формируется не целостный образ, а скорее набор отдельных признаков, часто не связанных в единую структуру [4]. Это приводит к так называемому вербализму представлений, когда ребенок знает название предмета и может перечислить его свойства, но не имеет его четкого внутреннего образа. Такая фрагментарность представлений напрямую затрудняет выполнение базовых мыслительных операций: установление причинно-следственных связей, обобщение, анализ и синтез информации, поскольку для этого необходимо оперировать целостными и точными образами.

Как следствие, у детей с нарушениями зрения наблюдаются замедленность и меньшая точность выполнения мыслительных операций. Им требуется больше времени и усилий для решения когнитивных задач, так как они вынуждены постоянно компенсировать недостаток наглядной информации словесными рассуждениями и логическими построениями. Сниженная познавательная активность также является вторичной характеристикой [15]. Она возникает не из-за отсутствия любознательности, а как результат бедности и нечеткости сенсорного опыта. Мир, воспринимаемый неясно и фрагментарно, в меньшей степени стимулирует ребенка к активному исследованию, порождая неуверенность и страх перед новым [2].

Особого внимания заслуживают трудности пространственного мышления и ориентировки, которые являются ключевой проблемой, затрагивающей все сферы жизнедеятельности. Пространственные представления

формируются на основе интеграции зрительной, слуховой и двигательной информации. При дефиците зрения эта интеграция нарушается, что приводит к серьезным сложностям в оценке расстояния, направления, взаиморасположения объектов. Ребенок испытывает трудности не только в ориентировке в большом пространстве (на улице, в здании), но и в микропространстве (на листе бумаги, в книге), что в дальнейшем создает значительные препятствия для овладения письмом и чтением, самостоятельного передвижения и мобильности.

Коммуникативный компонент

Коммуникативная сфера является одной из наиболее уязвимых для возникновения вторичных отклонений у детей с нарушениями зрения. Своебразие диалога и снижение активности в данном процессе — типичное проявление этих трудностей. В ходе разговора ребенок часто не видит или неверно интерпретирует невербальные реакции собеседника — улыбку, кивок, выражение недоумения. Это лишает его обратной связи, необходимой для гибкого ведения беседы. В результате его речь может приобретать монологичный характер, он может перебивать собеседника, не чувствуя момента, когда нужно сделать паузу, или, наоборот, проявлять пассивность, ожидая прямых вербальных указаний [1].

Центральной проблемой является дефицит составляющих невербального общения. Усвоение языка жестов, мимики, экспрессивных поз происходит в норме преимущественно через подражание. Ребенок с нарушенным зрением лишен этой возможности, что приводит к бедности и неадекватности его собственных невербальных проявлений. Отсутствие или неадекватное использование контакта «глаза в глаза» может неверно считываться окружающими как незаинтересованность или даже недружелюбие, создавая барьеры в общении со сверстниками.

С этим тесно связаны трудности понимания контекста и подтекста коммуникации. Такие сложные социальные явления, как юмор, ирония, сарказм, часто передаются именно через невербальные сигналы, которые сопровождают речь. Не имея возможности уловить ироничную улыбку или лукавый взгляд, ребенок воспринимает слова буквально, что приводит к обидам и недопониманию. Он оказывается исключенным из тонких пластов социального взаимодействия, что может вести к изоляции в группе сверстников [16].

Наконец, серьезные сложности возникают в совместной деятельности и командной работе. Эффективное сотрудничество требует от участников умения распределять роли, проявлять активную позицию во взаимодействии, координировать свои действия, отслеживать работу партнеров и ориентироваться в общем про-

странстве. Все эти компоненты опираются на зрительное восприятие. Ребенку с нарушением зрения трудно следить за перемещениями других детей, передавать и принимать предметы, синхронизировать свои усилия, что делает его участие в коллективных играх и проектах затруднительным и часто приводит к выбору роли пассивного наблюдателя [13].

Личностный компонент

Личностное развитие ребенка неразрывно связано с его опытом взаимодействия с миром и оценкой этого опыта окружающими. У детей с нарушениями зрения этот процесс сопряжен с рядом рисков. Часто наблюдается формирование неадекватной самооценки. С одной стороны, чрезмерная опека со стороны взрослых, стремление оградить ребенка от любых трудностей могут привести к формированию заниженной самооценки, неуверенности в своих силах и выученной беспомощности. С другой стороны, постоянный опыт неудач в деятельности, связанных с дефектом (уронил, сломал, не смог сделать так же быстро, как другие), также подрывает веру в себя [9].

В качестве защитных механизмов могут формироваться две противоположные стратегии поведения. Первая — это склонность к аутизации, уходу в себя, избеганию социальных контактов, которые воспринимаются как источник стресса и неудач [22]. Ребенок замыкается в своем внутреннем мире, ограничивая взаимодействие с непредсказуемой и сложной для него средой. Вторая стратегия — это, наоборот, повышенная зависимость от взрослого [14]. Ребенок ищет в родителе или педагоге «поводыря», который будет направлять каждое его действие, интерпретировать для него окружающий мир и защищать от трудностей. Обе эти стратегии препятствуют формированию самостоятельности и инициативности.

На фоне этого часто отмечается сниженный уровень притязаний и мотивации к достижению в новых, незнакомых ситуациях [21]. Опасаясь неудачи, ребенок заранее отказывается от сложных задач, предпочитая действовать в привычных и безопасных условиях. Это, в свою очередь, ограничивает его развивающий опыт [19]. Повышенная ранимость, обидчивость и тревожность в социальных контактах также являются закономерным следствием вторичных отклонений. Неправильная интерпретация действий и слов окружающих из-за отсутствия визуального подкрепления, порождает мнительность и постоянное ожидание негативной оценки, что делает личность ребенка крайне уязвимой.

Таким образом, анализ исследований показал, что все выявленные особенности носят характер вторичных отклонений и связаны между собой системно. Дефицит

зрительной информации запускает каскад изменений во всех сферах развития, что подтверждает концепцию Л.С. Выготского о сложной структуре дефекта.

Заключение

Проведенный теоретический анализ демонстрирует, что формирование адаптивных компетенций у детей дошкольного возраста с нарушениями зрения носят качественно своеобразный характер. Этот процесс определяется не только и не столько степенью биологического нарушения, сколько сложной иерархией вторичных отклонений, которые пронизывают все уровни психической организации: от сенсорно-перцептивных процессов до личностных характеристик. Дефицит зрительной информации выступает как пусковой механизм, запускающий изменения в эмоциональном, поведенческом, когнитивном и коммуникативном развитии, что в совокупности создает уникальную структуру трудностей адаптации.

Отсюда следует важнейший вывод для практики: работа с такими детьми должна быть направлена не просто на общее развитие, а на специальное, целенаправленное формирование адаптивных компетенций через преодоление и компенсацию вторичных отклонений

[7]. Это требует от специалистов глубокого понимания описанной специфики. Например, развивая коммуникативные навыки, необходимо делать акцент на обучении распознаванию эмоций по голосу и интонации, а также на формировании экспрессивных средств общения, доступных ребенку. При развитии когнитивной сферы ключевой задачей становится формирование целостных и полисенсорных образов предметов и явлений.

Результаты анализа могут служить основой для разработки дифференцированных коррекционных программ, учитывающих специфику каждого компонента адаптивных компетенций.

Ограничение данного исследования заключается в том, что анализ проводился на основе теоретических источников без эмпирической проверки выявленных закономерностей.

В дальнейших исследованиях необходимо эмпирическое изучение взаимосвязи между степенью зрительного дефекта и выраженностью вторичных отклонений в структуре адаптивных компетенций; разработка и апробация модели психолого-педагогического сопровождения детей с нарушениями зрения в контексте формирования адаптивных способностей и компетенций.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бондарь Г.И., Луговская А.В. Анализ проведенных исследований по изучению грамматического строя речи у детей старшего дошкольного возраста с нарушениями зрения // Научный аспект № 9 2023. –2023. – Т2.– С. 127.
2. Волгуснова Е.А. Исследование объектов чувства страха у обучающихся третьих и четвертых классов // Вестник Шадринского государственного педагогического университета. – 2022. – №. 3 (55). – С. 127-132.
3. Выготский, Л.С. История развития высших психических функций / Л.С. Выготский. — Москва: Издательство Юрайт, 2025. — 336 с. — (Антология мысли). — ISBN 978-5-534-07532-8. — Текст: электронный // Образовательная платформа Юрайт [сайт]. — URL: <https://urait.ru/bcode/562587> (дата обращения: 10.09.2025)
4. Ганеева А.Р., Карандаева Т.А. Исследование зрительного восприятия дошкольников с нарушениями зрения // Психологическое сопровождение образования: теория и практика. – 2021. – С. 37-39.
5. Гареева А.И. Актуальность изучения тактильного восприятия у школьников с нарушением зрения // Вестник науки. – 2024. – Т. 4. – №. 5 (74). – С. 729-737.
6. Гугкаева И.Т. Игровая деятельность как фактор развития эмоционального интеллекта у детей дошкольного возраста с нарушениями зрения // Гуманитарный научный вестник. – 2021. – №. 8. – С. 60-65.
7. Дружинина Л.А. и др. Коррекционная направленность эстетического воспитания детей дошкольного возраста с ограниченными возможностями здоровья // Перспективы науки и образования. – 2021. – №. 5 (53). – С. 429-445.
8. Земцова, М.И. Учителю о детях с нарушением зрения / М.И. Земцова. – Москва: Просвещение, 2003. – 320 с
9. Кравченко Л.А., Создание ситуации успеха на уроке как необходимое условие процесса обучения слепых и слабовидящих детей // Опыт и перспективы развития образования детей с глубоким нарушением зрения. – 2023. – С. 90.
10. Леонтьев А.Н. Деятельность. Сознание. Личность: учебное пособие // Москва: Смысл: Академия, 2005. — 352 с
11. Литвак А.Г. Психология слепых и слабовидящих: учеб. пособие / А.Г. Литвак; Рос. гос. пед. ун-т им. А.И. Герцена. -- СПб.: Изд-во РГПУ, 1998. - 271 с.
12. Малева З. П. Сравнительное исследование проявления агрессии у детей с нарушениями зрения в инклюзивных группах // Psihologie, Revistă științifico-practică. – 2022. – Т. 40. – №. 1. – С. 72-83.
13. Мясникова Л.В. Развитие графомоторных умений и навыков у старших слабовидящих дошкольников // Современная наука: актуальные проблемы теории и практики. Серия: Гуманитарные науки. – 2022. – №. 1. – С. 82-85.
14. Осипова Л.Б. и др. Изучение коммуникативных умений детей дошкольного возраста с тяжелыми нарушениями зрения // Специальное образование. –

2024. – №. 4 (76). – С. 60-79.
15. Осипова, Л.Б. Развитие восприятия сюжетных изображений у детей с нарушениями зрения с использованием средств наглядности: учебное пособие / Л.Б. Осипова, Л.А. Дружинина, Г.Д. Пиянзина. – Челябинск: Южно-Уральский государственный гуманитарно-педагогический университет, 2024. – 100 с.
16. Павлова О.С. Особенности социализации, свойственные разным нозологическим группам //Проблемы современного педагогического образования. – 2023. – №. 79-2. – С. 445-448.
17. Плаксина Л.И. Теоретические основы коррекционной помощи детям с косоглазием и амблиопией в условиях дошкольного образовательного учреждения: автореф. д-ра психол. наук специальность 19.00.10 / Л.И. Плаксина. — Москва, 1998. — 49 с.
18. Плаксина Л.И., Сековец Л.С. Коррекционно-развивающая среда в дошкольных образовательных учреждениях компенсирующего вида: учебно-методическое пособие //Москва: ЗАО «Элти-Кудиц». – 2003. — 120 с.
19. Сачков А.А. Развитие мелкой моторики у лиц дошкольного возраста с нарушением зрения в процессе занятий адаптивным физическим воспитанием // Инновационные идеи молодых исследователей. – 2022. – С. 87-92.
20. Солнцева Л.И. Некоторые особенности психического развития детей с нарушениями зрения в современных условиях //Дефектология. – 2000. – Т. 4. – С. 3-8.
21. Voloshina L. et al. Effect of motor activity on physical readiness indicators of preschoolers with visual impairment //Journal of Physical Education and Sport. – 2022. – Т. 22. – №. 1. – С. 174-179.
22. Stevenson M., Tedone E. Assessment of Autism Spectrum disorders in children with visual impairment and blindness: A scoping review //Journal of Autism and Developmental Disorders. – 2025. – Т. 55. – №. 4. – С. 1411-1423.

© Борисова Елена Борисовна (levit03@yandex.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

ПРОГНОЗИРОВАНИЕ ПСИХОЛОГИЧЕСКОГО СТАТУСА ПАЦИЕНТОК С РАКОМ МОЛОЧНОЙ ЖЕЛЕЗЫ НА ОСНОВЕ ВАРИАБЕЛЬНОСТИ СЕРДЕЧНОГО РИТМА И ПСИХОМЕТРИЧЕСКИХ ДАННЫХ

PREDICTING THE PSYCHOLOGICAL STATUS OF BREAST CANCER PATIENTS BASED ON HEART RATE VARIABILITY AND PSYCHOMETRIC DATA

D. Videnichkin

Summary: The aim of the work is to study the possibilities of predicting the psychological status of breast cancer patients based on heart rate variability (HRV) and psychometric data. The article discusses approaches to assessing the psycho-emotional state, the role of HRV as an objective marker of stress and emotional regulation, as well as the importance of integrating psychophysiological and psychometric indicators for planning individualized psychological support.

Keywords: breast cancer, psychological status, heart rate variability, psychometric data, prognosis, psychophysiology.

Виденичkin Дмитрий Михайлович
Аспирант, ФГБОУ ВО Елецкий государственный университет им. И.А. Бунина
dima-videnichkin@rambler.ru

Аннотация: Цель работы — изучение возможностей прогнозирования психологического статуса пациенток с раком молочной железы на основе показателей вариабельности сердечного ритма (ВСР) и психометрических данных. В статье рассматриваются подходы к оценке психоэмоционального состояния, роль ВСР как объективного маркера стресса и эмоциональной регуляции, а также значение интеграции психофизиологических и психометрических показателей для планирования индивидуализированной психологической поддержки.

Ключевые слова: рак молочной железы, психологический статус, вариабельность сердечного ритма, психометрические данные, прогнозирование, психофизиология.

Введение

Рак молочной железы является одной из наиболее распространённых форм онкологической патологии среди женщин во всем мире и представляет серьёзную медико-социальную проблему. Ежегодно регистрируются миллионы новых случаев, а качество жизни пациенток напрямую зависит не только от клинических показателей и стадии заболевания, но и от психоэмоционального состояния. В ряде исследований показано, что тревожность, депрессия и низкий уровень субъективного благополучия могут негативно влиять на адаптацию к лечению, мотивацию к соблюдению терапевтических рекомендаций и общий прогноз заболевания. [1,6]

Психологический статус пациенток с раком молочной железы представляет собой сложную совокупность когнитивных, эмоциональных и поведенческих характеристик. Для его оценки традиционно применяются психометрические методы, такие как HADS, PSS-10, PWB и CD-RISC, позволяющие количественно измерять уровень тревоги, депрессии, стрессоустойчивость и субъективное благополучие. Эти данные обеспечивают ценную информацию о потребностях пациенток в психологической поддержке и позволяют выявлять группы риска. [2,7]

В последние годы особое внимание уделяется интеграции психометрических оценок с физиологическими маркерами психоэмоционального состояния, включая вариабельность сердечного ритма (ВСР). ВСР отражает баланс между симпатической и парасимпатической активностью, является объективным индикатором реакций организма на стресс и может служить биофизиологическим маркером эмоциональной регуляции. Применение ВСР в онкологической практике позволяет дополнить субъективные оценки психометрических инструментов объективными физиологическими данными, создавая более полное представление о состоянии пациентки. [4]

Комбинированный подход, включающий психометрические методы и показатели ВСР, открывает новые возможности для прогнозирования психологического статуса. Он позволяет выявлять пациенток с высоким риском эмоционального дистресса, разрабатывать индивидуальные программы психологической поддержки, а также оценивать эффективность проводимых интервенций. Кроме того, использование интегративного анализа повышает информативность исследования и способствует более обоснованным выводам о психоэмоциональном состоянии пациенток. [3,5]

Таким образом, актуальность исследования обусловлена необходимостью раннего выявления психологически уязвимых групп пациенток, повышения эффективности психологической поддержки и интеграции психофизиологических данных в клиническую практику. Настоящее исследование направлено на рассмотрение возможностей прогнозирования психологического статуса пациенток с раком молочной железы на основе сочетания психометрических и физиологических показателей, что позволяет создавать научно обоснованные рекомендации для клинической работы и дальнейших исследований в области психоонкологии. [8]

Материалы и методы

В исследованиях, посвящённых прогнозированию психологического статуса пациенток с раком молочной железы, обычно применяются следующие подходы:

Психометрические методики:

- HADS (Hospital Anxiety and Depression Scale) — оценка уровня тревоги и депрессивных симптомов.
- PWB (Psychological Well-Being Scale) — оценка субъективного психологического благополучия.
- PSS-10, CD-RISC — измерение стрессоустойчивости и когнитивно-эмоциональных ресурсов.

Физиологические показатели:

- ВСР, включающая анализ интервалов R-R, SDNN, RMSSD и других параметров, отражающих активность вегетативной нервной системы.
- ВСР позволяет объективно оценивать реакцию организма на стрессовые и эмоциональные нагрузки.

Методы анализа:

- Корреляционный анализ и многомерное регрессионное моделирование позволяют выявлять взаимосвязи между психометрическими и физиологическими показателями.
- Интеграция данных создаёт основу для разработки прогностических моделей психологического статуса и планирования психологических интервенций.

Интеграция психометрических и физиологических данных предоставляет более полное понимание психоэмоционального состояния пациенток с раком молочной железы. Психометрические методики позволяют оценить субъективное восприятие стрессовых ситуаций, уровень тревоги, депрессии и субъективное благополучие, тогда как показатели вариабельности сердечно-гого ритма (ВСР) дают объективную информацию о функциональном состоянии вегетативной нервной системы. Совмещение этих подходов позволяет выявлять закономерности, которые не видны при использовании только

одного типа методов, и повышает точность прогнозирования психологического статуса.

Результаты современных исследований подтверждают, что изменения ВСР тесно связаны с психоэмоциональным дистрессом у пациенток с онкологическими заболеваниями. Так, снижение показателей SDNN и RMSSD может отражать повышенную симпатическую активность и снижение способности к эмоциональной регуляции, что коррелирует с высоким уровнем тревоги и депрессии. Совмещение этих данных с психометрическими шкалами позволяет выявлять пациенток с повышенной уязвимостью и предсказывать динамику их психологического состояния в ходе лечения и реабилитации. [1,5,8]

Применение комбинированного анализа ВСР и психометрических данных имеет практическую ценность для клинической работы. Оно позволяет:

- более точно определять группы пациенток, нуждающихся в психологической поддержке;
- разрабатывать индивидуальные программы психоэмоциональной коррекции и стресс-менеджмента;
- отслеживать эффективность проводимых интервенций и корректировать их в зависимости от изменений физиологических и психометрических показателей. [3,7]

Важно отметить, что использование интегративного подхода не только повышает качество научной оценки психологического статуса, но и способствует персонализированному подходу к лечению и сопровождению пациенток. Такой подход соответствует современным принципам психоонкологии и позволяет создавать системы раннего выявления риска эмоционального дистресса, что имеет значение для повышения качества жизни и общего прогноза. [2,5]

Дальнейшие перспективы исследования включают расширение интегративных моделей, использование машинного обучения для прогнозирования психологического статуса и оценку влияния различных терапевтических стратегий на динамику психоэмоционального состояния. Применение таких моделей позволит не только выявлять уязвимые группы, но и прогнозировать эффективность вмешательств на индивидуальном уровне, что открывает новые возможности для персонализированной психологической поддержки и комплексного подхода к лечению пациенток с раком молочной железы. [4,6]

Таким образом, интеграция психометрических и физиологических данных обеспечивает высокий научный и практический потенциал для прогнозирования психологического состояния, раннего выявления групп риска и разработки эффективных программ поддержки, что подтверждает актуальность и значимость выбранного

подхода в психоонкологии.

Заключение

1. Вариабельность сердечного ритма является центральным психофизиологическим маркером эмоционального состояния пациенток.

2. Комбинация психометрических и физиологических показателей позволяет строить прогнозные модели психологического статуса.

3. Интеграционный подход может быть использован для разработки индивидуализированных программ психологической поддержки и мониторинга психоэмоционального состояния пациенток.

ЛИТЕРАТУРА

1. Karaman İGY, et al. Posttraumatic Stress, Posttraumatic Growth, and Heart Rate Variability in Female Breast Cancer Survivors. *Journal of Clinical Psychology in Medical Settings*. 2025;32(2):123–135.
2. Soria-Reyes LM, et al. Psychometric Properties of the Perceived Stress Scale (PSS-10) in Breast Cancer Patients. *Stress and Health*. 2022;38(4):567–578.
3. Singtaweesuk RN, et al. Factors Predicting Psychological Well-being among Survivors of Breast Cancer in a Tertiary Care Hospital, Thailand. *Siriraj Medical Journal*. 2024;76(4):244–254.
4. Zhang Q, et al. Heart Rate Variability and Cytokines are Involved in Psychological Distress in Breast Cancer Patients. *Clinical Breast Cancer*. 2025;25(1):45–53.
5. Budisavljevic A, et al. The Impact of Newly Diagnosed Early Breast Cancer on Psychological Resilience, Distress Levels, and the Perception of Health. *International Journal of Environmental Research and Public Health*. 2024;21(6):677.
6. Mikolaskova I, et al. Heart Rate Variability and Perceived Stress Relations in Newly Diagnosed Breast Cancer Patients. *Journal of Psychosomatic Research*. 2025;78(3):210–218.
7. Garneau J, et al. Predicting Response to Stepped-Care Cognitive Behavioral Therapy in Breast Cancer Patients Using Heart Rate Variability. *Psychosomatic Medicine*. 2024;86(9):789–797.
8. Spada GE, et al. Heart Rate Variability Biofeedback in Cancer Patients: A Scoping Review. *Applied Psychophysiology and Biofeedback*. 2025;50(1):1–15.

© Виденичkin Дмитрий Михайлович (dima-videnichkin@rambler.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

ДУХОВНО-ЦЕННОСТНАЯ ОРИЕНТАЦИЯ КАК ОСНОВА ПРАКТИЧЕСКОЙ ПСИХОЛОГИИ

SPIRITUAL-VALUE ORIENTATION AS THE BASIS OF PRACTICAL PSYCHOLOGY

O. Gadetsky

Summary: This article examines the evolution of practical psychology, highlighting the transition from a technological and utilitarian approach to an integral model based on the spiritual and axiological orientation of the individual. Historical and conceptual analysis shows that psychology, which had long been dominated by reductionist and mechanistic paradigms, gradually integrated humanistic, existential and spiritual dimensions necessary for a comprehensive understanding of man. Furthermore, the article highlights the limitations of some methodologies based on humanistic and transpersonal approaches, which are often insufficiently scientifically grounded, which necessitates the development of a new paradigm capable of integrating scientific rigor and the spiritual dimension. This new orientation proposes a synthesis between methodological rationalism and contemporary issues related to social, cultural and ethical questions. The aim is to develop conceptual and practical tools that facilitate the construction of harmonious models of behavior based on spiritual ethics and a holistic vision of the individual.

Keywords: practical psychology, spiritual orientation, axiological values, integral approach, humanism, scientific paradigm, meaning of life, rationalism, interdisciplinarity, personal development, value-oriented psychology.

Гадецкий Олег Георгиевич
кандидат философских наук, ректор, преподаватель,
Институт ценностно-ориентированной психологии,
Москва
era108@gmail.com

Аннотация: В данной статье исследуется эволюция практической психологии, выделяется переход от технологического и утилитарного подхода к интегральной модели, основанной на духовной и аксиологической направленности личности. Исторический и концептуальный анализ показывает, что психология, в которой долгое время доминировали редукционистские и механистические парадигмы, постепенно интегрировала гуманистические, экзистенциальные и духовные измерения, необходимые для всестороннего понимания человека.

Кроме того, в статье подчеркиваются ограничения, с которыми сталкиваются некоторые методологии, основанные на гуманистических, экзистенциональных и трансперсональных подходах, которые часто недостаточно научно обоснованы, что обуславливает необходимость разработки новой парадигмы, способной интегрировать научную строгость и духовное измерение. Эта новая ориентация предлагает синтез между методологическим рационализмом и современными проблемами, связанными с социальными, культурными и этическими вопросами. Цель состоит в том, чтобы разработать концептуальные и практические инструменты, способствующие построению гармоничных моделей поведения, основанных на духовной этике и целостном видении личности.

Ключевые слова: практическая психология, духовная направленность, аксиологические ценности, интегральный подход, гуманизм, научная парадигма, смысл жизни, рационализм, междисциплинарность, личностное развитие, ценностно-ориентированная психология.

Введение

Практическая психология, как прикладная научная дисциплина, в настоящее время переживает переломный этап перестройки своих методологических и ценностных основ. В психологии, в которой долгое время доминировала технологическая и утилитарная перспектива, сосредоточенная на эффективности вмешательств и решении конкретных проблем, в настоящее время недостаточно инструментария для того, чтобы постичь внутреннюю сложность человеческой природы, особенно ее духовные и этические аспекты.

История развития современной психологии демонстрирует устойчивый тренд перехода к гуманистической парадигме, однако этот процесс сопровождается определенными ограничениями. Несмотря на новаторство методов, используемых представителями гуманистического, экзистенциального и трансперсонального направлений, многие из них пока не получили доста-

точного эмпирического подтверждения, что затрудняет их широкое внедрение в практическое применение — будь то клиническое консультирование или социальная работа. Этот факт подтверждает острую потребность в формировании новой интегративной парадигмы, которая смогла бы сочетать научно обоснованную методологию с ценностно-насыщенным содержанием, адекватно реагируя на актуальные запросы общества.

Таким образом, в данной статье предлагается рассмотреть условия и перспективы обновленной практической психологии, основанной на духовном и ценностном фундаменте, направленной на выход за рамки технологического утилитаризма и принятие интегрального подхода. Эта трансформация подразумевает новое сочленение методологической рациональности, общечеловеческих ценностей, этических обязательств и духовной направленности на службе гармоничного развития индивида в его социальной и культурной среде.

Предлагаемая рефлексия является частью междисциплинарной динамики, объединяющей вклад философии, психологии, социологии и других дисциплин с целью создания прочной и последовательной концептуальной основы, одновременно строгой и доступной, способной питать практическую психологию завтрашнего дня.

Материалы и методы исследования

Методология настоящего исследования построена на систематическом обзоре литературы, посвящённой развитию новых подходов в психологии, интегрирующих духовные и аксиологические элементы. Основной фокус сделан на работах, раскрывающих связь между духовными убеждениями, ценностными ориентациями и физиологией мозга, такими как исследования, опубликованные А. Лутцем и другими авторами [7, с. 47–48]. Основными методами были:

1. Анализ вторичных источников: изучение работ таких исследователей, таких как А. Лутц и другие, М. Ардаль и С. Грюнвальд, выявляющих влияние духовных аспектов на функционирование мозга и психику человека.
2. Интерпретация результатов экспериментальных исследований: было проанализировано большое количество публикаций, показывающих связь между ментальными установками и деятельностью определенных зон мозга, таких как префронтальная кора и лимбическая система.
3. Обзор мнений экспертов: сбор экспертных оценок относительно необходимости переоценки роли духовных и ценностных аспектов в психологической практике, учитывая их недооцененность в традиционной науке.
4. Критика существующих подходов: обоснование недостаточности традиционно принятых техник и технологий в психологии, неспособных объяснить всю глубину человеческой природы, особенно в отношении её духовных и экзистенциальных измерений.

Помимо указанных аналитических инструментов, важным методом стало проведение сравнительного анализа исторических этапов развития психологии, начиная с ХХ века и заканчивая началом ХХI столетия. Было выявлено значительное смещение акцентов в пользу технической и утилитарной ориентации, оставляющее нерешённым вопрос о том, как правильно учесть духовные потребности человека.

Использование данных методов позволило обосновать необходимость нового этапа в развитии психологии, выводящей на первый план вопросы духовности и аксиологии, создавая предпосылки для качественного преобразования всей сферы профессиональной деятельности психологов и педагогов.

Результаты и обсуждения

Последние данные нейробиологии, в том числе работы А. Лутца и других, демонстрируют прямую корреляцию между состоянием внутренней когерентности (целостности), эмоциональной стабильностью, чуткостью, добротой и активацией таких областей мозга, как префронтальная кора и лимбическая система [7, с. 47–48]. Эти результаты подтверждают гипотезу о том, что духовная и ценностная ориентация является не только психологическим конструктом, но и имеет биологическое измерение, которое имеет важное значение для поддержания эмоционального благополучия и устойчивого личностного развития.

Кроме того, исследования метакогнитивных процессов, проводимые, в частности, М. Ардаль и С. Грюнвальд, позволяют утверждать, что осознание собственных ценностей усиливают способности к саморефлексии, целостности, ответственности и трансцендентности: «целостные личности не цепляются за жизнь, а понимают и принимают, что каждая жизнь — это всего лишь последовательность в бесконечном потоке поколений. Вместо того, чтобы заботиться только о себе, такое понимание ведёт к выходу за рамки индивидуального самоощущения и заботе о благополучии будущих поколений» [12, с. 5]. Эта внутренняя динамика, когда она полностью осознается, способствует формированию устойчивой личности, способной конструктивно встречать кризисы и находить глубокий смысл даже в самых сложных экзистенциальных ситуациях.

Таким образом, включение духовной и ценностной парадигмы в структуру современной психологической науки знаменует собой значительный концептуальный прорыв. Это позволяет преодолеть узость исключительно эмпирико-аналитической перспективы, расширяя понимание человеческой природы путем учета как биологического-психологических механизмов, так и высших жизненных смыслов и целей. Такая переориентация инициирует новые направления исследования в прикладной психологии, предоставляя возможности для углубленного изучения процессов личностного роста и достижения духовного благополучия.

В настоящее время наблюдается растущий интерес к исследованию духовных феноменов в рамках различных психологических школ и подходов. К ним относятся такие направления, как трансперсональная психология, использующая техники дыхательных практик, экзистенциальный анализ, системные расстановки, регрессивная терапия и прочие. Хотя современная психология пока лишь частично обращает внимание на проблемы духовного опыта, очевидность движения в направлении признания и осмысливания этой сферы является бесспорной.

Переориентация психологии на ценностный и духовный подход представляет собой неотложный ответ на тупики технологической современности. Интегрируя поиск смысла, этическое сознание и древнюю мудрость в современную психологическую практику, становится возможным выйти за рамки редуктивного утилитаризма. Задача не только терапевтическая, но и антропологическая: речь идет о переосмыслинии того, что значит быть человеком в мире, переживающем кризис, и о примирении науки с глубочайшими устремлениями человеческого духа.

Современность, отмеченная индустриализацией, трансформацией привычек питания и образа жизни, привела к значительному ухудшению здоровья населения. В то же время на политическом фронте усиливается геополитическая напряженность, территориальные споры, подъем национализма и милитаризация. Постепенно все больше оформляется глобальная экологическая катастрофа. Подобные кризисы заставляют человека искать новые модели взаимоотношений с реальностью. Существенной частью этих поисков является представление человека о самом себе.

Современные научные достижения, особенно в квантовой физике, системном подходе и феноменологии, подчеркивают необходимость переосмыслиния традиционных представлений о человеке и его психике, тем самым формируя философскую основу для новой парадигмы, основанной на целостном понимании человека и его духовного потенциала.

В этом контексте интегрированная теория информации (IIT), предложенная Джулио Тонони в 2008 году и рассматриваемая Л. Альбантакис, предлагает инновационный взгляд на сознание [2, с. 1]. В отличие от редукционистских подходов, которые рассматривают сознание как простую совокупность нейронных функций, IIT утверждает, что сознание возникает как неотъемлемое свойство сложных систем, способных генерировать единый и нередуцируемый опыт. Эта теория представляет собой значительный разрыв с традиционными парадигмами нейробиологии, подчеркивая холистическую и интегрированную природу сознательных состояний.

IIT базируется на пяти фундаментальных аксиомах, определяющих основные характеристики сознательного опыта:

- Внутреннее существование - сознание существует фундаментальным образом, независимо от какого-либо внешнего наблюдения.

- Состав - сознание структурировано, состоит из отдельных, но взаимосвязанных компонентов, образующих единое целое.

- Информация - каждый сознательный опыт информативен, отличая текущее состояние от широкого спектра возможных альтернатив.

- Интеграция - сознательный опыт един и неделим и не может быть сведен к простой сумме независимых частей.

- Исключение - сознание специфично, оно включает в себя определенный набор компонентов без избыточности, тем самым гарантируя, что состояние сознания максимально информативно, сводя к минимуму совпадение с другими потенциальными переживаниями.

Эти аксиомы служат концептуальной основой для разработки количественной меры сознания, известной как Φ (Phi), которая оценивает степень информации, заложенной в систему. В отличие от упрощенных интерпретаций обработки информации, Φ представляет не только количество информации, но и степень, в которой эта информация интегрирована в единое целое. Высокий Φ указывает на высокий уровень интеграции, предполагая сложное и единое состояние сознания. Вычисление Φ включает в себя многоступенчатый вычислительный процесс, включающий декомпозицию системы, отображение причинно-следственных репертуаров, вычисление интегрированной информации и максимизацию Φ для определения доминирующего состояния сознания.

Эволюция современных научных парадигм, особенно в области квантовой физики, нейробиологии и психологии, подчеркивает растущее сближение между западными и восточными точками зрения. На это обстоятельство еще в конце прошлого века обратил внимание известный исследователь Томас Кун [1]. Эта конвергенция подчеркивает важность духовной и ценностной ориентации в практической психологии, отхода от технологического утилитаризма к целостному пониманию человеческого сознания.

Как отмечает В. Лоботка, «наше модернистское мировоззрение зародилось около 500 лет назад в умах пионеров современной цивилизации — Коперника, Кеплера и Галилея. Оно принесло много позитива в виде беспрецедентного увеличения индивидуальных свобод и столь же беспрецедентного количественного увеличения знаний и возможностей во всех эмпирически ориентированных областях человеческого опыта. Но этот эпохальный сдвиг вперед также принес ряд проблемных аспектов. В чисто механически ориентированной космологической структуре, которая лишена какой-либо основы для духовных, моральных и эстетических ценностей, человечество легко становится жертвой чисто утилитарного рассуждения, которое сводит фундаментальные человеческие мотивы к базовому эгоизму. В разочарованном мире, лишенном субъективности и внутреннего

измерения, все дозволено, и ничто не мешает даже величайшим жемчужинам нашего культурного и природного наследия превратиться в средства патологического потребительства» [6, с. 101].

Еще одну интересную эвристическую модель сознания разработали Роджер Пенроуз и Стюарт Хамроффом. Их модель «Организованной объективной редукции», коротко «Orch OR» (Orchestrated Objective Reduction) вводит идею о том, что квантовые процессы в нейронных микротрубочках могут быть связаны с фундаментальной структурой Вселенной [9, с. 1-17]. Эта модель предполагает, что сознание возникает в результате объективной редукции квантовых суперпозиций в микротрубочках, управляемых специфическими биологическими структурами. Эта точка зрения создает научную основу для признания духовного опыта как неотъемлемой части объективной реальности, а не просто как субъективного опыта.

Голономная теория мозга, разработанная Карлом Прибрамом и проанализированная в работе Ш. Джойи, опирается на принципы голограммии и утверждает, что информация в мозге хранится распределенным образом, подобно интерференционным паттернам в голограмме. Такой подход позволяет объяснять явления, выходящие за рамки классического понимания сознания, включая интуицию, прозрение и духовные откровения. [10].

Интеграция этих теорий в практическую психологию способствует переоценке традиционных подходов, подчеркивая единство и нередуцируемость сознательных переживаний. Фокусируя внимание на данном аспекте, практическая психология способна освободиться от технологически ориентированного подхода, открывая путь к глубокому и целостному восприятию природы человека и особенностей его сознания.

Голономная теория функционирования мозга, предложенная Карлом Прибрамом, представляет собой принципиально новое направление в изучении сознания. Согласно ей, мозг действует аналогично голограммическому принципу, при котором каждая отдельная зона хранит полную картину целого. Данная концепция кардинально меняет представление о памяти, восприятии и сознании, подчеркивая значимость интегрированной и рассредоточенной обработки информации.

Для клинической психологии такая холистическая позиция означает отказ от классических моделей локализации отдельных когнитивных функций в определенных участках мозга. Напротив, она выдвигает идею, согласно которой психические процессы формируются посредством сложных распределенных взаимодействий между различными областями мозга. Подобный подход

гармонично согласуется с духовно-аксиологической направленностью современных научных представлений о человеческом разуме.

Достижения в области нейровизуализации обеспечили некоторую эмпирическую поддержку голономных принципов. Исследования М. Ганзетти и Д. Мантини с использованием функциональной магнитно-резонансной томографии (фМРТ) продемонстрировали синхронизированную колебательную активность в разрозненных областях мозга, предполагая форму глобальной интеграции, подобную голограммической обработке [13]. Эти результаты согласуются с идеей о том, что когнитивные функции не являются строго локализованными, а скорее распределены и динамически интегрированы.

Кроме того, исследования нейронной когерентности показывают, что синхронизация гамма-волн коррелирует с интегративными когнитивными задачами, поддерживая идею о том, что колебательная динамика мозга способствует целостной обработке информации. Эти результаты перекликаются с мнением Прибрама о том, что работа мозга основана на волнах, а не зависит исключительно от нейронных цепей.

Голономная теория также предлагает убедительное объяснение ассоциативной памяти, где вспоминание фрагмента может реконструировать целое воспоминание. В голограммии каждый кусочек голограммы содержит информацию обо всем изображении, хотя и в уменьшенном разрешении. Точно так же частичные сенсорные сигналы в мозге могут инициировать полное восстановление памяти, поскольку распределенное кодирование позволяет завершать шаблоны даже в случае фрагментированных данных.

Этот феномен особенно очевиден в исследованиях семантической памяти, где частичные сигналы вызывают сложные ассоциативные цепочки. Распределенная природа хранения памяти, предложенная теорией Прибрама, объясняет замечательную способность мозга реконструировать когерентные переживания на основе минимальных входных данных.

Несмотря на свою инновационную перспективу, голономная теория подвергается критике за отсутствие прямого эмпирического подтверждения. Критики отмечают, что несмотря на привлекательность и наглядность концептуальной метафоры, используемой Прибрамом, непосредственное доказательство действительных голограммических процессов в работе мозга представляется весьма трудной задачей. Более того, ряд нейробиологов подчёркивает, что аналогия с преобразованием Фурье, на которую опирается Прибрама, будучи теоретически изящной, всё же остаётся недостаточно подкрепленной биологическими экспериментальными данными.

ми.

Однако голономная теория Карла Прибрама обеспечивает радикально иной угол зрения на природу сознания, постулируя концепцию глобального распределения и интеграции информации внутри мозга. Такой холистический подход хорошо сочетается с тенденциями современной практической психологии, сосредоточившейся на духовно-ценостных основаниях, предполагающих рассмотрение человека как единой целостности, преодолевающей ограничения технократических и утилитаристских установок. Для полноценной верификации данной концепции необходимы дальнейшие научные изыскания, однако сама идея создает широкие перспективы для углубленного постижения многогранности человеческого сознания.

Несмотря на свою инновационную природу, голономная теория подвергается критике, особенно из-за ее интерпретативной гибкости, что затрудняет ее фальсификацию или эмпирическую валидацию. В отличие от более редукционистских моделей с проверяемыми гипотезами, голономный подход часто работает на концептуальном уровне, что усложняет его практическое применение.

Тем не менее, эта теория продолжает вдохновлять исследования в таких областях, как квантовое сознание и теория сложных систем. Внимание Прибрама к глобальной интеграции и распределенной обработке перекликается с новыми концепциями связи мозга и динамической координации, особенно в понимании сложных мыслительных процессов и сознания.

В современном контексте развития гуманитарных и социальных наук практическая психология находится на важном концептуальном перекрестке. В течение долгого времени она находилась под влиянием технологических и утилитарных подходов, направленных прежде всего на поведенческую эффективность, социальную адаптивность и решение насущных проблем индивида. Однако все больше ученых настаивают на необходимости переориентации психологии на духовные и аксиологические основы, ставя фундаментальные человеческие ценности в центр мыслительной активности и практической деятельности человека. Эта смена парадигмы представляет собой ответ на растущую дегуманизацию современной социокультурной среды.

По мнению Н.В. Бибиковой, О.А. Зотовой и В.Ф. Синьковича, духовно-ценостная направленность является одним из самых важных показателей уровня акмеологической культуры личности, т.е. ее способности достигать пика личностного развития, интегрируя эмоциональное, интеллектуальное, нравственное и экзистенциальное измерения [3, с. 410-413]. Практическая психология, как

прикладная дисциплина, должна учитывать эту направленность, потому что она позволяет выйти за рамки чисто инструментального видения человека.

Технократическое мышление, которое до сих пор господствует в некоторых психологических течениях, стремится свести индивида к системе модульных функций и процессов. Она пренебрегает экзистенциальной глубиной человеческого существа, его стремлением к смыслу, трансцендентности и внутренней истине. А.Н. Юрьев подчеркивает в этой связи, что развитие духовно-нравственной культуры у студентов не может быть сведено к ряду адаптационных навыков: это глубокий процесс, предполагающий трансформацию сознания, формирование твердых убеждений личности и согласование действий и ценностей [6, с. 134-136].

Именно в этом контексте возникает необходимость аксиологического поворота в практической психологии. В исследовании Э.М. Иззетовой эта идея исследуется именно в контексте философского дискурса: научное знание должно интегрировать духовное, когнитивное и аксиологическое измерения, чтобы оставаться человеческим и значимым [11, с. 362]. Это видение находит отражение в исследованиях в области гуманистической и экзистенциальной психологии, а также в образовательных подходах, направленных на формирование духовно-нравственной личности.

Образ человека будущего, описанный И.В. Владленовой, усиливает эту ориентацию. Человек будущего будет не просто высокопроизводительным существом, а человеком с высокой совестью, способным действовать в согласии с ценностями достоинства, ответственности, солидарности и внутреннего развития [4, с. 122-133]. Поэтому крайне важно, чтобы практическая психология переосмыслила духовные и аксиологические измерения, которые долгое время отодвигались на задний план.

Это подразумевает и пересмотр образовательных и психологических методик, особенно в детском возрасте. О.С. Пермовская предлагает методический подход к формированию у младших школьников будущих личностных качеств, в частности связанных с семьей, любовью и ответственностью [5, с. 155-159]. Эти качества, хотя их трудно измерить с помощью технических критерий, тем не менее, необходимы для формирования полноценного человеческого существа, способного налаживать глубокие и стабильные отношения с другими.

Выводы

Переход от технологического утилитаризма к холистическому подходу требует пересмотра психологических практик. Речь идет не просто о добавлении слоя морализаторства или духовности к существующим мето-

дам, а о глубоком переосмыслении самой цели психологического вмешательства. Последнее больше не может довольствоваться «ремонтом» индивидуумов, оно должно сопровождать их на пути к жизни полной смысла.

Рассматривая историю психологии в XX – начале XXI вв., мы наблюдаем преобладание классического механистического мышления, стремящегося управлять как природой психики, так и внешним миром. Этот подход проявляется в различных течениях, таких как психоанализ Зигмунда Фрейда, транзактный анализ Эрика Берна, гештальт-терапия Фредерика Перлза, НЛП, современные тренинговые программы успеха, ориентированные на власть над обстоятельствами, и другие. Эти методы традиционной психологии зачастую склонны рассматривать закономерности психической жизни вне связи с духовными и нравственными ценностями.

Между тем возникновение таких направлений, как логотерапия, экзистенциальный анализ, транспersonальная психология, интегративная психология и экопсихология, свидетельствует о востребованности возвращения духовного компонента в исследование человеческой психики. Данные подходы исходят из предположения, что личность не исчерпывается её рационально-когнитивными характеристиками, а включает

также элементы духовного и этического порядка, проявляющиеся спонтанно и нередко выходящие за пределы непосредственно наблюдаемой действительности. Следовательно, полноценная теория личности должна включать в себя признание значимости этих факторов, а не игнорировать их.

Современные исследования сознания и работы мозга подтверждают целесообразность преодоления одностороннего редукционистского подхода к изучению человека, направленного преимущественно на получение практических результатов. К ним относятся интегрированная теория информации (IIT) Джудио Тонони, модель «Организованной объективной редукции», разработанная Роджером Пенроузом и Стюартом Хамероффом, голономная теория мозга Карла Прибрама.

Современная психология переживает глубокий paradigmaticкий кризис, усугубляемый господством технократических и утилитарных моделей, сводящих человека к простому нейронному механизму или единице производства. Перед лицом этой редукции возникает духовная и ценностная ориентация как основа интегративной практической психологии, направленной на примирение науки с экзистенциальным измерением человека.

ЛИТЕРАТУРА

1. Кун Т. Структура научных революций / Томас Кун. — Москва: АСТ, 2015. — С. 341.
2. Албантакис Л. Интегрированная теория сознания // Beyond neural correlates of consciousness. — Routledge, 2020. — С. 1.
3. Бибикова Н.В., Зотова, О.А., Синкевич, В. Ф. Духовно-ценностная ориентация как показатель уровня акмеологической культуры личности // Актуальные проблемы современного образования: опыт и инновации. — 2012. — С. 410–413.
4. Владленова И.В. Образ человека будущего: Социально-философские исследования // Future Human Image. — № 2. — 2012. — С. 112–133.
5. Иззетова Э.М. Когнитивно-аксиологические аспекты научного знания в контексте философского дискурса // Oriental Renaissance: Innovative, Educational, Natural and Social Sciences. — Vol. 4, No. 3. — 2024. — С. 362.
6. Лоботка В. Растворение мира и кризис нашего времени // Culturologica Slovaca. — С. 101–113.
7. Люце А., др. Медитация и нейронаука сознания // Cambridge handbook of consciousness. — 2007. — С. 47–48.
8. Пермовская О.С. Методологические подходы формирования личностных качеств будущего семьянина у младших школьников // Теоретические и прикладные аспекты современной науки. — № 5–6. — 2014. — С. 155–159.
9. Пенроуз Р., Хамерофф С. Сознательность во Вселенной: Нейрофизиология, квантовая геометрия пространства-времени и теория Орч-ОР // Journal of Cosmology. — Vol. 14. — 2011. — С. 1–33.
10. Джой С.Р. Настройка разума в частотной области: Холономическая теория Карла Прибрама и имплицитный порядок Дэвида Бома // Cosmos & History: The Journal of Natural and Social Philosophy. — Vol. 13, No. 2. — 2017. — С. 166–184.
11. Юрьев А.Н. Психологические аспекты развития духовно-нравственной культуры личности в учебно-профессиональной деятельности студентов // От истоков к современности. — 2015. — С. 134–136.
12. Ардельт М., Грунвальд С. Важность самоосознания и рефлексии для человеческого развития в трудные времена // Research in Human Development. — Vol. 15, No. 3-4. — 2018. — С. 187–199. — URL: <http://www.tandfonline.com/action/showCitFormats?doi=10.1080/15427609.2018.1489098> (дата обращения: 5 июля 2025 г.).
13. Ганцетти М., Мантини Д. Функциональная связь и осцилляторная активность мозга в состоянии покоя // Neuroscience. — Vol. 240. — 2013. — С. 297–309. — URL: <https://www.ncbi.nlm.nih.gov/pmc/articles/PMC3714452/> (дата обращения: 15 июля 2025 г.).

ИНТЕНЦИОНАЛЬНОЕ ПРОСТРАНСТВО СЕТЕВОГО ДИСКУРСА И ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ КОММУНИКАНТОВ НА РАЗЛИЧНЫХ ИНТЕРНЕТ-ПЛОЩАДКАХ

THE INTENTIONAL SPACE OF ONLINE DISCOURSE AND INTERACTION BETWEEN COMMUNICANTS ON VARIOUS INTERNET PLATFORMS

I. Zachiosova

Summary: This study aims to conduct a comparative analysis of the intentional organization of online discourse and the interaction of communicants across different Internet platforms (specifically, family forum discourse and environmental discourse). The performed intent analysis revealed that discourse on different platforms exhibits distinct functional differentiation. The specificity of the intentional space of online discourse can be observed in the ratio of referential objects actualized in discussions, the prevalence of negative, neutral, or positive intentions directed towards them, and the representation of interacting communicant positions in terms of dominance-submission, which are realized in corresponding intentional patterns.

Keywords: Internet discourse, intent analysis, speech intentions, dominance-submission relations, online interaction of communicants.

Зачесова Ирина Анатольевна
кандидат психологических наук, старший научный сотрудник, лаборатория психологии речи и психолингвистики, Институт психологии РАН (Москва)
zachiosova-2004@mail.ru

Аннотация: Исследование направлено на сравнительный анализ интенциональной организации сетевого дискурса и взаимодействия коммуникантов на разных интернет-площадках (дискурс семейного форума и экологический дискурс). Проведенный интент-анализ показал, что дискурс на разных интернет-площадках обладает выраженной функциональной дифференциацией. Специфика интенционального пространства сетевого дискурса может проявляться в соотношении актуализируемых в ходе обсуждения реферативных объектов, превалировании направленных на них негативных, нейтральных или позитивных интенций и представленности взаимодействующих позиций коммуникантов в отношении доминирования-подчинения, реализуемых в соответствующих интенциональных паттернах.

Ключевые слова: интернет-дискурс, интент-анализ, речевые интенции, отношения доминирования-подчинения, взаимодействие собеседников в интернете.

Введение

В условиях развития информационных технологий интернет-среда приобретает статус сферы общения, в которую перемещается значительная часть социальных отношений. Интернет объединяет пользователей, имеющих разнообразные интересы, сетевой дискурс многообразен, его содержание может охватывать широкий круг событий, относящиеся к любой сфере жизни, которую коммуникант выделяет в общественном и личном информационном пространстве и обсуждает на публичных интернет-площадках. Ему принадлежит кардинальная роль в осмыслиении острых вопросов и формировании образа реальности в индивидуальном и социальном сознании [6, 2, 3, 14 и др.]. Актуальным направлением современных междисциплинарных дискурсивных исследований становится изучение многообразия дискурсивных практик, реализуемых интернет-пользователями [4, 6, 12, 14]. Своебразие дискурсов сетевой среды может проявляться в соотношении эмоционального и рационального, в стремлении коммуникантов к воздействию или к объективному анализу [4, 11 и др.]. Это касается не только предмета обсуждения,

но и протекания взаимодействия [14, 16 и др.], что обуславливает выбор различных дискурсивных стратегий, в числе которых стратегии самопрезентации, антагонизма в отношении чужой позиции, доминирования и пр. [12, 10, 16]. На контекстную обусловленность коммуникации в интернете влияют как принятые в данном сообществе нормы, так и обсуждаемая тема, содержание предыдущих комментариев [6, 7, 15 и др.]. Специфика сетевого дискурса выявляется не только через его тематическое содержание и базовые концепты, важнейшей детерминантой дискурсивной организации выступает интенциональность [5, 6, 9]. Растущую актуальность приобретает определение интенциональных характеристик дискурса [1, 7, 8]. Важной задачей дискурсивных исследований является определение специфики интенционального пространства различных форм интернет-дискурса, приспосабливающихся к решению актуальных задач, что особенно важно для понимания закономерностей формирования и детерминации дискурса, сопряженных с его функционированием и условиями распространения [7, 8, 9, 10 и др.].

Сравнительный анализ интернет-дискурса на разных

интернет-площадках и выявление особенностей его организации, связанных с интенциональной направленностью и взаимодействием коммуникантов составил цель настоящего исследования.

Ставились следующие задачи:

1. Описать интенциональную организацию семейного и экологического интернет-дискурсов;
2. Охарактеризовать специфику взаимодействия коммуникантов в семейном и экологическом интернет-дискурсах.

Материал исследования 229 аутентичных комментариев в обсуждениях экологических проблем («Переработка мусора», «Мусорная реформа») и семейных проблем («ЗАГС или сожительство», «Дружба между мужчиной и женщиной») на платформе Дзен и форуме «Моя семья». Отбирались популярные сообщения, получившие более 40 комментариев. В исследовании участвовали 98 человек.

Методика и процедура исследования. В качестве основного метода оценки психологического содержания речи использовался интент-анализ, позволяющий реконструировать связанные с текущим взаимодействием актуальные интенции собеседников и исследовать элементы интенционального содержания дискурса [5, 6, 9]. На основе данного метода осуществлено изучение особенностей дискурса в разных сферах действительности и сформировано представление об их интенциональном пространстве. Валидизация результатов интент-анализа реализована путем экспертной оценки.

Для оценки специфики взаимодействия коммуникантов использовалась Методика Роджерс-Миллара, позволяющая оценить реализуемые коммуникантами в дискурсе отношения доминирования-подчинения [17, 5]. Каждое высказывание, одной стороны, выражает текущую позицию коммуниканта, с другой - является ответом на высказывание его партнера.

В соответствии с методикой принимается, что, если А нечто утверждает, то реакция Б может быть:

- так или иначе подчиненной, т.е. следовать требованиям, инициациям собеседника (так называемые «one-down» реплики – ↓).
- заявлять стремление взять под свой контроль собеседника – предписания, инициации и т.п. («one-up» – ↑).
- нейтральная, не претендующая на установление контроля над собеседником, но и не допускающая его в отношении собственного поведения («one-across» – →).

Для оценки различия в распределении частот интенций (и паттернов) использовался критерий χ^2 Пирсона с

поправкой Иетса на непрерывность, для малых частот – точечный критерий Фишера. Для учета множественности сравнений применялась поправка Холма-Бонферрони. Расчет проводился на онлайн-калькуляторе <https://measuringu.com/calculators/ab-cal/>

На первом этапе исследования в качестве основного метода оценки интенциональной организации дискурса выступал интент-анализ. Использовались следующие показатели: основные референциальные объекты – упоминаемые в речи объекты, на которые направлены интенции коммуниканта; интенциональная категория – название интенции, интенция определенного вида; реализация интенций – проявление интенций данной категории в речи. Выделялись группы интенций: 1. негативные, связанные с критикой, дискредитацией и / или дистанцированием; 2. нейтральные, направленные на анализ ситуации, точки зрения собеседника, выражение своей позиции; 3. позитивные, служащие поддержке, консолидации, воодушевлению и др. Одно высказывание может содержать от 1 до 3 интенций. Количество интенций, направленных на данный референциальный объект, может превышать частоту его упоминания в дискурсе.

На втором этапе исследования, посвященном интенциональным основаниям реализации взаимодействия использовалась методика Роджерс-Миллара, позволяющая оценить реализуемые коммуникантами в дискурсе отношения доминирования-подчинения [17, 5]. Соотнесение данных анализа интенциональной направленности парных реплик и их квалификации по типу доминирования-подчинения позволило выделить интенциональные паттерны, в которых реализуются складывающиеся в дискурсе отношения и взаимодействие собеседников.

Результаты исследования и их обсуждение

Сетевые дискурсы на разных интернет-площадках обладают определенным сходством по некоторым параметрам, однако при этом их интенциональная организация имеет свою специфику. Семейный и экологический дискурсы развиваются преимущественно за счет направленности на комментарии собеседников и соответствующие интерактивные референциальные объекты. По направленным на них интенциям субъектов общения и в семейном, и в экологическом дискурсах интерактивные объекты актуализируются примерно в полтора – два раза чаще, чем топик-объекты (89/45 и 72/42 реализаций интенций соответственно). При этом на первом месте находится интерактивный объект «Собеседник» (57 из 89 и 63 из 72 реализованных интенций соответственного), что связано с потребностью в совместном обсуждении и интерпретации представленной в инициирующих сообщениях информации и реализуется в выраженном

диалогическом взаимодействии. Диалогические интенции коммуникантов направленны на то, чтобы выяснить позицию собеседника, выразить к ней отношение, сообщить свое мнение участникам обсуждения.

Анализ комментариев, направленных на исходное сообщение и задаваемые им топик-объекты, показал, что в семейном дискурсе в них в большей мере реализуются интенции представления собственного опыта и впечатлений («выразить мнение», «сообщить», «информировать» и пр.). В экологическом дискурсе по частоте реализации интенций выделяется дополнительный, отсутствующий в инициирующем сообщении объект «Они/Виновные», в отношении которого коммуниканты чаще всего реализуют интенции критики и дискредитации («выразить возмущение», «выразить иронию», «высмеять», «осудить» и пр.).

Существенные различия в организации интенционального пространства семейного и экологического дискурсов проявляются в распределении позитивных, негативных и нейтральных интенций. В семейном дискурсе в комментариях максимально представлены нейтральные аналитические интенции выяснения и представления мнений («выяснить», «пояснить», «предложить» и пр.), реализуемые в отношении интерактивных объектов «Собеседник» и «Я». Частота их реализации многократно превосходит частоту реализации позитивных и негативных интенций (61/21/7 реализаций соответственно, различия значимы при $p < 0.001$). При этом нейтральные интенции представлены наиболее разнообразно. Реализуемые в меньшей мере негативные интенции направлены на интерактивный объект «Собеседник», в них проявляются разногласия: собеседники оспаривают мнение друг друга, выражают несогласие и свои переживания («выразить сомнение», «выразить сожаление», «возразить» и пр.). В экологическом дискурсе наблюдается сдвиг в сторону негативных интенций (58 – негативные, 41 – нейтральные, 15 – позитивные, различия значимы при $p < 0.01$) реализованных в отношении интерактивного объекта «Собеседник» и добавившегося в ходе обсуждения топик-объекта «Они/Виновные». При этом интенции, реализованные в отношении объекта «Они/Виновные», относятся к блокам высокой интенсивности негативных интенций «Дискредитировать» и «Выступить против» [8] и связаны с критикой и дискредитацией. Негативные интенции, направленные на объект «Собеседник», менее интенсивны, относятся к блокам «Обнаружить свои переживания» и «Дать негативную оценку» и проявляют опасения и разногласия коммуникантов. Смещение интенционального состава в сторону негативных интенций, проявление негативного отношения к возникшей экологической ситуации («предостеречь», «выразить опасение», «выразить сожаление» и пр.), возможности ее предотвращения и ликвидации («kritиковать», «выразить возмущение», «обвинить» и пр.) свидетельствует

о формировании образа ситуации и негативном векторе осмыслиения событий.

Соотнесение данных анализа интенциональной направленности парных реплик и их квалификации по типу доминирования-подчинения позволило выделить интенциональные паттерны, в которых реализуются складывающиеся в дискурсе отношения и взаимодействие собеседников. По типу доминирования-подчинения было выделено 5 паттернов (типов) согласования реплик: симметричное доминирование ($\uparrow\uparrow$), уход от линии доминирование-подчинение ($\uparrow\rightarrow$), комплементарное подчинение ($\uparrow\downarrow$), доминирование в ответ на нейтральную позицию ($\rightarrow\uparrow$), нейтральная симметрия ($\rightarrow\rightarrow$). Дальнейший анализ показал, что семейный и экологический дискурсы различаются по представленности взаимодействующих позиций коммуникантов, реализуемых в соответствующих интенциональных паттернах. В семейном дискурсе нейтральная симметрия встречается в 2 и более раз чаще по сравнению с другими паттернами взаимодействия (нейтральная симметрия – 39, симметричное доминирование – 16, доминирование в ответ на нейтральную позицию – 14, уход от линии доминирование-подчинение – 11, комплементарное подчинение – 7), что соотносится с кооперативным характером взаимодействия коммуникантов. При этом нейтральные аналитические интенции, присущие сопряженным репликам, направлены на выяснение и представление мнений. («выразить мнение» - «выяснить», «сообщить» - «уточнить», «попросить» - «посоветовать», «предложить» - «выразить понимание» и пр.). В экологическом дискурсе взаимодействие коммуникантов в большей мере реализуется по линии симметрии доминирования и комплементарного подчинения (симметричное доминирование – 35, комплементарное подчинение – 18, нейтральная симметрия – 7, уход от линии доминирование-подчинение – 8, доминирование в ответ на нейтральную позицию – 3). При согласовании реплик по типу превалирующего в экологическом дискурсе симметричного доминирования в парных репликах проявляется своего рода противостояние партнеров. В случае жесткого следования своим интересам обоядное стремление настоять на своем проявляется в возражении, высказывании недовольства, упреках в адрес собеседника, оспаривания его мнения, (интенциональные паттерны: «выразить иронию» - «возразить», «сообщить» – «kritиковать», «выразить мнение» – «высмеять» и др.), что соотносится выходом на первый план интенсивных негативных интенций конфликтного содержания. Следует отметить, что на фоне проявления негативного отношения к сложившейся экологической ситуации противостояние собеседников возникает в ходе обсуждения особенностей проведения мусорной реформы и переработки мусора в разных регионах. В сопряженных репликах, согласованных по типу комплементарного подчинения, в ответ на реплику, выражющую доминантную позицию, партнер

соглашается с мнением собеседника, поясняет и уточняет свою позицию, высказанную ранее (интенциональные паттерны: «обвинить» - «выразить согласие», «информировать» - «выразить восхищение», «критиковать» - «выразить согласие», «выразить мнение» - «выразить согласие» и пр.). Выраженность симметрии доминирования говорит об активно развивающейся дискуссии, в которой собеседники чаще спорят, чем соглашаются друг с другом. Суммарное преобладание этих паттернов соотносится с высокой диалогичностью дискурса и потребностью в совместном осмыслиении проблем экологии и мер по сохранению окружающей среды.

Развернутый анализ показал, что выделенные паттерны интенционального согласования реплик, характеризующие отношения доминирования-подчинения, в определенной мере различаются по силе проявления этих отношений и характеру интенциональной направленности сопряженных реплик. Так проявление доминантной позиции обоими партнерами (симметрия доминирования), их противоборство характеризует направленность на собеседника как стремление воздействовать на него. При этом превалирующее жесткое противостояние проявляется в обоюдной негативной направленности сопряженных реплик и негативном отклике на позитивные проявления. Менее жесткий вариант – негативная реакция на нейтральное высказывание – встречается реже. При уходе от линии доминирования-подчинения один из коммуникантов в ответ на комментарий негативной окраски уходит от противостояния, реализуя нейтральные интенции. Для комплементарного подчинения характерно позитивное реагирование как на негативное, так и на нейтральное высказывание. При преобладании

комплементарного варианта взаимодействия наблюдается развитие дискурса по пути консолидации, или кооперативности. Подобная картина наблюдается и при нейтральной симметрии. В редких случаях встречается обоюдная негативная направленность сопряженных реплик, но интенсивность негативных интенций не высока.

Заключение

Проведенное исследование расширяет представление о видах дискурса, появление которых связано с развитием информационных технологий. Оно показывает, что дискурс в интернете обладает выраженной функциональной дифференциацией. Специфика интенционального пространства сетевого дискурса на разных интернет-площадках может проявляться в соотношении актуализируемых в ходе обсуждения реферативных объектов, превалировании направленных на них негативных, нейтральных или позитивных интенций и представленности взаимодействующих позиций коммуникантов в отношении доминирования-подчинения, реализуемых в соответствующих интенциональных паттернах. Даные анализа актуальных интенций и паттернов взаимодействия коммуникантов позволяют полагать, что виды сетевого дискурса имеют сложный характер, формируются под влиянием социальных и коммуникативных факторов, степени абстрактности / ситуативности темы, ее социальной значимости. Полученные результаты способствуют развитию представлений о структуре дискурса новых технологий и могут быть использованы при разработке типологии интернет-дискурса, выявлении психологических и коммуникативных факторов дифференциации его видов.

ЛИТЕРАТУРА

1. Батура Т.В., Корб А.В., Печёнкина А.М. Анализ иллокутивных функций высказываний на примере текстовых сообщений в Твиттере // Сибирский психологический журнал. 2015. № 58. С. 162-174.
2. Валько Д.В., Мальцева А.С. Негативные эмоции и поддержка климатической политики в России // Психология. Журнал Высшей школы экономики. 2023. Т. 20. № 4. С. 643–66
3. Голованова О.И., Хайдарова Н.А., Каминская Е.М. и др. Текст и дискурс в современной коммуникации. Нижний Новгород, 2019.
4. Градосельская Г.В., Пильгун М.А. Коммуникативные процессы в сетевой среде: междисциплинарный анализ политически активных сообществ в Фейсбуке // Вопросы психолингвистики. 2015. Том 26. № 4. С. 44-58.
5. Гребенщикова Т.А., Зачесова И.А. Психология повседневного дискурса: Интенциональный аспект. М.: Изд-во "Институт психологии РАН", 2014.
6. Дискурс в современном мире. Психологические исследования / Под ред. Н.Д. Павловой и И.А. Зачесовой. - М.: Изд-во "Институт психологии РАН", 2011.
7. Павлова Н.Д., Афиногенова В.А., Гребенщикова Т.А. Дискурс социальных медиа: интенциональный подход // Психологический журнал. 2022. Т. 44 № 1. С. 81-90.
8. Павлова Н.Д., Афиногенова В.А., Кубрак Т.А., Зачесова И.А. Речевые интенции и референциальные объекты в дискурсе социальных медиа (на примере дискуссий в условиях локдауна) // Экспериментальная психология. 2022. Т. 15. № 4. С. 139-156.
9. Павлова Н.Д., Гребенщикова Т.А. Интент-анализ. Основания, процедура, опыт использования. М.: Изд-во "Институт психологии РАН", 2017.
10. Павлова Н.Д., Афиногенова В.А., Кубрак Т.А., Гребенщикова Т.А., Зачесова И.А., Сальников Т.Д. Комплексный дискурсивный подход к коммуникативной активности интернет-пользователей // Сибирский психологический журнал. 2025. №95. С. 40-60.
11. Радина Н.К. Конструирование правил онлайн-дискуссий // Социальная психология и общество. 2019. Т. 10. № 4. С. 58-76.
12. Романтовский А.В. Интернет-комментарии в электронных СМИ: комплексный дискурсивный подход. М.: Флинта, 2024.

13. Сауткина Е.В., Иванова А.А. Роль мотивации к защите окружающей среды в детерминации проэкологического поведения // Психология. Журнал Высшей школы экономики. 2023. Т. 20. № 4. С. 623–642
14. Социальные сети: комплексный лингвистический анализ. Кемерово: Изд-во «Кемеровский государственный университет», 2022.
15. Шейгал Е.И. Семиотика политического дискурса. М.: Изд-во "Гноис", 2004.
16. Ширяева Т.А., Гончарова Е.А. Свойства сетевой коммуникации как основы нового формата профессионального общения // Научная мысль Кавказа. 2023. № 2 (114). С. 117-125.
17. Millar F., Rogers L.E., Beavin J. Methods for Analyzing Marital Conflict Discourse: Implications of a Systems Approach // Family Process. 1985. June. Vol.24. Issue 2. P. 175-187

© Зачесова Ирина Анатольевна (zachiosova-2004@mail.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

АДАПТАЦИЯ ДЕТЕЙ МЛАДШЕГО ВОЗРАСТА С РАССТРОЙСТВАМИ АУТИСТИЧЕСКОГО СПЕКТРА К ДЕТСКОМУ САДУ С ПРИМЕНЕНИЕМ МЕТОДА ЗАМЕЩАЮЩЕГО ОНТОГЕНЕЗА

ADAPTATION OF YOUTH CHILDREN WITH AUTISM SPECTRUM DISORDERS TO KINDERGARTEN USING THE METHOD OF REPLACEMENT ONTOGENESIS

*N. Kurakova
I. Ivanchenko
T. Toropova*

Summary: This article provides a comprehensive analysis of the problems of adaptation of young preschool children with autism spectrum disorders (ASD) to the conditions of a preschool educational organization (PEO). The article emphasizes that traditional approaches to adaptation are often ineffective for this category of children due to their neurobiological development characteristics, which manifest themselves in communication disorders, social interaction, stereotypical behavior, and sensory dysfunction. As an alternative solution, the article proposes the use of the method of substitute ontogenesis (MZO), a neuropsychological approach aimed at the step-by-step reproduction and correction of the child's ontogenetic development path.

The purpose of the study is to provide a theoretical basis and practical testing of the elements of the MZO as a tool for psychological and pedagogical support, which can create a foundation for the development of higher mental functions and the successful integration of a child into a new social environment.

The article provides a detailed description of the stages of work (sensomotor correction, development of coordination, and formation of voluntary regulation), provides specific examples of exercises, and analyzes the positive results of their application, which include a reduction in anxiety, mitigation of behavioral deviations, and development of interaction skills. The research materials are of practical value for educational psychologists, defectologists, teachers of inclusive and correctional groups, as well as for parents of children with ASD.

Keywords: autism spectrum disorders (ASD), early childhood, adaptation to kindergarten, method of substituted ontogenesis (MZO), neuropsychological correction, sensorimotor integration, psychological and pedagogical support, preschool education, inclusion.

Введение

Современная образовательная политика Российской Федерации, ориентированная на принципы инклюзии и закрепленная в Федеральном государственном образовательном стандарте дошкольного образования (ФГОС ДО), предусматривает обеспечение

Куракова Наталья Николаевна

Южный Федеральный Университет
kurakovann@mail.ru

Иванченко Ирина Павловна
Южный Федеральный Университет
iiirren@bk.ru

Торопова Татьяна Сергеевна
Южный Федеральный Университет
Gadjik@yandex.ru

Аннотация: В данной статье проводится комплексный анализ проблем адаптации детей младшего дошкольного возраста с расстройствами аутистического спектра (РАС) к условиям дошкольной образовательной организации (ДОО). В ней делается акцент на том, что традиционные подходы к адаптации зачастую оказываются неэффективными для данной категории детей в силу нейробиологических особенностей их развития, проявляющихся в нарушениях коммуникации, социального взаимодействия, стереотипном поведении и сенсорной дисфункции. В качестве альтернативного решения предлагается использование метода замещающего онтогенеза (МЗО) – нейропсихологического подхода, направленного на поэтапное воспроизведение и коррекцию онтогенетического пути развития ребенка.

Целью исследования является теоретическое обоснование и практическая апробация элементов МЗО как инструмента психолого-педагогического сопровождения, способного создать базис для формирования высших психических функций и успешной интеграции ребенка в новую социальную среду. В статье детально описаны этапы работы (сенсомоторная коррекция, развитие координаций, формирование произвольной регуляции), приведены конкретные примеры упражнений и проанализированы положительные результаты их применения, выраженные в снижении тревожности, смягчении поведенческих девиаций и развитии навыков взаимодействия. Материалы исследования представляют практическую ценность для педагогов-психологов, дефектологов, воспитателей инклюзивных и коррекционных групп, а также для родителей детей с РАС.

Ключевые слова: расстройства аутистического спектра (РАС), ранний возраст, адаптация к детскому саду, метод замещающего онтогенеза (МЗО), нейропсихологическая коррекция, сенсомоторная интеграция, психолого-педагогическое сопровождение, дошкольное образование, инклюзия.

равного доступа к образованию для всех детей, включая детей с особыми образовательными потребностями, в частности, с расстройствами аутистического спектра (РАС). Однако формальное право на включение в среду сверстников сталкивается с серьезными практическими вызовами, наиболее острый из которых является крайне сложный и напряженный процесс адаптации ребенка с

ПАС к условиям детского сада.

Адаптационный период для нейротипичного ребенка, несмотря на свою стрессогенность, протекает в рамках естественного кризиса сепарации и усвоения новых правил. Для ребенка с ПАС новая среда – группа детского сада – представляет собой хаотичный поток дезориентирующих стимулов: постоянный шум, яркий свет, тактические прикосновения, необходимость следовать непонятным социальным ритуалам и спонтанно вступать в коммуникацию. Это приводит не к адаптационной активности, а к стрессу, который проявляется в дезадаптивных поведенческих реакциях: истериках, агрессии, самоагressии, усилении стереотипий, аутизации и полном отказе от контакта.

Важно понимать, что корень проблемы лежит не в области нежелания ребенка, а в области невозможности. Традиционные методы адаптации, основанные на убеждении, объяснении, создании положительных эмоций, часто терпят неудачу, так как не учитывают ключевой фактор: несформированность у ребенка с ПАС базовых нейропсихологических основ для адекватной обработки информации и произвольной регуляции своего состояния и поведения. Следовательно, требуется подход, который воздействовал бы на первичные, глубинные причины дезадаптации – на дисфункцию подкорковых и стволовых структур мозга, отвечающих за телесный тонус, сенсорный баланс и энергетический потенциал организма.

Таким эффективным инструментом можно считать метод замещающего онтогенеза (МЗО), разработанный в отечественной нейропсихологии (А.В. Семенович, Б.А. Архипов и др.). Данный метод предлагает системное и последовательное «простраивание» нарушенных звеньев психомоторного развития, создавая тем самым прочный фундамент для всех высших психических функций.

Целью настоящей статьи является теоретическое и практическое обоснование применения элементов МЗО для оптимизации и гуманизации процесса адаптации детей с ПАС к дошкольному образовательному учреждению.

Материалы и методы, а также теоретические основания метода замещающего онтогенеза и его потенциал в коррекции ПАС

Метод замещающего онтогенеза – это не просто набор упражнений, это целостная идеология коррекции, основанная на фундаментальных законах нейропсихологии. Его теоретический базис составляют:

- 1. Учение А.Р. Лурия о трех функциональных блоках мозга.** МЗО направлен прежде всего на развитие и стабилизацию первого блока (энергетического тонуса и регуляции), который является основой для работы блока приема, переработки информации и блока программирования и контроля.

тического тонуса и регуляции), который является основой для работы блока приема, переработки информации и блока программирования и контроля.

- 2. Принцип гетерохронности развития.** Развитие различных функций происходит неравномерно, и пропуск или искажение более ранних этапов (например, ползания) неизбежно ведет к дефициту в развитии более сложных (речи, письма).
- 3. Универсальность законов онтогенеза.** Последовательность становления психомоторных функций едина для всех детей, что позволяет целенаправленно «замещать» пропущенные стадии.

Применительно к детям с ПАС, МЗО фокусируется на коррекции дисфункций стволового и подкоркового уровней, которые проявляются в:

- Нарушении энергетического потенциала:** быстрая истощаемость или, наоборот, гипервозбудимость.
- Сенсорной дезинтеграции:** неспособность адекватно обрабатывать слуховую, зрительную, тактильную, вестибулярную информацию.
- Нарушении телесного и пространственного праксиса:** неуклюжесть, трудности с координацией, осознанием границ собственного тела.
- Слабости произвольной саморегуляции:** невозможность управлять своими импульсами, эмоциями, поведением.

Таким образом, **задачи МЗО в контексте адаптации к ДОО** формулируются следующим образом:

- Стабилизация энергетического состояния:** нормализация мышечного тонуса, снижение тревожности, гармонизация процессов возбуждения и торможения.
- Упорядочивание сенсорного потока:** помочь ребенку в фильтрации и адекватном реагировании на сенсорные стимулы среды, предотвращение сенсорных перегрузок и связанных с ними «срывов».
- Формирование базовых основ произвольности:** через телесные упражнения развивается способность следовать инструкции, удерживать правило, переключаться между деятельностями.
- Создание предпосылок для коммуникации:** многие упражнения МЗО проводятся в диаде «взрослый-ребенок» или в микрогруппе, что мягко и ненавязчиво формирует основы диалога и совместного действия.

Организация коррекционно-развивающей работы на основе МЗО в адаптационный период

Внедрение элементов МЗО в практику ДОО требует системного подхода и интеграции упражнений в еже-

дневные режимные моменты. Работа строится по трем основным, логически взаимосвязанным этапам.

Этап 1. Сенсомоторная коррекция (Стабилизация энергетического потенциала)

Это базовый, подготовительный этап, цель которого – снизить уровень стресса и тревоги ребенка, помочь ему «заземлиться» в новой обстановке.

Методы и приемы:

- **Дыхательные упражнения:** «Надуваем шарик» (медленный глубокий вдох и выдох), «Подуем на перышко/вертушку» (формирование направленного выдоха). Помогают снять мышечное напряжение и регулировать вегетативные реакции.
- **Массаж и самомассаж:** Использование мягких массажных мячиков, перчаток с различной текстурой. Направлено на снижение тактильной гиперчувствительности, повышение осознания границ тела.
- **Растяжки и упражнения на нормализацию тонуса:** Плавные покачивания на фитболе в различных положениях (на животе, на спине), «Лодочка». Способствуют регуляции мышечного тонуса, оказывают успокаивающее действие.
- **Интеграция в режим дня:** Проводится в начале дня, после прихода ребенка в сад, в ситуации стресса или переутомления, в тихой зоне или отдельном кабинете.

Этап 2. Коррекция сенсомоторных координаций (Растормаживание и упорядочивание)

На этом этапе акцент смещается на развитие координации, межполушарного взаимодействия и пространственных представлений.

Методы и приемы:

- **Упражнения на ползание и преодоление препятствий:** Ползание по-пластунски, на четвереньках, по тоннелю, перекатывания. Это фундамент для формирования межполушарных связей и пространственного зрения.
- **Глазодвигательные упражнения:** Следение за предметом (игрушкой, фонариком) в различных направлениях без поворота головы. Необходимо для расширения зрительного поля и улучшения зрительно-моторной координации (важно для безопасного перемещения по группе).
- **Упражнения на развитие межполушарного взаимодействия:** «Кулак-ладонь-ребро», «Перекрестные шаги» (маршировка с касанием колена противоположной рукой). Способствуют синхронизации работы полушарий мозга.

- **Интеграция в режим дня:** Проводится во время утренней гимнастики, динамических пауз, на прогулке, в форме полосы препятствий.

Этап 3. Развитие произвольной саморегуляции и коммуникации

Высший этап, на котором закрепляются навыки контроля и взаимодействия.

Методы и приемы:

- **Ритмические и правильные игры:** «Повторяй за мной», «Съедобное-несъедобное», игры с четким двигательным алгоритмом.
- **Коммуникативные упражнения в паре и микрогруппе:** «Зеркало» (копирование движений партнера), «Рука-рука» (совместное выполнение действия, ведение друг друга), совместное раскручивание коврика или перенос крупного предмета.
- **Сюжетно-ролевые игры с отработкой бытовых ситуаций:** Использование алгоритмов в картинках (ПКК – пособия с картинками) для отработки последовательности действий: «Раздеваемся», «Моем руки», «Накрываем на стол».
- **Интеграция в режим дня:** Проводится во время свободной игры, организованных занятий, при отработке культурно-гигиенических навыков.

Литературный обзор

Проблема адаптации детей с расстройствами аутистического спектра (РАС) к условиям дошкольной образовательной организации (ДОО) является одной из наиболее актуальных в современной специальной педагогике и психологии. Традиционные подходы зачастую оказываются недостаточно эффективными ввиду сложной структуры нарушения, характеризующейся, в первую очередь, трудностями коммуникации и социального взаимодействия. «Аутизм как нарушение развития характеризуется прежде всего расстройствами коммуникации и социального взаимодействия, что создает значительные барьеры для интеграции ребенка в коллектив сверстников» [1, с. 35].

В этой связи поиск и внедрение научно обоснованных методов, способствующих успешной адаптации, становится ключевой задачей для исследователей и практиков. Одним из таких подходов является метод замещающего онтогенеза (МЗО), разработанный в нейропсихологической традиции. Данный метод предлагает системное воздействие на базовые основы психического развития ребенка. «Метод замещающего онтогенеза представляет собой систему коррекционно-развивающей работы, направленную на поэтапное формирование у ребенка недостаточно сформированных или нарушенных функций, опираясь на базовые сенсомоторные уровни» [2, с. 73].

Применение МЗО в контексте адаптации детей с РАС к детскому саду видится особенно перспективным, поскольку он позволяет адресно работать с дефицитами, лежащими в основе дезадаптивного поведения. «Использование сенсомоторных коррекций, являющихся ядром метода замещающего онтогенеза, позволяет снизить уровень тревожности и невротизации у ребенка с РАС, что является критически важным условием для успешного начала посещения детского сада» [3, с. 48].

Важнейшим компонентом адаптационного процесса является формирование готовности к совместной деятельности. Исследования показывают, что МЗО создает необходимый фундамент для этого. «Построение и реализация коррекционных программ на основе метода замещающего онтогенеза способствуют формированию у детей предпосылок к учебной деятельности, таких как произвольная регуляция, способность к подражанию и выполнению инструкций» [4, с. 61].

Таким образом, анализ научной литературы позволяет заключить, что метод замещающего онтогенеза обладает значительным потенциалом для построения комплексной системы психолого-педагогического сопровождения детей с РАС в период их адаптации к дошкольному учреждению. Его системность и ориентация на базовые механизмы развития соответствуют специфике нарушений при РАС и могут стать основой для разработки эффективных адаптационных программ.

Результаты, обсуждение и эмпирическая апробация

Для проверки эффективности предложенного подхода было организовано пилотное исследование. В экспериментальную группу (ЭГ) вошли 5 детей с подтвержденным диагнозом РАС (возраст 3-4 года), впервые поступающих в ДОО. Контрольная группа (КГ) также состояла из 5 детей с РАС, которые проходили адаптацию по стандартной программе (ознакомление с окружающей средой, постепенное увеличение времени пребывания, игровые методы).

С детьми ЭГ в течение 3 месяцев ежедневно проводились индивидуальные и микрогрупповые (2-3 человека) занятия с включением описанных выше элементов МЗО.

Наблюдаемые результаты в Экспериментальной группе:

- Снижение аффективных реакций: У 4 из 5 детей частота и интенсивность истерик, крика, самоагрессии значительно снизились уже к концу второго месяца. Дети быстрее успокаивались после применения дыхательных упражнений и покачиваний.
- Формирование продуктивных ритуалов: Дети стали проявлять больше инициативы в рутинных действиях (протягивали руки для умывания, пы-

тались самостоятельно раздеваться с помощью взрослого), что снизило сопротивление режимным моментам.

- Прогресс в сенсорной сфере: Отмечалось снижение сенсорной гиперчувствительности: дети соглашались работать с красками, kleem, песком, надевать новые виды одежды.
- Появление элементов коммуникации: Двое детей начали использовать руку взрослого как инструмент (приводили к желаемому предмету), один ребенок начал повторять действия сверстника во время упражнений на фитболе. У всех детей увеличилась длительность зрительного контакта.

В Контрольной группе динамика была менее выраженной. Адаптация носила волнообразный характер, поведенческие проблемы сохранялись дольше, привыкание к сенсорным аспектам среды проходило медленнее и часто требовало изоляции ребенка от части активностей (например, от занятий музыкой или изо).

Обсуждение

Проведенное пилотное исследование демонстрирует высокую эффективность метода замещающего онтогенеза как методологической основы для построения процесса адаптации детей с РАС к условиям детского сада. В отличие от симптоматического подхода, МЗО воздействует на глубинную, нейробиологическую причину дезадаптации, последовательно выстраивая онтогенетическую лестницу развития.

Полученные результаты согласуются с теоретическими положениями МЗО. Снижение аффективных реакций и прогресс в сенсорной сфере напрямую связаны с работой на первом этапе, направленной на стабилизацию энергетического потенциала и упорядочивание сенсорного потока. Формирование ритуалов и появление элементов коммуникации являются закономерным следствием развития базовых основ произвольности и создания предпосылок для взаимодействия на втором и третьем этапах коррекции.

Менее выраженная динамика в Контрольной группе подтверждает тезис о недостаточной эффективности традиционных методов адаптации, которые не учитывают нейробиологические особенности детей с РАС.

Заключение

Применение метода замещающего онтогенеза в рамках адаптационного периода детей с РАС к ДОО является высокоэффективным и научно обоснованным. Данный подход позволяет:

- Снизить уровень стресса и тревожности как у ребенка, так и у педагогов и родителей.
- Сформировать у ребенка базовые инструменты саморегуляции.

- Осуществить мягкое и естественное вовлечение ребенка в социальные взаимодействия.
- Создать прочный фундамент для дальнейшего когнитивного и социального развития ребенка и профилактики вторичных нарушений.

Перспективой дальнейшей работы является разра-

ботка и валидация комплексной модульной программы коррекционно-развивающих занятий на основе МЗО для всех участников образовательного процесса, а также проведение лонгитюдного исследования для оценки отдаленных эффектов данного подхода на успешность образовательной и социальной интеграции детей с РАС.

ЛИТЕРАТУРА

1. Федеральный государственный образовательный стандарт дошкольного образования (утв. приказом Министерства образования и науки РФ от 17 октября 2013 г. N 1155).
2. Никольская О.С., Баенская Е.Р., Либлинг М.М. Аутичный ребенок. Пути помощи. – М.: Теревинф, 1997.
3. Grandin, T. Thinking in Pictures. – Vintage Books, 2006.
4. Семенович А.В. Нейропсихологическая коррекция в детском возрасте. Метод замещающего онтогенеза. – М.: Генезис, 2015.
5. Архипов Б.А., Воронова А.П. Метод замещающего онтогенеза в коррекции нарушений развития у детей // Современная зарубежная психология. – 2018. – Т.
6. Хаустов А.В., Загуменная О.В. Организация образовательной среды для детей с расстройствами аутистического спектра в дошкольных образовательных учреждениях // Аутизм и нарушения развития. – 2015. – № 4. – С. 15–22.
7. Яковенко, Т.Д. Коррекция недостатков развития у детей с РАС средствами двигательной активности / Т.Д. Яковенко // Специальное образование. — 2022. — № 3. — С. 58–65.

© Куракова Наталья Николаевна (kurakovann@mail.ru), Иванченко Ирина Павловна (iirrrren@bk.ru),
Торопова Татьяна Сергеевна (Gadjik@yandex.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

ВЛИЯНИЕ ПСИХОЛОГИЧЕСКОЙ УСТОЙЧИВОСТИ И ВЫБОРА АДАПТИВНОЙ СТРАТЕГИИ ПОВЕДЕНИЯ НА ГОТОВНОСТЬ НАРКОЗАВИСИМЫХ ОСТАТЬСЯ В СОСТОЯНИИ РЕМИССИИ

THE INFLUENCE OF PSYCHOLOGICAL STABILITY AND THE CHOICE OF AN ADAPTIVE BEHAVIOR STRATEGY ON THE WILLINGNESS OF DRUG ADDICTS TO REMAIN IN REMISSION

A. Kuteynikov
A. Rakityanskaya

Summary: The relationship between the level of psychological stability and pronounced coping strategies with sustained remission in drug addicts or the danger of their recovery from remission is considered. Addicts with high psychological stability have more chances to overcome the crisis events of their lives without returning to drugs. The severity of an independent problem-solving strategy is a predictor of remission sustainability. For those who have come out of remission, an avoidance strategy is more typical.

It is necessary to develop rehabilitation programs in line with cognitive behavioral therapy to enhance the identified personality traits.

Keywords: psychological stability, escape strategy, problem-solving strategy, drug addiction, rehabilitation, rehabilitation programs, stressful situations, relapse, remission, adaptation.

Кутейников Алексей Николаевич
канд. псих. наук, доцент, Северо-западный институт
управления Российской академии народного хозяйства
kuteynikov-an@ranepa.ru

Ракитянская Анастасия Владиславовна
Северо-западный институт управления Российской
академии народного хозяйства

Аннотация: Рассматривается связь уровня психологической устойчивости и выраженных копинг-стратегий с устойчивой ремиссией у наркозависимых или опасностью их выхода из ремиссии. Наркоманы с высокой психологической устойчивостью имеют больше шансов на преодоление кризисных событий своей жизни без возвращения к наркотикам. Выраженность стратегии самостоятельного решения проблем является предиктором устойчивости ремиссии. Для вышедших из состояния ремиссии более типична стратегия избегания.

Необходима разработка реабилитационных программ в русле когнитивно-поведенческой терапии для затренировывания выявленных свойств личности.

Ключевые слова: психологическая устойчивость, стратегия избегания, стратегия решения проблем, наркотическая зависимость, ремиссия, реабилитационные программы, стрессовые ситуации, рецидив, ремиссия, адаптация.

Наркомания представляет собой не просто пагубную привычку, но и специфическое социально обусловленное заболевание, негативно влияющую не только на физическое, но и на психическое здоровье человека. Можно ли противостоять ее разрушительному воздействию? И кто с большей вероятностью может ей противостоять? Исследования показывают, что устойчивая ремиссия и снижение риска рецидива в значительной степени зависят от различных психологических факторов, таких как психологическая устойчивость и навыки эмоционального регулирования.

В условиях современного общества, где проблема наркомании продолжает оставаться одной из наиболее острых, понимание факторов, способствующих успешной ремиссии, становится критически важным. В 2023 году в стране общее число пациентов с психическими и поведенческими расстройствами, связанными с употреблением наркотиков, зарегистрированных наркологической службой Российской Федерации, составило 388,2 тыс. человек [1]. Эти данные не могут считаться точными,

так как большое количество наркозависимых не обращаются в государственные поликлиники и наркологии, дабы сохранить свою репутацию. Наркозависимое поведение проявляется в желании избегания последствий, а нахождение на учете может негативно сказаться на положении в обществе, в том числе на отношениях с друзьями и семьей, а также на возможности трудоустройства и управление автомобилем.

Необходимо отметить, что наблюдается тенденция вытеснения алкогольной зависимости наркозависимостью, то есть, к сожалению, в молодежной среде психоактивные вещества становятся все более популярны и востребованы [2]. Из всех вышеперечисленных фактов и многих других исследование в сфере поддержания ремиссии у людей, которые прибегают к наркотикам, чтобы «обезболиться» становится как никогда актуальным. В дальнейших исследованиях планируется не только разрабатывать рекомендации для реабилитации наркозависимых, но и внести вклад в предотвращение эпидемии наркозависимости среди молодежи Российской Федерации.

Современная наука не обладает единой трактовкой понятия «психологическая устойчивость». Каждое теоретическое и эмпирическое направление рассматривает его в контексте собственной парадигмы [3]. Некоторые авторы приравнивают психологическую устойчивость к саморегуляции, которая характеризуется использованием психологических средств отражения, моделирования и воздействия на себя [4]. Саморегуляция подразумевает состояние гармонии, наличествующей между внутренними потребностями и требованиями внешней, окружающей среды. Она включает в себя также и средства для достижения данного состояния. A.S. Masten определяет устойчивость как характеристику личности, которая проявляется в степени сопротивляемости стрессовым нагрузкам, что сближает данную категорию с понятием стрессоустойчивости [5]. M. Ungar [6] и E. Werner [7] уточняют, что психологическая устойчивость служит особым маркером комплексной способности противостоять внезапно возникшим негативным, психотравмирующим обстоятельствам. Похожей точки зрения придерживаются В.С. Бердников и Е.С. Каузурова. Так, к разновидностям психологической устойчивости они относят стрессоустойчивость, устойчивость к неопределенности и к травмирующим ситуациям, помехоустойчивость и прочее [8]. В нашем исследовании мы сделаем акцент на том, что психологическая устойчивость – это способность человека адаптироваться к стрессовым ситуациям и восстанавливать свое эмоциональное состояние после переживаний, не прибегая к употреблению веществ, изменяющих состояние сознания.

Для наркозависимых, находящихся в состоянии ремиссии, высокий уровень психологической устойчивости становится своеобразным защитным фактором, позволяющим справляться с триггерами (стимулами), которые могут спровоцировать возврат к употреблению наркотиков. Эти триггеры могут быть обусловлены как внешними стрессорами, так и с внутренними конфликтами. Один из классиков, работающих концепцию триггеров, – это Брене Браун. Она описывает триггеры как моменты, когда у человека возникают сильные эмоциональные реакции на определенные слова, действия или ситуации, связанные с его прошлым опытом. Триггеры вызывают цепную реакцию всплеска чувств и эмоций, справится с которой могут помочь только навыки эмоционального регулирования.

Здесь следует сказать несколько слов по поводу определения ремиссии. По определению Всемирной организации здравоохранения (ВОЗ): ремиссия – это период, в течение которого признаки и симптомы заболевания значительно ослабевают или исчезают полностью, но при этом не гарантируется полное выздоровление. Полное выздоровление от неизлечимой болезни, действительно никто гарантировать не может. Компульсивность употребления химических веществ может быть остановлена путем воздержания, как физический аспект болезни, но существует и психическая сторона болезни, которая проявляется в неспособности справляться

с жизненными вызовами в трезвости. Более того, многие аддиктивные пациенты просят сделать что-нибудь «радикальное», например загипнотизировать, закодировать, «убрать» желание употреблять наркотики из-за страха перед рефлексией («страх встречи с самим собой, страх самого себя»), что составляют ядро аддиктивной идентичности [9]. Пациенты боятся столкнуться с болезненными эмоциями или травмирующими воспоминаниями, которые могут возникнуть в процессе самоанализа.

Эмоциональные переживания присущи каждому человеку, но наркозависимый в течении своего употребления подавлял свои чувства и эмоции с помощью наркотиков. Поэтому в период ремиссии испытываемые чувства проживаются ярко, непривычно, а порой невыносимо. Без навыков эмоционального регулирования этот процесс часто приводит к рецидиву.

Эмоциональное регулирование включает в себя стратегии, которые человек использует для управления своими эмоциями. Эффективные навыки эмоционального регулирования помогают наркomanам в ремиссии справляться с негативными эмоциями, такими как тревога, депрессия или гнев, которые могут возникать в процессе восстановления. Развитие этих навыков позволяет лучше справляться с трудностями и избегать ситуаций, когда под воздействием сильных эмоций возникает соблазн вернуться к наркотикам. Для того, чтобы выявить доминирующие копинг-стратегии, помогающие наркозависимым в ремиссии справляться со стрессом, мы прибегнем к использованию опросника «Индикатор копинг-стратегий (Coping Strategy Indicator, CSI)». Методика выделяет три группы стратегий: разрешения проблем, поиска социальной поддержки и избегания. Все стратегии поведения, которые формируются у человека в процессе психологического развития можно разделить на три большие группы [10; 11]:

- стратегия решения проблем – это активная стратегия поведения, при которой человек пытается использовать все доступные личностные ресурсы для поиска возможных путей эффективного решения проблемы;
- стратегия поиска социальной поддержки – это активная стратегия поведения, при которой человек обращается за помощью и поддержкой к окружающим его людям для эффективного решения проблемы;
- стратегия избегания – это стратегия поведения, при которой человек пытается избежать контакта с окружающей действительностью, чтобы избежать решения проблем. Человек может использовать пассивные способы избегания, такие как уход в болезнь или употребление алкоголя или наркотиков, либо вообще «уйти от решения проблем», используя активный способ избегания – самоубийство.

Стратегия избегания – одна из ведущих поведенческих стратегий при формировании дезадаптивного, аддиктивного поведения. Она направлена на преодоление

или снижение дистресса человеком, который находится на более низком уровне психического развития. Использование этой стратегии обусловлено недостаточностью развития личностно-средовых копинг-ресурсов и навыков эмоционального регулирования. Однако она может носить адекватный либо неадекватный характер в зависимости от конкретной стрессовой ситуации, возраста и состояния ресурсной системы личности. Связь между психологической устойчивостью и ремиссией проявляется в том, что наркоманы, обладающие высокой устойчивостью, чаще всего способны преодолевать кризисы, не прибегая к наркотикам. Они показывают большую приверженность к программе реабилитации и имеют более устойчивые социальные связи, что также способствует поддержанию ремиссии.

Понимание этой связи открывает возможности для разработки эффективных программ реабилитации, которые нацелены не только на физическую детоксикацию, но и на психологическую поддержку. Включение тренингов по развитию психологической устойчивости и навыков эмоционального регулирования в общеобразовательные программы также может благоприятно повлиять на предупреждение и профилактику подростков от употребления наркотических средств. В системе отечественного здравоохранения популярным считается подход, в основе которого лежит просветительская пропаганда о вредном влиянии и последствиях употребления наркотиков и алкоголя на организм человека. Предполагается, что мотивация к здоровому образу жизни формируется с помощью наличия у человека достаточных знаний о вредном воздействии химических веществ. Наркозависимые в активном употреблении прекрасно знают о вреде наркотиков, но это их не останавливает. Почему? На одну чашу весов действительно встает знание о вреде своему здоровью и своей жизни в целом. На другую чашу встает выгода от употребления наркотиков. Но эта выгода является мнимой. Измененное состояние сознания, смена негативных чувств на позитивные, что в целом аддиктологами определяется, как избегание реальности. Реальность перестает быть привлекательной в момент выбора в пользу употребления химических веществ по причине неспособности справляться со стрессом, отсутствием психологической устойчивости из-за нехватки практических знаний о навыках эмоционального регулирования.

Методология

Проведение нами настоящего исследования предполагало последовательность прохождения трех этапов:

1. Формирование выборок

В исследовании приняло участие две группы:

— первая группа: 15 наркозависимых, находящихся в устойчивой ремиссии не менее одного года. Эти участники должны быть добровольцами, прошедшиими терапию и имеющими положительный опыт

в поддержании ремиссии (от 1 года воздержания от употребления химических веществ);

— вторая группа: 14 наркозависимых, которые пережили срыв и на момент участия в исследовании их срок чистого времени составляет от 1 дня до 1 года. Эти участники выбраны из аналогичной популяции, что позволит избежать систематической предвзятости.

2. Использованные тестовые методики

Тест психологической устойчивости «Шкала устойчивости Коннор-Дэвидсона» (Connor-Davidson Resilience Scale, CD-RISC-25) применяется в клинической практике для измерения способности справляться со стрессом [12].

Опросник «Индикатор копинг-стратегий CSI» предназначен для диагностики доминирующих копинг-стратегий личности [13].

3. Процедура исследования

Подбор участников: набор участников проводится через реабилитационные центры, программы помощи людям с зависимостями, а также через сообщества поддержки. Опрос проводился на анонимной основе.

Сбор данных осуществлялся посредством предъявления тестов на психологическую устойчивость и эмоциональное регулирование и последующей обработки данных. Тестирование осуществлялось дистантно при помощи Гугл-форм.

Данная методология позволила провести сравнительный анализ уровня психологической устойчивости и навыков эмоционального регулирования у наркозависимых разных групп: находящихся в состоянии ремиссии и после срыва.

Результаты исследования

Исследование направлено на выявление различий в уровне психологической устойчивости и навыках эмоционального регулирования у наркоманов в устойчивой ремиссии и тех, кто недавно пережил рецидив.

В ходе проведенного исследования была проанализирована психологическая устойчивость участников, разделенных на две группы: тех, кто находился в состоянии ремиссии, и тех, кто пережил рецидив. Полученные результаты демонстрируют значительные различия в уровне психологической адаптации между этими двумя группами.

Как было установлено в ходе исследования, участники группы находящиеся в состоянии ремиссии продемонстрировали высокий средний балл по шкале CD-RISC-25, составивший 85, что свидетельствует о высоком

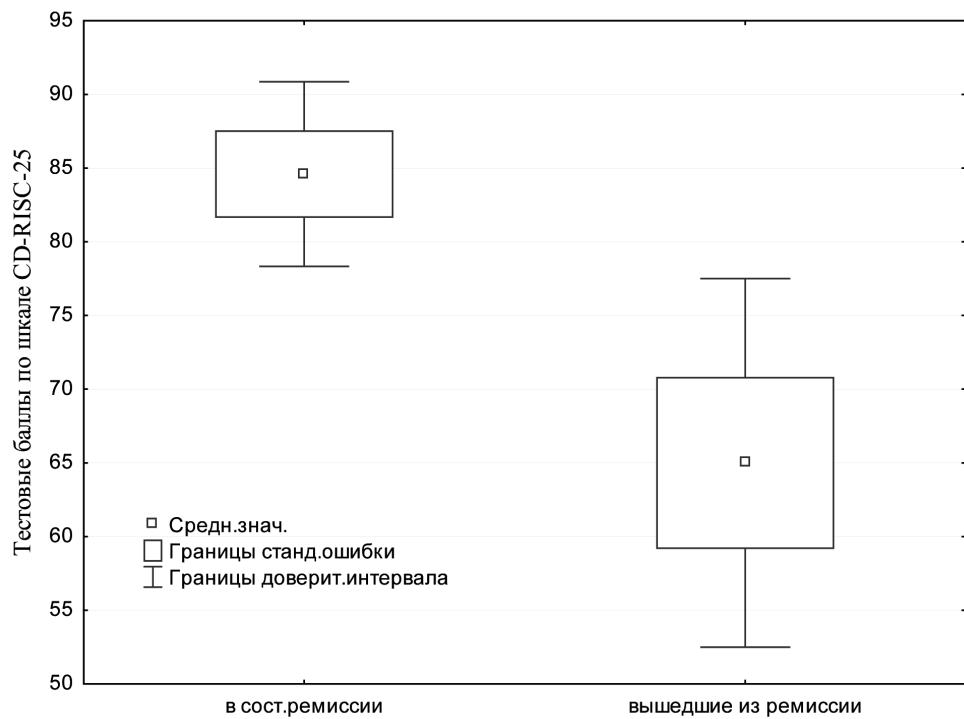

Рис. 1. Сравнение выборок по показателям теста CD-RISC-25

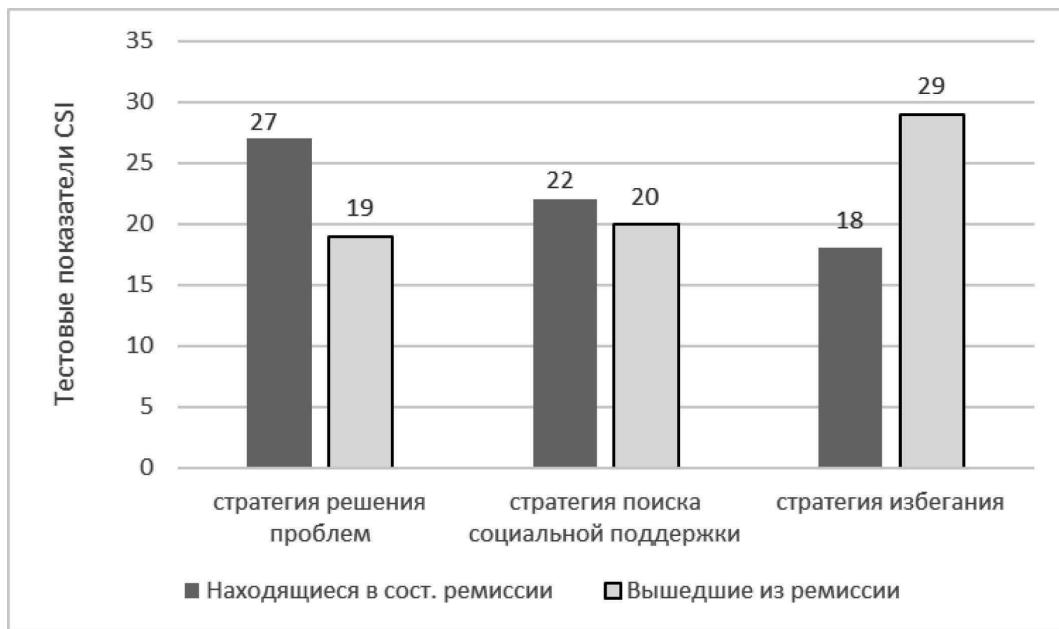

Рис. 2. Выраженность копинг-стратегий у представителей исследуемых групп.

уровне психологической устойчивости и способности справляться со стрессом (см. рис. 1). В частности, они показали выдающиеся результаты по параметрам «Личная сила» (30 баллов) и «Системное управление» (28 баллов).

В противоположность этому, группа участников, переживших рецидив, срок ремиссии которых составляет до 12 месяцев, показала результаты значительно ниже. Средний балл по CD-RISC-25 составил всего 65, при этом

значительное количество участников отметило снижение в таких ключевых областях, как «Личная сила» (20 баллов) и «Системное управление» (18 баллов).

Результаты тестирования были подвергнуты процедуре статистической обработки при помощи U-критерия Манна-Уитни. Нами были зафиксированы различия в выборках по тестовым показателям на уровне высокой статистической значимости: $U=41$, $R_1=289$, $R_2=146$ при $p=0,0055$.

Что касается анализа предпочтаемых стратегий поведения, то здесь тоже была отмечена разница между представителями обеих групп (см. рис. 2). Высокие показатели в применении адаптивных стратегий, таких как «стратегия решения проблем» и «стратегия поиска социальной поддержки» у находящихся в стадии ремиссии также подтверждают активное использование продуктивных методов регуляции своего поведения.

У представителей противоположной группы использование адаптивных стратегий оказалось на низком уровне, в то время как зависимость от неадаптивных методов регуляции эмоций, а именно «стратегия избегания», существенно возросла. Статистически значимые различия между выраженностью стратегий была обнаружена между показателями стратегии разрешения проблем (у 1-й группы выше) и стратегии избегания (у 2-й группы выше).

Данные результаты подчеркивают важность такого личностного конструкта как психологическая устойчивость, которая выступает в качестве прогностического фактора для поддержания долгосрочной ремиссии. В связи с этим, также можно видеть, что для работы с данным контингентом достаточно актуальной представляется необходимость разработки программ в русле когнитивно-поведенческой терапии, ориентированных на выработку адаптивной стратегии поведения и отказа от дезадаптивной.

Результаты проведенного исследования подчеркивают важность дальнейших работ в области психологии и терапии, нацеленных на поддержку наркозависимых и помощи им в закреплении состояния ремиссии. Разработка комплексных подходов, сочетающих медицинские и психологические аспекты лечения, может стать ключом к более эффективной помощи в лечении и профилактике наркозависимого поведения.

ЛИТЕРАТУРА

1. Доклад о наркоситуации в Российской Федерации в 2023 году (выдержка) // Государственный антинаркотический комитет Российской Федерации: сайт. – Москва, 2024. – URL: <https://media.mvd.ru/files/embed/6440403> (дата обращения 29.11.2024). – Текст: электронный.
2. Варенникова, А.Д. Психолого-педагогическая работа как основа профилактики аддиктивного поведения студентов / А.Д. Варенникова // Педагическое образование в России. – 2011. – № 1. – С. 93-98. – Текст: непосредственный.
3. Фаустова, А.Г. Психологическая устойчивость и феноменологически близкие категории / А.Г. Фаустова, А.Э. Афанасьева, И.С. Виноградова // Личность в меняющемся мире: здоровье, адаптация, развитие. – 2021. – № 1 (32). – С. 18-27.
4. Духновский, С.В. Психологическая устойчивость как условие преодоления критических ситуаций / С.В. Духновский, А.А. Брюзгин // Вестник Курганского государственного университета. – 2008. – №1 (11). – С. 131-133. – Текст: непосредственный.
5. Masten, A.S. Ordinary Magic: Lessons from research on resilience in human development / A.S. Masten // Education Canada. – 2009. – Vol. 49. – № 3. – P. 28-32. – Текст: непосредственный.
6. Ungar, M. A constructionist discourse on resilience: Multiple contexts, multiple realities among atrisk children and youth / M. Ungar // Youth and Society. – 2004. – Vol. 35. – № 3. – P. 341-365. – Текст: непосредственный.
7. Werner, E.E. Resilience in development / E.E. Werner // Current Directions in Psychological Science. – 1995. – Vol. 4. – № 3. – P. 81-85. – Текст: непосредственный.
8. Бердников, В.С. Первичный отбор кандидатов на службу в ОСН / В. С. Бердников, Е.С. Казурова // Психологическое обеспечение деятельности сотрудников отделов специального назначения: сборник методических рекомендаций и статей пенитенциарных психологов. – Москва: ГУИН МЮ РФ, НИИ УИС МЮ РФ, 2004. – С. 5-50. – Текст: непосредственный.
9. Шубина, О.С. Идентичность при наркотической зависимости и ее динамика в курсе альфа-стимулирующего биоуправления / О.С. Шубина, М.Е. Мельников, Е.Н. Загоруйко, А.Б. Скок // Бюллетень сибирской медицины. – 2010. – № 2. – С. 47-52. – Текст: непосредственный.
10. Духновский, С.В. Диагностика межличностных отношений / С.В. Духновский. – Санкт-Петербург: Речь, 2010. – 140 с. – Текст: непосредственный.
11. Сирота, Н.А. Копинг-поведение и психопрофилактика психосоциальных расстройств у подростков / Н.А. Сирота, В.М. Ялтонский // Обозрение психиатрии и медицинской психологии. – 1994. – № 1. – С. 63-74. – Текст: непосредственный.
12. Шкала устойчивости Коннор-Дэвидсона, CD-RISC // Психологические тесты: сайт. – URL: <https://psytests.org/stress/cdrisc.html> (дата обращения 29.11.2024). – Текст: электронный.
13. Индикатор копинг-стратегий, CSI // Психологические тесты: сайт. – URL: <https://psytests.org/coping/csi.html> (дата обращения 29.11.2024). – Текст: электронный.

© Кутейников Алексей Николаевич(kuteynikov-an@ranepa.ru), Ракитянская Анастасия Владиславовна.

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

ЦЕЛОСТНОСТЬ КАК ВНУТРЕННЯЯ ОПОРА В АК И ПСИХОЛОГИЧЕСКОМ КОНСУЛЬТИРОВАНИИ: ПУТИ К УСТОЙЧИВЫМ РЕЗУЛЬТАТАМ ЧЕРЕЗ «ЦЕННОСТНЫЙ НАВИГАТОР»

INTEGRITY AS AN INTERNAL SUPPORT IN AQ AND PSYCHOLOGICAL COUNSELING: PATHS TO SUSTAINABLE RESULTS THROUGH "VALUE NAVIGATOR"

D. Litvinenko

Summary: This article examines the problem of short-term and unstable changes in psychological counseling and personal development that arise due to misalignment between a client's external goals and internal values. Within the framework of the Adaptive Intelligence (AQ) concept, the phenomenon of integrity and inner grounding is analyzed as a key mechanism of psychological resilience and self-development. It is shown that the formation of an inner foundation through value awareness enables individuals to maintain direction and effectiveness of action under uncertainty without losing their identity. Particular attention is given to the "Value Navigator" tool, which helps identify, integrate, and align personal values with life goals. Using two practical case studies, the article demonstrates how working with value structures increases adaptability, reduces inner conflict, and contributes to long-term change. It is concluded that the development of adaptive intelligence through strengthening inner grounding ensures not only behavioral flexibility but also depth of personal transformation, making the outcomes of psychological work sustainable and ecologically sound.

Keywords: adaptive intelligence (AQ), psychological counseling, inner grounding, personal integrity, value navigator, mindfulness, sustainable development, self-regulation, personal values, meaning integration.

Литвиненко Дарья Михайловна

Независимый исследователь
darya0881@mail.ru

Аннотация: В статье рассматривается проблема краткосрочных и неустойчивых изменений в психологическом консультировании и развитии личности, возникающих из-за несогласованности внешних целей и внутренних ценностей клиента. В контексте концепции адаптивного интеллекта (AQ) анализируется феномен целостности и внутренней опоры как ключевых механизмов психологической устойчивости и саморазвития. Показано, что формирование внутренней опоры через ценностное осознание позволяет человеку сохранять направление и эффективность действий в условиях неопределенности, при этом не теряя идентичности. Особое внимание уделено инструменту «Ценностный навигатор», который способствует выявлению, интеграции и согласованию личных ценностей с жизненными целями. На примере двух практических кейсов продемонстрировано, как работа с ценностной структурой повышает уровень адаптивности, снижает внутренние конфликты и способствует пролонгированным изменениям. Сделан вывод о том, что развитие адаптивного интеллекта через укрепление внутренней опоры обеспечивает не только гибкость поведения, но и глубину личностной трансформации, делая результаты психологической работы устойчивыми и экологичными.

Ключевые слова: адаптивный интеллект (AQ); психологическое консультирование; внутренняя опора; целостность личности; ценностный навигатор; осознанность; устойчивое развитие; саморегуляция; личностные ценности; смысловая интеграция.

Цель статьи — проанализировать и определить, как формирование внутренней опоры и целостности личности через применение инструмента «Ценностный навигатор» способствует развитию адаптивного интеллекта (AQ) и обеспечивает устойчивые, долговременные результаты в психологической практике.

Задачи статьи:

1. Раскрыть сущность адаптивного интеллекта (AQ) и его значение для психологической устойчивости личности.
2. Проанализировать феномен целостности и внутренней опоры как механизмов адаптивности.
3. Рассмотреть возможности инструмента «Ценностный навигатор» в развитии осознанности и согла-

сованности жизненных целей.

4. На примере практических кейсов показать, как ценностная работа способствует пролонгированным личностным изменениям и росту адаптивного интеллекта.

Теоретическая база статьи

Понятие адаптивного интеллекта (Adaptive Quotient, AQ) [1] занимает всё более заметное место в современной психологии. Оно отражает способность человека сохранять эффективность, внутреннюю согласованность и целенаправленность в условиях неопределенности, изменений и многозадачности. В отличие от традиционных когнитивных показателей интеллекта (IQ), ориен-

тированных на решение формализуемых задач, и эмоционального интеллекта (EQ), связанного с регуляцией эмоций, AQ отражает более глубокий уровень — смысло-ценностную гибкость и умение действовать адекватно при изменении контекста, не теряя внутренней устойчивости и личностной идентичности.

Адаптивный интеллект проявляется не только в способности приспосабливаться, но и в умении сохранять внутренний вектор развития, изменяя стратегии поведения без потери целостности. Он включает несколько взаимосвязанных уровней:

1. Когнитивный — способность анализировать ситуацию, переоценивать условия и находить новые пути решения задач.
2. Метакогнитивный — умение наблюдать за собственным мышлением, осознавать ограничения и корректировать поведение.
3. Смысло-ценностный — способность соотносить действия с личными ценностями, придавать им субъективный смысл.

AQ можно рассматривать как систему, в которой когнитивная гибкость соединяется с внутренней целостностью. Человек с высоким уровнем адаптивного интеллекта способен принимать решения, не разрушая собственные принципы, выдерживать неопределенность, не теряя направления, и сохранять мотивацию, основанную на личных смыслах.

С позиции современной психологии развития AQ является не просто индивидуальной характеристикой, а комплексной способностью к смысловой саморегуляции. Исследователи (В.В. Гут, Е.Л. Доценко, К.М. Шелдон и др.) [1,2,10] отмечают, что адаптивность тесно связана с психологическим благополучием, устойчивостью к стрессу и способностью к самоактуализации. Повышение уровня AQ требует не столько тренировки когнитивных навыков, сколько осознания и интеграции собственных ценностей, что делает возможным устойчивое развитие в динамичной социальной среде.

Целостность личности — одно из ключевых понятий гуманистической и экзистенциальной психологии. В работах К. Роджерса, А. Маслоу, Р. Ассаджиоли, К.Г. Юнга и В. Франкла [4,5,7,6] она описывается как интеграция различных аспектов внутреннего опыта — когнитивного, эмоционального, телесного и смыслового — в единую согласованную систему «Я». Целостная личность способна сохранять внутреннее равновесие даже в ситуациях внешнего давления или неопределенности, действуя в соответствии со своими ценностями и убеждениями.

К. Роджерс [4] рассматривал целостность через феномен конгруэнтности — согласованности между переживаниями, осознанием и поведением. Чем выше степень конгруэнтности, тем устойчивее личность и тем

большее чувство внутреннего согласия она испытывает. А. Маслоу [5] связывал целостность с самоактуализацией — способностью человека реализовывать свои потенциальные возможности в согласии с «бытийными ценностями». Р. Ассаджиоли [7] в концепции психосинтеза подчеркивал значение центра сознания и воли, вокруг которого интегрируются субличности и формируется осознанная личностная структура.

На основе этих идей можно выделить несколько психологических признаков целостной личности:

- способность выдерживать внутренние противоречия без разрушения самооценки;
- осознанность собственных ценностей и мотивов;
- согласованность между краткосрочными целями и долговременными смыслами;
- способность восстанавливаться после стрессовых ситуаций без потери направления развития.

Ключевым проявлением целостности является внутренняя опора — субъективное ощущение устойчивости, базирующееся на личных ценностях, смыслах и осознанных приоритетах. Внутренняя опора позволяет человеку сохранять устойчивость к внешним изменениям и эмоциональным колебаниям, выступая внутренним «компасом» для принятия решений.

Психологическая функция внутренней опоры заключается в согласовании внешней активности с внутренними основаниями выбора. Когда цели и решения человека укоренены в ценностях, уменьшается внутренний конфликт между «надо» и «хочу», а действия приобретают осмысленный характер. Таким образом, внутренняя опора становится операциональным проявлением целостности, обеспечивая практическую устойчивость и способность к адаптивному действию.

Формирование внутренней опоры невозможно без осознания и согласования индивидуальных ценностей. Одним из инструментов, направленных на эту задачу, является «Ценностный навигатор» — методическая рамка, помогающая клиенту выявить собственные ценности, определить их иерархию и соотнести с жизненными целями и повседневными действиями.

В отличие от стандартных опросников и техник постановки целей, «Ценностный навигатор» представляет собой итеративный процесс смысловой интеграции, в котором человек не просто называет значимые для себя категории, но проверяет их на реалистичность, внутреннюю согласованность и проявление в поведении. Метод включает четыре взаимосвязанных этапа:

1. Диагностика ценностного поля. Определение базовых и контекстуальных ценностей, выявление конфликтов между ними, картирование личных приоритетов.

- Смысловая сборка целей. Переформулирование внешне заданных задач в контекст личных смыслов: от «что нужно сделать» к «зачем это для меня важно».
- Интеграция в поведение. Проектирование конкретных шагов, соответствующих ценностям, и их включение в ежедневные практики.
- Метарефлексия. Отслеживание динамики изменений, анализ «ценностных дрейфов», уточнение приоритетов и развитие способности самостоятельно поддерживать внутреннюю согласованность.

С психологической точки зрения, работа с «Ценостным навигатором» позволяет перевести абстрактный уровень смыслов в практическую саморегуляцию. Когда человек осознаёт, какие ценности лежат в основе его решений, он формирует более устойчивую мотивацию и способен действовать автономно, даже при изменении внешних обстоятельств.

Инструмент способствует развитию трёх ключевых компетенций адаптивного интеллекта:

- смысловой гибкости — способности переосмысливать ситуации, не теряя направления;
- метаосознанности — умения отслеживать внутренние процессы и корректировать их;
- саморегуляции — удержанию баланса между внешними требованиями и внутренними ресурсами.

«Ценостный навигатор» выполняет двойную функцию: диагностическую (помогает выявить внутренние противоречия и неосознаваемые ценностные конфликты) и трансформационную (создаёт условия для формирования внутренней опоры и укрепления целостности личности). Его применение делает возможным соединение скорости изменений с их глубиной, а также обеспечивает устойчивость психологических и личностных результатов.

Практическая часть: применение «Ценостного навигатора» в развитии адаптивного интеллекта

Практическая часть исследования направлена на рассмотрение того, как применение инструмента «Ценостный навигатор» способствует формированию внутренней опоры и развитию адаптивного интеллекта (AQ). Основу анализа составили два кейса из психологической практики, демонстрирующие влияние ценностной работы на устойчивость, самоосознанность и способность клиента действовать в условиях неопределенности.

Методологическая основа исследования сочетает принципы феноменологического анализа (описание субъективного опыта клиента) и структурного подхода к исследованию ценностей. «Ценостный навигатор» использовался как инструмент выявления, прояснения и интеграции личных ценностей клиента в его систему целей и действий.

Оценка эффективности проводилась по следующим критериям:

- снижение внутреннего конфликта между внешними ожиданиями и внутренними мотивами;
- повышение уровня метаосознанности и саморегуляции;
- укрепление внутренней опоры — способности сохранять направление и уверенность при внешних изменениях;
- устойчивость результатов после завершения консультирования.

Кейсы были выбраны по принципу контрастности: первый иллюстрирует проблему потери мотивации и эмоционального выгорания, второй — зависимость от внешнего одобрения и тревожность. Оба примера демонстрируют, как через осознание ценностей человек восстанавливает внутреннюю целостность и развивает адаптивный потенциал.

Кейс 1. Восстановление мотивации и энергии через осознание ценностей

Исходная ситуация: Клиентка Е., 36 лет, руководитель отдела маркетинга, обратилась с запросом: «Не чувствую вдохновения и удовольствия от работы, всё стало механическим». При объективном успехе (высокая должность, признание, стабильный доход) наблюдались признаки выгорания — апатия, раздражительность, ощущение внутренней пустоты.

Процесс работы: На первом этапе проведено картирование ценностей с использованием «Ценостного навигатора». Были определены ключевые личные ценности: свобода, творчество, признание, забота. Анализ показал, что в профессиональной деятельности почти не реализуются «свобода» и «творчество»: рабочие процессы строго регламентированы, инициативы ограничены корпоративными нормами.

Далее проведена смысловая реконфигурация целей: клиентка переформулировала профессиональные задачи, связывая их с личными смыслами. Она инициировала внутренний проект, направленный на внедрение новых идей, и стала активнее делегировать рутинные задачи, освобождая пространство для креативных решений.

Результаты: Через месяц клиентка отметила возвращение интереса к работе, улучшение эмоционального фона и снижение напряжения. В последующие недели повысилась инициативность и уверенность в профессиональных взаимодействиях.

Комментарий: Данный случай показывает, что осознание несоответствия между внешними требованиями и внутренними ценностями позволяет перестроить стратегию действий без кардинальных изменений внешней

среды. Это демонстрирует развитие смысловой гибкости — способности изменять способ взаимодействия с контекстом, сохраняя личную целостность. Формирование внутренней опоры через ценностную осознанность привело к восстановлению адаптивности и снижению риска эмоционального выгорания.

Кейс 2. Работа с тревожностью и зависимостью от внешней оценки

Исходная ситуация: Клиент М., 31 год, IT-специалист, обратился с жалобой на постоянную тревогу, неуверенность и страх критики. Основной запрос: «Хочу перестать зависеть от мнения других и бояться ошибок».

Процесс работы: На диагностическом этапе выявлены ведущие ценности: самостоятельность, развитие, честность, признание. Между ними обнаружен конфликт — стремление быть независимым противоречило потребности в одобрении. В ходе работы клиент с помощью навигатора анализировал, какие поступки соответствуют его внутренним ценностям, а какие продиктованы ожиданиями других.

Были пересмотрены критерии успеха: вместо ориентации на внешние оценки клиент сформулировал внутренние стандарты — «действовать в согласии со своими принципами», «учиться новому ради развития, а не ради оценки».

Результаты: Через несколько недель тревожность снизилась, повысилась уверенность и спокойствие в рабочих ситуациях. Клиент отметил, что стал меньше зависеть от чужих мнений и лучше осознаёт собственные мотивы.

Комментарий: В данном случае ценностная работа позволила клиенту перейти от внешней к внутренней регуляции поведения, что соответствует развитию внутренней опоры и саморегуляции. Повышение метаосознанности и автономности свидетельствует о росте уровня адаптивного интеллекта, проявляющегося в способности сохранять стабильность и целостность при внешней неопределенности.

Оба рассмотренных примера показывают, что ключевым фактором устойчивых изменений является ценностная интеграция личности — осознание, принятие и практическое применение собственных ценностей. Работа с «Ценностным навигатором» позволила клиентам перейти от поверхностных целей к внутренне мотивированным действиям, что укрепило ощущение стабильности и уверенности.

В терминах адаптивного интеллекта (AQ) такие изменения отражают развитие трёх взаимосвязанных способностей:

1. Смысловой интеграции — соединения внешних задач с внутренними ценностями.
2. Метаосознанности — способности наблюдать и осмыслять собственные состояния.

3. Саморегуляции — умения сохранять внутреннее равновесие при изменении обстоятельств.

«Ценностный навигатор» выступает эффективным инструментом формирования внутренней опоры, которая делает возможным сочетание гибкости поведения с устойчивостью личностных принципов. Он не только помогает достичь краткосрочных изменений, но и обеспечивает их долговременное закрепление за счёт смысловой согласованности и личностной целостности.

Выводы

Рассмотренные теоретические основания и практические кейсы подтверждают, что формирование внутренней опоры и целостности личности является ключевым условием устойчивых психологических изменений и развития адаптивного интеллекта (AQ). Применение инструмента «Ценностный навигатор» показало, что работа с ценностной сферой способствует переходу клиента от поверхностных изменений к глубинной смысловой перестройке, которая обеспечивает пролонгированный эффект и устойчивость результатов.

Результаты анализа согласуются с концепцией адаптивного интеллекта, согласно которой способность человека к эффективному действию в условиях неопределенности определяется не только когнитивными навыками, но и смысловой интеграцией, то есть умением соотносить свои действия с внутренними ценностями. Адаптивность в этом контексте понимается как осознанная и целенаправленная регуляция поведения при сохранении личностной идентичности.

Психологическая динамика, наблюдаемая в кейсах, свидетельствует о том, что осознание собственных ценностей усиливает саморегуляцию и повышает уровень смысловой устойчивости. Клиенты отмечали снижение тревожности, восстановление энергии, повышение мотивации и появление внутреннего чувства уверенности. Эти изменения происходили без кардинальных внешних перемен, что указывает на глубинный характер происходящей трансформации — перестройку внутренних оснований личности.

Работа с «Ценностным навигатором» позволяет перевести абстрактные ценности в операциональный уровень повседневных действий. Ценности становятся не просто идеями, а живыми ориентирами, определяющими способ восприятия реальности и выбор стратегий поведения. Это создаёт внутренний порядок и предсказуемость, что особенно важно в условиях неопределенности и постоянных внешних изменений.

Результаты исследования подтверждают, что адаптивный интеллект развивается в процессе согласования смысловых, когнитивных и поведенческих компонентов личности. Осознание и интеграция ценностей формируют

внутреннюю опору, которая обеспечивает устойчивость, автономность и психологическую зрелость. Такое понимание AQ коррелирует с гуманистическими и экзистенциальными представлениями о человеке как о целостной системе, способной к саморегуляции, саморазвитию и осмысленному выбору. В этом смысле «Ценностный навигатор» становится не просто инструментом консультирования, а моделью смысловой работы, направленной на укрепление идентичности и личностной устойчивости.

Проведённое исследование показало, что формирование внутренней опоры и целостности личности является центральным условием устойчивого личностного развития и психологического благополучия. Внутренняя опора обеспечивает согласование внешних целей с внутренними ценностями и делает возможным сохранение устойчивости даже при изменяющихся обстоятельствах.

Адаптивный интеллект (AQ) можно рассматривать как интегральную способность личности соединять гибкость и стабильность, что проявляется в умении принимать решения, сохранять самообладание и действовать в согласии с собственными смыслами. Его развитие происходит не только через когнитивные механизмы, но прежде всего через осознание и практическое применение ценностей в реальных жизненных ситуациях.

Инструмент «Ценностный навигатор» доказал свою эффективность в качестве средства развития адаптивного интеллекта. Он помогает клиенту осознать внутренние противоречия, выстроить иерархию ценностей и согласовать их с целями и поведением. Работа с этим инструментом способствует укреплению саморегуляции, повышению осознанности и формированию устойчивой внутренней опоры.

Практические кейсы подтвердили, что ценностная

интеграция личности снижает уровень тревожности, восстанавливает мотивацию и обеспечивает пролонгированный эффект психологической работы. Изменения, происходящие при таком подходе, не зависят от внешних обстоятельств, поскольку основаны на внутренней перестройке смысловой структуры личности.

Ценностно-ориентированный подход в консультировании и развитии личности позволяет объединить скорость и глубину изменений, делая трансформации экологичными и устойчивыми. Работа с «Ценностным навигатором» обеспечивает не только достижение внешних целей, но и формирование внутренней зрелости, саморегуляции и способности сохранять целостность в условиях неопределенности.

Перспективы дальнейших исследований заключаются в расширении эмпирической базы и количественном изучении взаимосвязи между уровнем адаптивного интеллекта и выраженностью внутренней опоры. Практическое значение полученных результатов заключается в возможности применения ценностно-ориентированных методов для профилактики профессионального выгорания, повышения личной устойчивости и развития психологической адаптивности в различных социальных и профессиональных контекстах.

Итак, можно заключить, что осознание и интеграция личностных ценностей через инструмент «Ценностный навигатор» формируют основу адаптивного интеллекта, обеспечивая человеку не только способность гибко реагировать на вызовы среды, но и внутреннюю силу оставаться верным своим смыслам, сохраняя целостность и психологическую устойчивость в долгосрочной перспективе.

ЛИТЕРАТУРА

1. Гут, В.В. Адаптивный интеллект: опыт феноменологической настройки определения // Научное мнение. — 2023. — № 6. — С. 47–57.
2. Гут, В.В., Доценко, Е.Л. Конструирование определений: от манипуляции до адаптивного интеллекта // Современная наука: актуальные проблемы теории и практики. Серия: Познание. — 2023. — № 8. — С. 50–58.
3. Гут, В.В. AQ-коучинг как средство повышения уровня адаптивного интеллекта: анализ текущих тенденций и практик // Коучинг и наставничество: теория и практика : материалы Всероссийской научно-практической конференции (Санкт-Петербург, 25–26 апреля 2024 г.). — Чебоксары: Издательский дом «Среда», 2024. — С. 112–117.
4. Роджерс, К.Р. Становление личности. Взгляд на психотерапию / пер. с англ. М. Злотник. — М.: Эксмо-Пресс, 2001. — 416 с.
5. Маслоу, А. Г. Мотивация и личность / пер. с англ. Т.Г. Семёновой. — СПб.: Питер, 2022. — 352 с.
6. Франкл, В.Э. Человек в поисках смысла / пер. с англ. И.Н. Гришиной. — М.: Прогресс, 1990. — 368 с.
7. Ассаджили, Р. Психосинтез: теория и практика / пер. с англ. Л.Г. Леонтьевой. — М.: Институт психосинтеза, 2020. — 320 с.
8. Ялом, И.Д. Экзистенциальная психотерапия / пер. с англ. О.Л. Исаковой. — М.: ACT, 2021. — 640 с.
9. Уитмор, Дж. Коучинг высокой эффективности / пер. с англ. Е.В. Гончаровой. — М.: Альпина Паблишер, 2021. — 288 с.
10. Шелдон, К.М. Оптимальное функционирование и позитивная психология: психологическая необходимость и выгоды // Психологический журнал. — 2023. — Т. 44, № 2. — С. 121–130.

© Литвиненко Дарья Михайловна (darya0881@mail.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

ЭМОЦИОНАЛЬНЫЙ ИНТЕЛЛЕКТ АУДИТОРА ПРИ ПРОВЕДЕНИИ АУДИТА ЭФФЕКТИВНОСТИ КОММЕРЧЕСКИХ ОРГАНИЗАЦИЙ В УСЛОВИЯХ ИНДУСТРИИ 4.0

EMOTIONAL INTELLIGENCE OF THE AUDITOR WHEN CONDUCTING PERFORMANCE AUDIT OF COMMERCIAL ORGANIZATIONS IN THE CONTEXT OF INDUSTRY 4.0

*M. Novikova
M. Chistyakov
V. Savgachev
B. Kumpilova
T. Pankova*

Summary: The subject of the study is the auditor's emotional intelligence used in the performance audit of commercial organizations. The purpose of the study is to reveal the essence of such a procedure as the performance audit of commercial organizations based on the systematization of existing approaches to this phenomenon, to determine the relationship, structuring and contextuality of the development of auditors' emotional intelligence when conducting a performance audit, to analyze the routing of the influence of emotional intelligence components on the auditor's competencies. Methodology – in the process of achieving the set goals, such methods of scientific knowledge as analysis, classification, observation methods, generalization, comparison, grouping, etc. were used. Discussion – existing approaches to the concept of "performance audit", features of this procedure, as well as requirements for auditors conducting performance audits. Results – elimination of uncertainty in matters of necessity, feasibility and features of conducting a performance audit of commercial organizations in terms of using the auditor's emotional intelligence.

Keywords: efficiency, economic efficiency, efficiency of commercial organizations, audit of efficiency of commercial organizations, emotional intelligence of the auditor.

Новикова Марина Владимировна

Кандидат культурологии, доцент, Российский биотехнологический университет (г. Москва)
marinov3@yandex.ru

Чистяков Максим Сергеевич

Младший научный сотрудник, старший преподаватель, Российский университет кооперации (Владимирский филиал)
shreyamax@mail.ru

Савгачев Виталий Владимирович

Кандидат медицинский наук, доцент, Ярославский государственный медицинский университет
hirurg2288@mail.ru

Кумпилова Бэла Анзауровна

Кандидат экономических наук, доцент, Адыгейский государственный университет (г. Майкоп)
jambot@yandex.ru

Панкова Татьяна Николаевна

Кандидат филологических наук, доцент, Воронежский государственный университет
pankova@rgph.vsu.ru

Аннотация: Предмет исследования – эмоциональный интеллект аудитора, применяемый при проведении аудита эффективности коммерческих организаций. Цель исследования – раскрыть сущность такой процедуры, как аудит эффективности коммерческих организаций на основе систематизации существующих подходов к данному явлению, определить взаимосвязь, структурированность и контекстуальность развития эмоционального интеллекта аудиторов при проведении аудита эффективности, проанализировать маршрутизацию влияния составляющих эмоционального интеллекта на компетенции аудитора. Методология – в процессе достижения поставленных целей использовались такие методы научного познания, как анализ, классификация, методы наблюдения, обобщения, сравнения, группировки и др. Обсуждение – существующие подходы к понятию «аудит эффективности», особенности данной процедуры, а также требования, предъявляемые к аудиторам, проводящим аудит эффективности. Результаты – устранение неопределенности в вопросах необходимости, целесообразности и особенностей проведения аудита эффективности коммерческих организаций в аспекте использования эмоционального интеллекта аудитора.

Ключевые слова: эффективность, экономическая эффективность, эффективность деятельности коммерческих организаций, аудит эффективности коммерческих организаций, эмоциональный интеллект аудитора.

Введение

Благодаря тому, что аудит предоставляет необходимую информацию о финансах и операциях организации, он играет значительную роль в управлении экономиче-

ской и социальной деятельностью. Стремление получить знания о будущем бухгалтерского учета как профессии и его роли в обществе становится в настоящее время чрезвычайно актуальным, поскольку мир перешел от Индустрии 3.0 к Индустрии 4.0 [6, с. 144; 12, с. 137]. Фор-

мирующийся профессиональный контекст Четвертой промышленной революции (IR4) повысил требования индустрии к будущим дипломированным специалистам, которые должны уметь продемонстрировать цифровую грамотность, инновационные знания, а также другие поведенческие компетенции, необходимые для обеспечения занятости [1, с. 27].

В связи с этим крайне важно определить, какой набор навыков и знаний должен быть включен в учебные программы по аудиту, чтобы подготовить современного аудитора, готового к дальнейшему активному развитию, и отвечающего требованиям IR4. При этом IR4 часто называют следствием конвергенции и преобразования нескольких «экспоненциальных технологий», таких как искусственный «интеллект, биотехнологии и нанотехнологии, экспоненциальные технологии, к которым также относятся алгоритмы, позволяющие программному обеспечению воспринимать информацию, рассуждать и мыслить подобно человеку» [16, с. 33]. Машинное обучение (*Machine Learning – ML*), бизнес-аналитика (*Business Intelligence – BI*), большие данные (*Big Data – BD*) и киберфизические системы (*Cyber-Physical System – CPS*) – примеры передовых технологий, меняющих все профессии, включая финансы, бухгалтерию и аудит. Технологии, используемые в этой области, изменили все сферы человеческой деятельности, привели к новым тенденциям в политической и социально-экономической структуре общества и оказали не меньшее влияние на сферу занятости, чем предыдущие революции. Следовательно, IR4 определяется как сложная интеграция физических машин и устройств с датчиками и сетевым программным обеспечением, используемая для прогнозирования, планирования и контроля для достижения лучших результатов в бизнесе и социальной сфере.

С другой стороны, *Индустрія 4.0* характеризуется как интегрированный, адаптируемый, оптимизированный, ориентированный на услуги и взаимодействующий производственный процесс, связанный с алгоритмами, большими данными и передовыми технологиями. Технология IR4 стала движущей силой глобальных преобразований, ведущих к быстрому экономическому росту и развитию благодаря жизненно важному взаимодействию между человеком и техникой. Эта трансформация привела к изменениям в экономике, власти, знаниях и в том, как мы взаимодействуем и общаемся друг с другом, живем и работаем в сотрудничестве, что способствовало органичному слиянию человека и технологии, внедренной в нашу естественную жизнь [3, с. 9; 7, с. 51; 8, с. 231].

Очевидно, что технологии и ведение отчетности в промышленности дошли до того, что в формальном секторе утратили свою актуальность ручные системы учета. Некоторые исследователи утверждают, что электронные устройства заменят некоторые виды человеческой де-

ятельности, а также сменят физическую деятельность человека в пользу использования машин. Эта трансформация неизбежна, так, переход от привычного распределения функций свидетельствует о том, что ввод данных, бухгалтерский учет, налогообложение и управление активами, несомненно, подвергнутся трансформации. Обработка данных, делопроизводство и формирование отчетности будут автоматизированы или замещены новыми технологиями. Поэтому развитие соответствующих навыков, безусловно, необходимо для карьеры бухгалтера, но практики и преподаватели не прекращают дискуссии о том, какие навыки в действительности необходимо приобретать и что целесообразно для людей, желающих сделать карьеру в новом мире технологий.

Методология исследования

В современных условиях российские специалисты учетно-аналитической сферы гораздо тщательнее исследуют аудит эффективности, о чем свидетельствуют труды многих отечественных и иностранных ученых, например, Э.И. Бурнашевой, О.Е. Вагановой, М.В. Мельник, П. Друкера, Р. Каплана, Д. Нортон, Дж. Робертсона. В то же время аспекты применения аудита эффективности «рассматриваются обособленно, мало внимания уделяется его особенностям применительно к частному сектору, отсутствует четкая нормативная база, содержащая требования в целом к аудиту эффективности и к аудиторам, проводящим данную процедуру» [13, с. 339].

В отечественной литературе под *аудитом эффективности* понимается «системный, целенаправленный и организованный процесс получения и экспертно-аналитической оценки объективных данных о результативности, экономичности и продуктивности экономической деятельности аудируемой единицы» [10, с. 1388], в то время как в зарубежной литературе чаще всего встречается следующее определение: «аудит эффективности – независимая проверка эффективности и результативности предприятий, программ и организаций, с непременным учетом показателей экономичности в целях дальнейшего развития» [4, с. 10; 5, с. 163; 14, с. 19].

Аудит эффективности – нерегламентированный аудит с формализованными заключениями – «процедура, имеющая, в основном, аналитический характер, чья предметная область довольно обширна и допускает различные взгляды и интерпретации» [9, с. 582].

Особый характер *аудита эффективности* объясняется «разнообразием и сложностью вопросов, имеющих отношение к его проведению, в частности, в рамках юридических полномочий аудит эффективности должен свободно (без заведомых ограничений) полностью рассматривать всю деятельность организации с разных точек зрения» [11, с. 511].

Из-за сложности и разнообразия кейсов при проведении аудита эффективности аудитору необходимо пройти серьезную профессиональную подготовку по таким специальностям, как: бухгалтерский учет, финансовый и экономический анализ, управленческий учет, требуются знания и понимание как *Международных стандартов финансовой отчетности*, так и *Российских стандартов бухгалтерского учета* и многих других нормативных актов. Тем не менее, обширные знания и высокий уровень интеллектуального развития далеко не всегда является гарантией успеха для аудитора. Многие исследования показывают, что успешность не только аудитора, но и почти любого современного специалиста всего лишь на 20% зависит от его профессиональной подготовки, остальные же 80% приходятся на так называемый *уровень эмоционального интеллекта (EQ)* [10, с. 1388].

Люди, обладающие, по существу, высоким уровнем эмоционального интеллекта, способны наиболее эффективно использовать свои способности и знания в любой сфере, а сбалансированное сочетание эмоции, эмпатии и интеллекта обеспечивают успех человека в любой сфере.

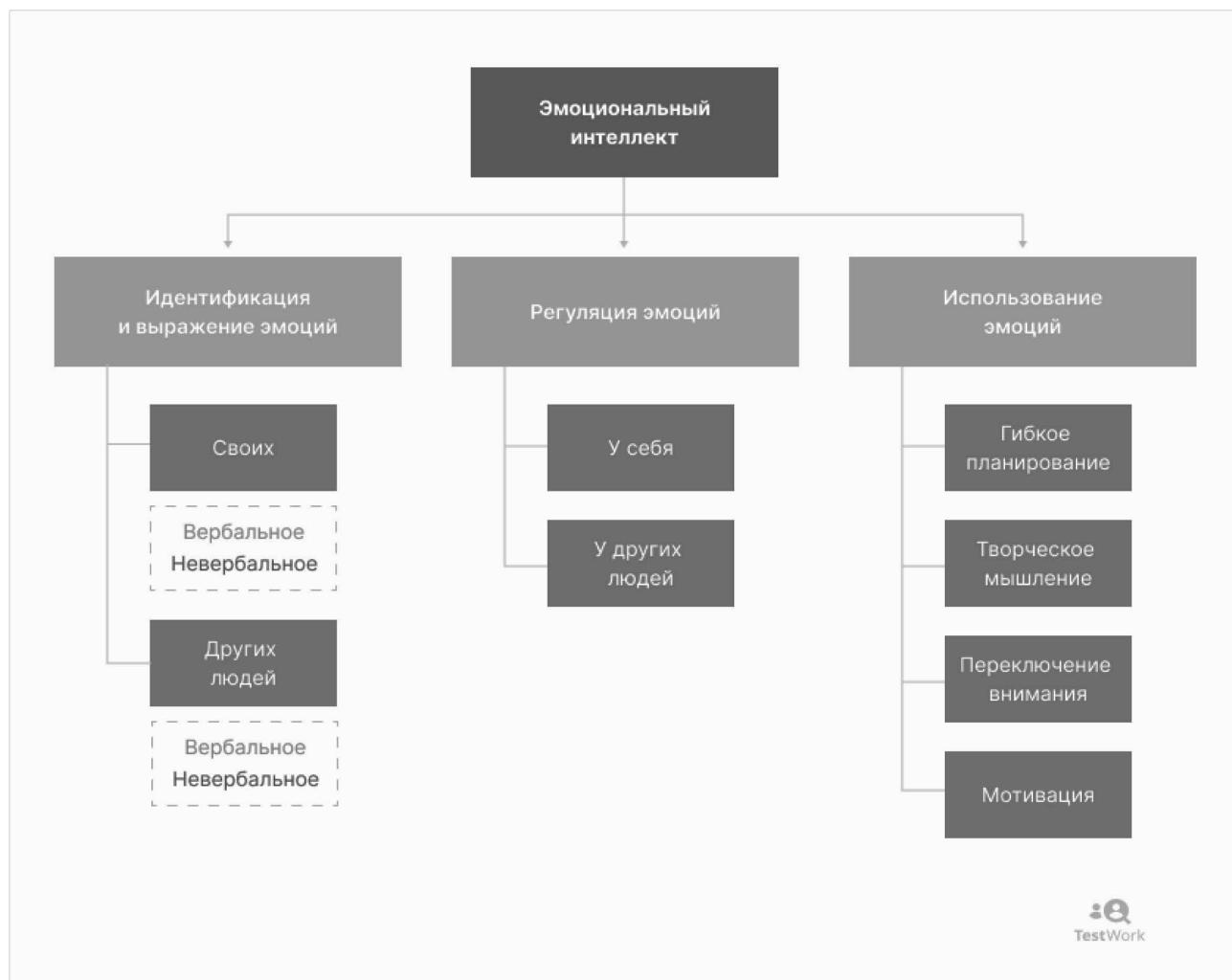
ре жизнедеятельности, в том числе и в *аудите эффективности* (рис. 1).

Как известно, эмоциональный интеллект – комплексное понятие, включающее в себя ряд составляющих, синергия которых показана на схеме (рис. 2)

Невозможно выделить наиболее или наименее важные для аудитора составляющие эмоционального интеллекта, так как каждый элемент является причиной или следствием другого [2, с. 122; 4, с. 13; 5, с. 166]. Но, на наш взгляд, можно дополнить этот список еще несколькими характеристиками:

- стрессоустойчивость;
- способность показывать хороший результат в сжатые сроки;
- внимательность;
- объективность.

Существует множество различных методик оценки уровня эмоционального интеллекта, как правило, зарубежных, «основанных на измерении способности

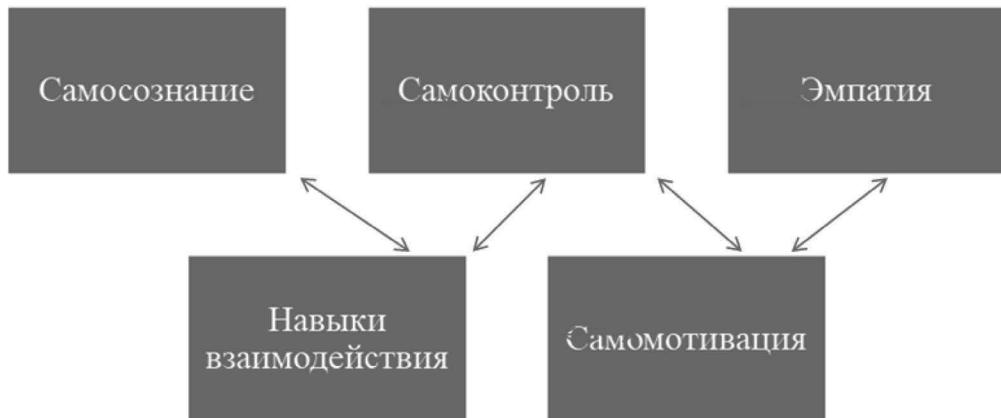

Рис. 2. Синергетический эффект элементов эмоционального интеллекта

распознавать свои и чужие эмоции, уровень рефлексии, параметрах эмпатии, способности понимать уместность конкретных чувств в заданной ситуации, а также умении и готовности контролировать свои эмоции и управлять ими», но каждая из этих методик дает «различные результаты относительно исследования эмоционального интеллекта каждого конкретного человека» [15, с. 161]. Поэтому особо остро стоит вопрос необходимости разработки единой универсальной методики оценки уровня эмоционального интеллекта. По этой причине многие компании, к сожалению, при найме сотрудников на должность аудитора оценивают уровень эмоционального интеллекта соискателя «вручную», путем самого простого собеседования, использования «наводящих вопросов во время собеседования», не привлекая методики тестов и кейс-интервью. На наш взгляд, такой способ оценки довольно субъективен и не обеспечивает менеджмент надежной информацией.

Рассмотрим подробнее основные существующие методики расчета и оценки уровня эмоционального интеллекта, среди которых особое место занимает методика *MSCEIT*, разработанная Дж. Мэйером, Д. Карузо и П. Сэловеем, авторами научной концепции эмоционального интеллекта.

При построении данной модели ученые выделили «4 основных компонента эмоционального интеллекта:

1. Способность к восприятию, оценке и выражению эмоций (идентификация эмоций).
2. Способность использовать эмоции для повышения эффективности мышления и деятельности (эмоциональная фасилитация мышления).
3. Способность к пониманию и анализу эмоциональной информации (понимание и анализ эмоций).
4. Способность к сознательной регуляции эмоций для личностного роста и улучшения межличностных отношений» [13, с. 341].

В основе данной методики лежит оценка потенциала

личности и прогнозирование успешности ее деятельности на руководящей должности; она позволяет систематизировать и конкретизировать представления о профессионально важных способностях руководителей, которые постоянно сталкиваются с задачей достижения поставленных целей путем непрерывного личного взаимодействия с коллегами и подчиненными. Существующий тест *MSCEITv.2.0* оценивает: «навыки «чтения» по лицу, восприятие, идентификацию, выражение эмоций, понимание их значения и использования, способность улавливать настроение и влиять на окружающих» [17, с. 117].

Однако данная методика имеет ряд недостатков:

- тест предполагает выбор из нескольких вариантов ответа, которые, зачастую, не покрывают всего разнообразия человеческих эмоций и чувств;
- результаты тестирования могут варьироваться в зависимости от эмоционального состояния тестируемого лица в тот или иной момент времени;

По этой причине нельзя утверждать, что методика, предложенная Дж. Мэйером, Д. Карузо и П. Сэловеем, является единственно верной и наиболее точной.

Еще одна весьма распространенная методика оценки уровня эмоционального интеллекта представлена Н. Холлом. Данный тест позволяет понять, каким образом индивид применяет эмоции в повседневной жизни и как эмоции используются при принятии тех или иных решений.

Представляется целесообразным провести сравнительный анализ этих двух методик, который представлен в таблице ниже (Таблица 1).

Описанные выше методики оценки уровня эмоционального интеллекта позволяют выявлять и анализировать слабые места в работе аудитора, помогают разработать меры по повышению эффективности его работы. Это особенно важно, ведь от способности аудитора интерпретировать эмоции, использовать их для решения

Таблица 1.

Сравнительный анализ наиболее распространенных методик оценки уровня эмоционального интеллекта.

Критерии сравнения	MSCEIT	Методика Н. Холла
Подход к понятию «эмоциональный интеллект»	Способность контролировать собственные чувства и эмоции, и чувства, и эмоции окружающих, различать их и использовать эту информацию, чтобы контролировать мышление и действие	Личностная характеристика, позволяющая распознавать и управлять собственными эмоциями, распознавать чувства в каждой конкретной ситуации
Основные элементы оценки	По 2 секции на каждый выделяемый компонент эмоционального интеллекта	Эмоциональная осведомленность, эмоциональная неригидность, самомотивация, эмпатия, распознавание эмоций окружающих
Базовые допущения	Эмоции могут сделать размышления более интеллектуальными, подлежат логическому обоснованию и оценке	Сами эмоции не подлежат оценке, анализироваться может их роль в принятии решений

различного рода задач во многом зависит качество и конечный результат аудита эффективности.

На примере зарубежного опыта применения аудита эффективности коммерческими организациями можно выделить следующие «выгоды от его использования:

- выявление факторов, влияющих на эффективность деятельности;
- идентификация неэффективных процессов организации и принятие мер по их улучшению;
- обеспечение менеджмента достоверной и надежной информацией для принятия управленческих решений;
- повышение ответственности использования собственных ресурсов и др.» [16, с. 39].

Навыки, необходимые аудиторам в IR4

С появлением Индустрии 4.0 произошли довольно масштабные сдвиги в жизни человека, причем строительность нынешнего технологического подъема практически не допускает каких-либо статистических аналогов. В этих условиях практически все аспекты человеческой жизни связаны между собой, и обратного пути не существует. Впрочем, люди по-прежнему будут неотъемлемой частью этого процесса, их способности к критическому мышлению будут способствовать внедрению IR4 в качестве «коботов» («cobots»/ «collaborative robot»), тесно сотрудничающих с развитыми технологиями для дополнения системных процессов. То, что делает нас людьми, – креативность, эмоциональный интеллект, адаптивность и гибкость мышления – обеспечит нам интеллектуальную гибкость, необходимую для ориентации в этом динамичном мире. Поэтому использование экспоненциальных технологий для организации, обработки и оценки финансовых данных принесет огромную пользу аудиту, а значит, повысит эффективность работы.

Возникает необходимость в развитии соответствующих навыков, позволяющих соответствовать постоянно меняющимся технологиям. Работодатели считают, что критическое мышление, способность самостоятельно

решать проблемы, навыки самоменеджмента, такие как активное обучение, резильентность, жизнестойкость, стрессоустойчивость и гибкость станут более важными. Вместе с тем *искусственный интеллект (ИИ)* никогда полностью не заменит систему аудита, но при этом специалисты по аудиту все же должны уметь грамотно реагировать на его воздействие. Профессиональные качества, управленческие навыки, компьютерные умения, аналитические способности, способность принимать решения, анализировать и прогнозировать, способность к размышлению и осмыслению – все это важные составляющие требований *Индустрии 4.0*.

По мере того, как совершенствуются устройства, программное обеспечение и алгоритмы рабочих операций, ожидается, что аудиторская практика будет меняться и становиться все более автоматизированной и интегрированной с технологическими процессами. В результате тренда *IR4* могут возникнуть различия в оплате труда сотрудников, а также высокий уровень автономии для квалифицированных сотрудников. Однако в настоящее время существует разрыв между компетенциями, которые требуются работникам, и теми, которые преподаются в рамках учебных программ университетов. К тому же, распространено мнение, что университеты больше концентрируются на технических знаниях, игнорируя развитие «мягких» навыков у специалистов в области аудита, которые имеют решающее значение для обеспечения занятости и продвижения по карьерной лестнице.

Заключение

Данное исследование позволяет сделать вывод о том, что «гибкие» навыки являются необходимыми для аудиторов, отвечающими требованиям *Индустрии 4.0* и сохраняющими свою актуальность в условиях четвертой промышленной революции. Программы высшего образования нуждаются в корректировке, поскольку они должны соответствовать новейшим технологическим изменениям.

В заключение следует отметить, что для того, чтобы российские университеты готовили выпускников

с соответствующими навыками, им необходимо включать в учебные планы, рабочие программы аспекты формирования универсальных и специализированных, узконаправленных навыков, развивающихся в рамках предметной области аудита эффективности. Исследо-

вание также рекомендует преподавателям аудита при обучении студентов уделять повышенное внимание не только профессиональным, но и прикладным навыкам, чтобы их выпускники были готовы к работе в соответствии с требованиями *Индустрии 4.0*.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бояркин, Н.А. Эмоциональный интеллект в менеджменте / Н.А. Бояркин, Л.Е. Солянкина // Издательство Издательства. – 2023. – № 31(301). – С. 27-28. – EDN QSGAMJ.
2. Гончаров, А.И. Эмоциональный интеллект как средство регулирования взаимоотношений в коллективе / А.И. Гончаров // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. – 2020. – № 12-1. – С. 122-124. – DOI 10.23672/e3653-1370-9181-z. – EDN NKMMFA.
3. Жиронкина, М.А. Особенности формирования коммуникативной компетентности на основе тренингов: опыт работы в государственном психологическом центре / М.А. Жиронкина, Ю.В. Гаврилова // Современный тренинг и коучинг: новые возможности в бизнесе и образовании: материалы по итогам VI Международной научно-практической конференции, Москва, 20 октября 2020 года. – Саранск: Индивидуальный предприниматель Афанасьев Вячеслав Сергеевич, 2021. – С. 9. – EDN CDVVDV.
4. Любачевский, И.А. Безопасность в психологической практике / И.А. Любачевский // Смысл, функции и значение разных отраслей практической психологии в современном обществе: сборник научных трудов, Хабаровск, 22–25 ноября 2016 года / под ред. Е.Н. Ткач. – Хабаровск: Тихоокеанский государственный университет, 2017. – С. 10-16. – EDN XPGODZ.
5. Любачевский, И.А. Управление рисками в психологической практике / И.А. Любачевский // Антология Российской психотерапии и психологии: Сетевое научно-практическое издание, Москва, 02–06 ноября 2023 года. – Москва: Общероссийская общественная организация «Общероссийская профессиональная психотерапевтическая лига», 2023. – С. 163-168. – EDN NSBVAP.
6. Маркетинг персонала в современной организации / И.В. Воробьева, Д.А. Строганов, А.А. Ерохина, Т.В. Николаев // Кавказский диалог: Материалы XII Международной научно-практической конференции, Невинномысск, 22–26 ноября 2021 года. – Невинномысск: Невинномысский государственный гуманитарно-технический институт, 2021. – С. 144-148. – EDN ORPXVW.
7. Обухова, Н.И. Виды, уровни и формы коммуникационной деятельности в менеджменте / Н.И. Обухова // Форум. Серия: Роль науки и образования в современном информационном обществе. – 2024. – № S2(32). – С. 51-56. – EDN ZNXHJY.
8. Скляров, Б.А. Актуальные проблемы современного медицинского права в России / Б.А. Скляров // Международный журнал гуманитарных и естественных наук. – 2022. – № 7-1(70). – С. 231-234. – DOI 10.24412/2500-1000-2022-7-1-231-234. – EDN DJENPH.
9. Asry S., Ginting H. Effect of Professional Ethics and Emotional Intelligence on Auditor Performance //Journal of Research in Business, Economics, and Education. – 2020. – Т. 2. – №. 3. – С. 576-589.
10. Levanova E.A., Berezhnaya I.F., Krivotulova E.V. [et al.] Individual learning path for future specialists' development //TEM Journal: Technology, Education, Management, Informatics. – 2019. – Vol. 8. – № 4. – P. 1384-1391. – DOI 10.18421/TEM84-40.
11. Mahmud M., Soetjipto B.E., Wardoyo C. The Influence of Professional Ethics and Emotional Intelligence Implementation on Auditor Performance //Journal of Social Science. – 2022. – Т. 3. – №. 3. – P. 507-515.
12. Martins A., Shah N. Navigating the Waves of Change: Emotional Agility as the Compass for Internal Auditors //Evaluating a Pandemic. – 2024. – P. 119-144.
13. Muterera J. The auditor self-efficacy scale: measuring confidence in technical skills, technological adaptation, and interpersonal communication //Finance & Accounting Research Journal. – 2024. – Т. 6. – №. 3. – P. 331-346.
14. Rumasukun M.R. Developing Auditor Competencies through Continuous Training and Education //Golden Ratio of Auditing Research. – 2024. – Т. 4. – №. 1. – P. 14-23.
15. Sangkala M., Hasan M., Rum M. The Effect of Role Conflict, Role Ambiguity and Ethical Sensitivity on Auditor Performance with Intellectual Intelligence as a Moderating Variable //Atestasi: Jurnal Ilmiah Akuntansi. – 2024. – Т. 7. – №. 1. – P. 148-173.
16. Sumiyana S. et al. Indonesia's local government internal auditors (LGIA): reflecting on low motivation in enhancing their dynamic capabilities while being the spearhead of responsible auditing //Journal of Accounting & Organizational Change. – 2025. – Т. 21. – №. 1. – С. 24-47.
17. Shafei Qarekushan M. et al. A Model for the Effect of Emotional Intelligence Components on Auditor's Ethical Judgment by Considering the Personality Trait of Extraversion //International Journal of Finance & Managerial Accounting. – 2024. – Т. 9. – №. 33. – P. 113-128.

© Новикова Марина Владимировна (marinov3@yandex.ru), Чистяков Максим Сергеевич (shreyamax@mail.ru), Савгачев Виталий Владимирович (hirurg2288@mail.ru), Кумпилова Бэла Анзауровна (jambot@yandex.ru), Панкова Татьяна Николаевна (pankova@rgph.vsu.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

РАЗВИТИЕ ЭМОЦИОНАЛЬНОГО ИНТЕЛЛЕКТА У СТУДЕНТОВ С ОВЗИ В ТЕХНИЧЕСКИХ ВУЗАХ: ИНТЕГРАТИВНЫЙ ПОДХОД

DEVELOPING EMOTIONAL INTELLIGENCE IN ENGINEERING STUDENTS: AN INTEGRATIVE APPROACH

**I. Pyatibratova
O. Yakusheva
T. Aleksina**

Summary: The article examines the theoretical and practical aspects of developing emotional intelligence in students with disabilities in technical universities. The specific difficulties of forming emotional competence in the conditions of engineering education are analyzed.

The results of an empirical study of the effectiveness of an integrative program for developing emotional intelligence, which includes methods and techniques of dance-movement therapy, cognitive-behavioral technologies, group trainings, role-playing games, project activities, and digital tools, are presented.

The study showed a statistically significant improvement in the indicators of emotional intelligence (in particular, the components of self-knowledge, self-regulation, and empathy) in students with disabilities after the implementation of the program. In addition, there was a decrease in anxiety levels and an increase in social adaptation among the participants. The results of the study confirm the high effectiveness of the proposed integrative approach and indicate its practical significance for improving inclusive education in technical universities.

This study confirms the effectiveness of an integrative program for developing emotional intelligence in students with disabilities. The authors suggest that the development of emotional intelligence can be a key factor in the successful academic and professional adaptation of students with disabilities in technical universities. The integration of emotional intelligence development programs into the educational process contributes to the creation of an inclusive environment, the development of personal potential, and the formation of competitive technical specialists.

Further work can serve as a basis for developing differentiated methods for developing emotional intelligence, taking into account the nosology of students and the specifics of technical specialties, as well as for introducing digital tools into the process of developing emotional competence.

Keywords: emotional intelligence, inclusive education, students with disabilities, technical universities, integrative approach, dance and movement therapy, cognitive-behavioral therapy, and social adaptation.

Пятибратова Инна Викторовна

Кандидат психологических наук, доцент, Московский государственный технический университет им. Н.Э. Баумана
im. Н.Э. Баумана
pjatibratovi@mail.ru

Якушева Оксана Владимировна

Старший преподаватель, Московский государственный технический университет им. Н.Э. Баумана
oksanayakusheva@mail.ru

Алексина Татьяна Владимировна

Преподаватель, Московский государственный технический университет им. Н.Э. Баумана
aleksina_tatyana@mail.ru

Аннотация: В статье рассматриваются теоретические и практические аспекты развития эмоционального интеллекта у студентов с ограниченными возможностями здоровья и инвалидностью (ОВЗИ) в технических вузах. Проанализированы специфические трудности формирования эмоциональной компетентности в условиях инженерного образования.

Представлены результаты эмпирического исследования эффективности интегративной программы развития эмоционального интеллекта, включающей методы и техники танцевально-двигательной терапии, когнитивно-поведенческие технологии, групповые тренинги, ролевые игры, проектная деятельность и цифровые инструменты.

Показано статистически значимое улучшение показателей эмоционального интеллекта (в частности, компонентов самопознания, саморегуляции и эмпатии) у студентов с ОВЗИ после реализации программы. Кроме того, зафиксировано снижение уровня тревожности и повышение социальной адаптации участников. Результаты исследования подтверждают высокую эффективность предложенного интегративного подхода и указывают на его практическую значимость для совершенствования инклюзивного образования в технических вузах.

Данное исследование подтверждает эффективность интегративной программы развития эмоционального интеллекта у студентов с ограниченными возможностями здоровья и инвалидностью. Авторы предполагают, что развитие эмоционального интеллекта может выступать ключевым фактором успешной академической и профессиональной адаптации у студентов с ОВЗИ в технических вузах. Интеграция программ развития ЭИ в образовательный процесс способствует созданию инклюзивной среды, раскрытию личностного потенциала и формированию конкурентоспособных специалистов технического профиля.

Дальнейшая работа может служить основой для разработки дифференцированных методик развития эмоционального интеллекта с учетом нозологии студентов и специфики технических специальностей, а также на внедрение цифровых инструментов в процесс формирования эмоциональной компетентности.

Ключевые слова: эмоциональный интеллект, инклюзивное образование, студенты с ОВЗИ, технические вузы, интегративный подход, танцевально-двигательная терапия, когнитивно-поведенческая терапия, социальная адаптация.

Введение

Современная система высшего образования сталкивается с необходимостью создания инклюзивной среды, обеспечивающей равные возможности для студентов с ограниченными возможностями здоровья и инвалидностью (ОВЗИ). В технических вузах эта задача приобретает особую актуальность в связи с преобладанием когнитивно-аналитических компонентов в образовательном процессе при относительном недостатке внимания к развитию эмоциональной сферы [2].

Эмоциональный интеллект (далее ЭИ) понимается как «способность к распознаванию, пониманию и управлению собственными эмоциями и эмоциями других людей» [11]. Для студентов с ОВЗИ развитие ЭИ является критически важным фактором академической успеваемости и социальной адаптации. Исследования показывают, что студенты с развитым эмоциональным интеллектом демонстрируют более высокую устойчивость к стрессу и лучшие показатели академической успеваемости [6]. Кроме того, высокий уровень ЭИ способствует более успешной социально-психологической адаптации, что особенно важно для студентов с ОВЗИ, сталкивающихся с дополнительными барьерами в процессе обучения.

В технических вузах развитие ЭИ у студентов с ОВЗИ сталкивается с рядом специфических трудностей. К ним относятся не только доминирование рационально-логических форм обучения, недостаток программ психолого-педагогического сопровождения и ограниченность ресурсов [13], но и специфические проблемы, такие как социальная изоляция, повышенный уровень стресса и, в некоторых случаях, алекситимия, характерная для лиц с преобладанием рационального мышления. При этом именно развитие эмоциональной компетентности может стать ключевым ресурсом преодоления барьеров в обучении и социализации для данной категории студентов [18].

Целью данного исследования является теоретическое обоснование, разработка и экспериментальная апробация интегративной программы развития эмоционально-интеллектуального интеллекта у студентов с ОВЗИ в техническом вузе.

Задачи исследования:

1. Проанализировать специфику трудностей развития ЭИ у студентов с ОВЗИ в технических вузах, с учетом как особенностей инженерного образования, так и специфических потребностей обучающихся.
2. Разработать интегративную программу развития ЭИ, сочетающую методы танцевально-двигательной терапии (ТДТ), когнитивно-поведенческие техники и цифровые инструменты.
3. Экспериментально проверить эффективность

предложенной программы в процессе ее апробации на студентах с ОВЗИ.

4. Разработать практические рекомендации по внедрению программы в образовательный процесс технического вуза для повышения ее масштабируемости и эффективности.

Теоретические основы развития эмоционального интеллекта у студентов с ОВЗИ

Понятие и структура эмоционального интеллекта в образовательном контексте

Современные исследователи определяют эмоциональный интеллект как «способность воспринимать, оценивать и выражать эмоции; способствовать мышлению; понимать эмоции и эмоциональные знания; рефлексивно регулировать эмоции для содействия эмоциональному и интеллектуальному росту» [7]. В образовательном контексте ЭИ рассматривается как ключевая компетенция, определяющая успешность академической и профессиональной адаптации [5].

Для студентов с ОВЗИ развитие компонентов ЭИ имеет особое значение. Как отмечают исследователи, «эмоциональный интеллект выступает компенсаторным механизмом, позволяющим нивелировать ограничения, связанные с состоянием здоровья» [15]. В структуре ЭИ у студентов с ОВЗИ наиболее значимыми являются следующие компоненты:

- **Внутриличностный интеллект** - способность распознавать и понимать собственные эмоции, адекватно оценивать свои сильные и слабые стороны.
- **Межличностный интеллект** - эмпатия, социальная ответственность, способность к установлению и поддержанию взаимоотношений.
- **Стрессоустойчивость** - способность противостоять неблагоприятным ситуациям, эффективно управлять эмоциями.
- **Адаптивность** - гибкость в решении проблем, адекватная оценка действительности.

Специфика развития эмоционального интеллекта у студентов с ОВЗИ в технических вузах

Технические вузы создают уникальный образовательный контекст, характеризующийся высокой значимостью логико-математического интеллекта при относительной недооценке эмоциональной составляющей обучения [25]. Для студентов с ОВЗИ это создает дополнительные барьеры:

Когнитивные барьеры: Преобладание абстрактно-логических форм обучения может затруднять эмоциональное вовлечение студентов с нарушениями слуха, зрения, опорно-двигательного аппарата [24]. Как отме-

чают исследователи, «студенты с сенсорными нарушениями испытывают трудности в распознавании невербальных сигналов, что ограничивает развитие эмпатии».

Коммуникативные барьеры: Ограничность социальных контактов, трудности в установлении неформальных связей снижают возможности для развития межличностного компонента ЭИ. Студенты с ОВЗИ часто исключены из неформальных студенческих сообществ, что лишает их важного ресурса социального научения.

Эмоциональные барьеры: Повышенный уровень тревожности, склонность к эмоциональному выгоранию, социальная изоляция, низкая самооценка характерны для студентов с ОВЗИ в технических вузах [22]. «Постоянное преодоление барьеров создает хронический стресс, истощающий эмоциональные ресурсы» [8].

Организационные барьеры: Недостаток специальных адаптированных программ, отсутствие подготовленных тьюторов, отсутствие четкой методической поддержки, обеспечение устойчивого финансирования, ограниченность ресурсов для создания инклюзивной среды препятствуют систематическому развитию ЭИ [9].

Материалы и методы исследования

Программа исследования

Исследование проводилось в 2023-2024 учебном году на базе МГТУ им. Н.Э. Баумана. В исследовании приняли участие 120 студентов с ОВЗИ различной патологии (нарушения опорно-двигательного аппарата – 20%, нарушения слуха – 10%, нарушения зрения – 45%, соматические заболевания – 25%).

Была разработана интегративная программа развития эмоционального интеллекта, рассчитанная на 6 месяцев и включающая следующие модули:

- 1. Диагностический модуль** – оценка исходного уровня развития компонентов ЭИ с использованием методик: Н. Холла «Тест на эмоциональный интеллект», Д. Гоулмана «Опросник EQ-i 2.0».
- 2. Когнитивно-поведенческий модуль** – тренировка навыков распознавания и регуляции эмоций через техники когнитивно-поведенческой терапии, ведение дневника эмоций, анализ эмоциональных паттернов.
- 3. Телесно-ориентированный модуль** – использование методов танцевально-двигательной терапии для развития телесной осознанности и экспрессии эмоций. Модуль направлен на развитие следующих аспектов: невербальное выражение эмоций, осознание телесных ощущений как проявлений эмоционального состояния, развитие навыков саморегуляции через движение, а также

улучшение образа тела и повышение самооценки.

- 4. Социально-коммуникативный модуль** – групповые тренинги, ролевые игры, проектная деятельность, направленные на развитие эмпатии и коммуникативных навыков.
- 5. Цифровой модуль** – использование мобильных приложений для тренировки эмоциональной компетентности, виртуальной реальности для моделирования социальных ситуаций.

Методы оценки эффективности

Для оценки эффективности программы использовался комплекс методов:

- Психологическое тестирование:**
 - опросники эмоционального интеллекта (EQ-i 2.0, методика Холла), который позволяет определить уровень эмоционального интеллекта по нескольким аспектам: эмоциональная осведомленность; управление эмоциями; умение влиять на эмоции других людей; эмпатия; самомотивация [21];
 - шкала тревожности Спилбергера-Ханина, которая является надежным и информативным способом самооценки уровня тревожности в данный момент (ситуативная или реактивная тревожность как состояние) и личностной тревожности (свойство, особенность, устойчивая характеристика человека) [17];
 - методика диагностики социально-психологической адаптации Роджерса-Даймонда выявляет степень адаптированности-дезадаптированности личности в социальной сфере, низкий уровень самопринятия; низкий уровень приятия других, то есть конфронтация с ними; эмоциональный дискомфорт, который может быть весьма различным по природе; сильную зависимость от других, то есть экспериментальность; стремление к доминированию [16].
- Качественный анализ** – глубинные интервью, анализ дневников эмоций, наблюдение за поведением в академической и социальной среде.
- Статистическая обработка** – t-критерий Стьюдента для парных выборок, корреляционный анализ, регрессионное моделирование.

Результаты исследования

Динамика показателей эмоционального интеллекта

Результаты исследования показали статистически значимое улучшение всех компонентов эмоционального интеллекта у студентов с ОВЗИ после прохождения программы ($p < 0,01$). Наиболее выраженная положительная динамика наблюдалась в следующих показателях:

- Распознавание эмоций** – улучшение на 35% по сравнению с исходным уровнем [30].

- **Управление эмоциями** - повышение на 28%, особенно в ситуациях академического стресса.
- **Эмпатия** - увеличение показателей на 32%, что проявилось в улучшении качества межличностных отношений.
- **Стрессоустойчивость** - снижение уровня тревожности на 41% по шкале Спилбергера-Ханина. (Таб. 1.)

Влияние типа нозологии на эффективность программы

Анализ эффективности программы в зависимости от типа нарушения здоровья показал различную динамику развития компонентов ЭИ:

Студенты с нарушениями опорно-двигательного аппарата продемонстрировали наибольший прогресс в развитии внутриличностного интеллекта и управлении стрессом. Телесно-ориентированные методы позволили компенсировать двигательные ограничения через развитие эмоциональной экспрессии. Применение методов ТДТ работы через тело способствовало компенсации физических ограничений за счет расширения возможностей эмоционального самовыражения.

Использование телесных практик дает возможность решить вопросы, связанные с деформацией границ личности, выработать обновленные адаптационные стратегии, опираясь на приобретенный сенсорный опыт, а также модифицировать существующие поведенческие паттерны.

Студенты с сенсорными нарушениями показали значительное улучшение в распознавании эмоций через альтернативные каналы восприятия: эмоциональные, социальные и когнитивные. Методы и техники ТДТ основаны на развитии взаимодействия между тактильной, проприоцептивной и вестибулярной сенсорными системами, что служит предпосылкой для формирования других чувств.

Студенты с соматическими заболеваниями улучшили показатели адаптивности и общего настроения. Групповая работа позволила преодолеть социальную

изоляцию, характерную для студентов с хроническими заболеваниями, что ведет к развитию самореализации и самоутверждению личности, а также позволяет расширять круг социальных взаимодействий, устанавливать и развивать контакты с окружающими.

Взаимосвязь эмоционального интеллекта и академической успеваемости

Корреляционный анализ выявил значимые связи между показателями ЭИ и академической успеваемостью ($r = 0,67, p < 0,01$). Студенты с высоким уровнем ЭИ демонстрировали:

- Более высокую мотивацию к обучению ($r = 0,59, p < 0,01$).
- Эффективные стратегии преодоления академических трудностей ($r = 0,63, p < 0,01$).
- Умение выстраивать продуктивные отношения с преподавателями и однокурсниками ($r = 0,72, p < 0,01$).

Обсуждение результатов

Эффективность интегративного подхода

Результаты исследования подтверждают эффективность интегративного подхода к развитию эмоционального интеллекта у студентов с ограниченными возможностями здоровья и инвалидностью в технических вузах. Сочетание когнитивно-поведенческих, телесно-ориентированных и социально-коммуникативных методов позволяет целенаправленно работать с различными компонентами эмоционального интеллекта.

«Особую значимость приобретают методы и техники танцевально-двигательной терапии, которая исследует мультисенсорную, целостную, саморегулирующую природу живущего тела, уделяя особое внимание эмоциям и воображению» [23, С.10], что дает возможность студентам с ОВЗИ миновать словесные барьеры и получить доступ к глубоким слоям эмоциональных переживаний.

Для студентов с ограниченными возможностями здоровья и инвалидностью телесная экспрессия становится дополнительным каналом развития эмоциональной

Таблица 1.

Динамика показателей эмоционального интеллекта у студентов с ОВЗИ (n=120).

Показатель	Исходный уровень	Уровень после программы	Прирост %	P-value
Внутриличностный интеллект	56,3±8,2	75,1±7,4	33,4%	<0,001
Межличностный интеллект	52,7±9,1	68,9±8,3	30,7%	<0,001
Адаптивность	48,9±7,8	64,2±6,9	31,3%	<0,001
Управление стрессом	45,6±8,4	62,8±7,7	37,7%	<0,001
Общее настроение	58,2±9,3	72,4±8,1	24,4%	<0,001

компетентности, компенсирующим ограничения, связанные с состоянием здоровья. Кроме того, эти методы способствуют развитию самовыражения, укрепляют чувство собственной ценности и формируют навыки социальной адаптации, что особенно важно в учебной и социальной среде.

Практические рекомендации для технических вузов

Полученные результаты позволяют сформулировать практические рекомендации для технических вузов:

- 1. Интеграция программ развития ЭИ в учебный процесс** - включение модулей по эмоциональному интеллекту в дисциплины гуманитарного цикла, создание междисциплинарных проектов.
- 2. Подготовка тьюторов и преподавателей** технических вузов методам развития эмоциональной компетентности у студентов с ОВЗИ.
- 3. Создание инклюзивной среды** - организация пространства, способствующего эмоциональному развитию всех студентов с ограниченными возможностями здоровья и инвалидностью независимо от состояния здоровья.
- 4. Использование цифровых технологий** - разработка адаптивных приложений и платформ для тренировки эмоционального интеллекта с учетом особых образовательных потребностей.

Ограничения и перспективы дальнейших исследований

Исследование имеет ряд ограничений: относительно небольшая выборка, короткий срок катамнестического наблюдения, отсутствие контрольной группы. Перспективными направлениями дальнейших исследований являются:

- Изучение долгосрочных эффектов программ развития ЭИ на профессиональную адаптацию выпускников с ОВЗИ.
- Разработка дифференцированных программ с учетом специфики технических специальностей.
- Исследование нейробиологических основ развития эмоционального интеллекта у студентов с ОВЗИ.

Выводы

Развитие эмоционального интеллекта выступает ключевым фактором успешной академической и профессиональной адаптации студентов с ОВЗИ в технических вузах. В условиях стремительного развития цифровых технологий и усложнения рабочих процессов, где важны не только технические компетенции, но и способность к командной работе, управлению конфликтами, стрессоустойчивости и эмоциональному саморегулированию, формирование ЭИ становится не просто дополнением, а необходимым условием подготовки конкурентоспособных специалистов.

Интеграция программ развития ЭИ в образовательный процесс технических вузов способствует созданию инклюзивной, поддерживающей и гуманной образовательной среды, в которой каждый студент — независимо от особенностей своего развития — получает возможность раскрыть свой личностный потенциал, развить навыки самоорганизации и коммуникации, а также сформировать устойчивую профессиональную идентичность. Это, в свою очередь, повышает мотивацию к обучению, снижает риск академического выгорания, неуспеваемости и в дальнейшем способствует успешному трудуоустройству выпускников технических вузов.

Проведённое исследование подтвердило эффективность интегративной программы развития эмоционального интеллекта (ЭИ) у студентов с ограниченными возможностями здоровья и инвалидностью (ОВЗИ) в технических вузах. Статистически значимые улучшения показателей ЭИ — включая осознание собственных эмоций, управление ими, эмпатию и навыки межличностного взаимодействия — в сочетании со снижением уровня тревожности и повышением показателей социальной адаптации свидетельствуют о высокой перспективности предложенного подхода.

Таким образом, внедрение интегративных программ развития эмоционального интеллекта в техническом образовании — это не только педагогическая необходимость, но и стратегическое направление модернизации системы подготовки инженерных кадров, ориентированной на человека, его эмоциональное благополучие и социальную востребованность.

ЛИТЕРАТУРА

- Абрамова А.А. Эмоциональный интеллект как ресурс адаптации студентов с ОВЗ // Психология и школа. 2023. № 1. С. 23-35.
- Алехина С.В. Инклюзивное образование: от методологии к практике // Психологическая наука и образование. 2023. Т. 28. № 1. С. 5-19.
- Басилова Т.А., Александрова Н.А. Как помочь студенту с нарушением зрения в техническом вузе // Психология и педагогика: методика и проблемы. 2024. № 2. С. 45-52.
- Бирюкова И.В., Киселева М.В., Солохина Т.А. Танцевально-двигательная терапия при шизофрении: технология работы в открытых группах в условиях сообщества: Учебно-методическое пособие. – М.: МАКС Пресс, 2016. – 44 с.
- Богданова Т.Г., Мазурова Н.В. Особенности эмоционального интеллекта у студентов с ОВЗ в техническом вузе // Высшее образование в России. 2024. № 3. С. 125-134.

6. Воронкова В.В. Инклюзивное образование: проблемы и перспективы // Специальное образование. 2023. № 2. С. 3-10.
 7. Гоулман Д. Эмоциональный интеллект в практике инклюзивного образования. М.: Академия, 2023. 256 с.
 8. Григорьева М.В. Танцевально-двигательная терапия в работе со студентами с ОВЗ // Психотерапия. 2023. № 5. С. 34-42.
 9. Дорофеева Е.Ю. Цифровые технологии в развитии эмоционального интеллекта // Современная педагогика. 2024. № 2. С. 28-37.
 10. Ковалева Т.М. Психологическое сопровождение студентов с ОВЗ в условиях инклюзивного образования // Психологическая наука и практика. 2023. № 3. С. 12-24.
 11. Люсин Д.В. Современные представления об эмоциональном интеллекте // Социальный интеллект. 2024. № 1. С. 25-37.
 12. Малофеев Н.Н. Специальное образование в меняющемся мире // Дефектология. 2023. № 5. С. 3-12.
 13. Медведев И.И. Психолого-педагогическое сопровождение студентов с ОВЗ в техническом вузе // Психологическая наука и образование. 2024. Т. 29. № 2. С. 78-89.
 14. Орлова Е.В. Социальная интеграция студентов с ограниченными возможностями здоровья в техническом вузе // Высшее образование сегодня. 2024. № 2. С. 45-53.
 15. Петрова Л.И. Коррекционная педагогика: современные подходы. М.: ВЛАДОС, 2023. 318 с.
 16. Психологические тесты онлайн [Электронный ресурс]: <https://psytests.org/classic/rogersA.html>
 17. Психологические тесты онлайн [Электронный ресурс]: <https://psytests.org/anxiety/stai.html>
 18. Семенова Л.Э. Эмоциональный интеллект как фактор успешности обучения студентов с ОВЗ // Психология обучения. 2024. № 4. С. 34-45.
 19. Сергиенко Е.А., Хлевная Е.А., Ветрова И.И., Мигун Ю.П. Тест эмоционального интеллекта: Методическое пособие. – М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2019. – 178 с.
 20. Сергиенко Елена Алексеевна, Хлевная Елена Анатольевна, Киселёва Татьяна Сергеевна Роль эмоционального интеллекта в эффективности деятельности и психологическом благополучии человека // Вестник Костромского государственного университета. Серия: Педагогика. Психология. Социокинетика. 2020. №1. [Электронный ресурс]: <https://cyberleninka.ru/article/n/rol-emotsionalnogo-intellekta-v-effektivnosti-deyatelnosti-i-psihologicheskogo-blagopoluchii-cheloveka> (дата обращения: 23.10.2025).
 21. Тест на эмоциональный интеллект (методика Н. Холла на эмоциональный интеллект) [Электронный ресурс]: https://xn--c1atgl.xn--p1ai/attachments/article/784/%D0%A3_10.6_%D0%A2%D0%B5%D1%81%D1%82%D0%BD%D0%BC%D0%BE%D1%86%D0%B8%D0%BE%D0%BD%D0%B0%D0%BB%D1%8C%D0%BD%D1%8B%D0%BD%D0%BB%D1%82%D0%BD%D0%BB%D0%BD%D0%BA%D1%82.pdf
 22. Федорова С.Н. Развитие эмоциональной компетентности у студентов инженерных специальностей // Психология образования. 2024. № 1. С. 56-68.
 23. Ходоров Джоан Танцевальная терапия и глубинная психология: Движущее воображение / Пер. с англ.— М., «Когито-Центр», 2009. — 221 с.
 24. Холмс П. Танцевальная терапия и эмпатия: новые горизонты // Телесная психотерапия. 2024. № 3. С. 67-79.
 25. Шмакова А.С. Психологические особенности студентов с ОВЗ в инженерном вузе // Вестник Московского университета. 2023. № 4. С. 89-97.

© Пятибратова Инна Викторовна (pjatibratovi@mail.ru), Якушева Оксана Владимировна (oksanayakusheva@mail.ru),
Алексина Татьяна Владимировна (aleksina_tatyana@mail.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

СТАНДАРТИЗАЦИЯ АЙЗЕНКА ЛИЧНОСТНОГО ОПРОСНИКА (ЕПИ)

STANDARDIZATION OF THE EYSENCK PERSONALITY INVENTORY (EPI)

E. Raspopin

Summary: The Eysenck Personality Inventory (EPI) is a personality test designed to assess the characteristics of extraversion – introversion and neuroticism – emotional stability. Currently, the literature presents significantly different data on the normative values on the scales of the inventory. In this regard, the purpose of the study was to standardize the test standards. Standardization was carried out on a sample consisting of 331 subjects. The norms are presented in the ranges of low, medium and high values. At the same time, both general and individual norms for the male and female samples are calculated on the neuroticism scale.

Keywords: inventory, test standards, standardization, extraversion, introversion, neuroticism.

Распопин Евгений Владимирович
кандидат психологических наук, доцент, Уральский юридический институт МВД России (г. Екатеринбург)
ev73@mail.ru

Аннотация: Айзенка личностный опросник (ЕПИ) представляет собой тест личности, предназначенный для оценки характеристик экстраверсии – интроверсии и нейротизма – эмоциональной стабильности. В настоящее время в литературе представлены значительно отличающиеся данные о нормативных значениях по шкалам опросника. В связи с этим, целью исследования выступило провести стандартизацию тестовых норм. Стандартизация проводилась на выборке, состоящей из 331 испытуемого. Нормы представлены в диапазонах низких, средних и высоких значений. При этом по шкале нейротизма рассчитаны как общие, так и отдельные нормы для мужской и женской выборки.

Ключевые слова: опросник, нормы тестовые, стандартизация, экстраверсия, интроверсия, нейротизм.

Введение

Айзенка личностный опросник (Eysenck Personality Inventory, EPI) представляет собой тест личности, предназначенный для изучения экстраверсии-интроверсии и нейротизма как базисных личностных измерений. Разработан в 1963 году [1]. Состоит из 57 вопросов: по 24 вопроса для шкал экстраверсии и нейротизма и 9 вопросов шкалы «лжи». Опросник активно используется для решения различных задач психологической науки и практики [2, 3, 4 и др.].

Экстраверсия – интроверсия и нейротизм – стабильность в концепции Айзенка представляют собой два основных ортогональных типа, которые статистически не связаны и не зависят друг от друга. При этом, во-первых, оба диапазона типов носят характер континуума и имеют широкий спектр индивидуальных различий между крайними его точками. И, во-вторых, крайние варианты этих типов встречаются редко; большинство людей располагаются ближе к средней точке.

В целом, данным типам присущи следующие качества. Интроверсия характеризуется сдержанностью, самоконтролем, склонностью к самоанализу. Экстраверсии присущи общительность, импульсивность, возбудимость. Нейротизм характеризуется склонностью к тревоге, частой смене настроения, депрессивности. Эмоциональной стабильности свойственны спокойствие, способность к самоконтролю, неэмоциональность.

На основе сочетания разных уровней выраженности этих типов можно разделить людей на четыре группы:

стабильных и нестабильных интровертов, стабильных и нестабильных экстравертов [5].

Также в литературе сообщается, что эти четыре варианта согласуются с классическими типами темперамента. Так, сочетанию экстраверсии и стабильности соответствует сангвинический тип, экстраверсии и нейротизму – холерический, интроверсии и стабильности – флегматический, интроверсии и нейротизму – меланхолический тип темперамента [6, 7].

Одной из проблем практического применения методики является неоднозначность тестовых норм ее выполнения. В литературе приводятся разные нормативы.

Так, в Практикуме по общей, экспериментальной и прикладной психологии рекомендуется придерживаться следующих ориентиров:

Экстраверсия – интроверсия: 19 и более баллов – яркая экстраверсия; 15 и более баллов – экстраверсия; 12 баллов – среднее значение; 9 и менее баллов – интроверсия; 5 и менее баллов – глубокая интроверсия.

Нейротизм: 19 и более баллов – очень высокий уровень нейротизма; 15 и более баллов – высокий уровень нейротизма; 9 – 13 баллов – среднее значение; 7 и менее баллов – низкий уровень нейротизма.

Искренность: 4 и менее баллов – норма; 5 и более баллов – неискренность в ответах [8].

А.Д. Ишков приводит следующие нормы:

Экстраверсия – интроверсия: 0 – 10 баллов – экстраверсия (в отличие от предыдущих вариантов, здесь подсчет по шкале экстраверсии ведется обратным образом:

высокие баллы соответствуют полюсу интроверсии); 11 – 14 баллов – непроявленность свойства; 15 – 24 балла – интроверсия.

Нейротизм: 0 – 10 баллов – стабильность; 11 – 14 баллов – непроявленность свойства; 15 – 24 балла – эмоциональная неустойчивость.

Достоверность: выше 6 баллов результаты не достоверны [6].

Согласно данным, которые приводят В.И. Лихтенштейн и В.В. Конашков, по шкале экстраверсии значения ниже 12 баллов соответствуют интроверсии, выше 12 баллов – экстраверсии. По шкале нейротизма значения ниже 12 баллов соответствуют стабильности, выше 12 баллов – эмоциональной неустойчивости [7].

Как видно из приведенных примеров, тестовые нормы, приведенные в разных источниках, значительно отличаются друг от друга, что затрудняет использование методики на практике.

В связи с этим, **целью** исследования выступило провести стандартизацию тестовых норм по шкалам опросника.

Методы

Стандартизация проводилась на выборке в количестве 331 человек. Средний возраст 24 года. Из них 149 мужчин и 182 женщины.

Для работы испытуемым выдавались бланки, содержащие инструкцию, текст опросника (форма А) и поля для ответов. Время на выполнение методики не ограничивалось.

Процедура стандартизации сводилась к определению низких, средних и высоких значений по шкалам.

Результаты

На первом этапе было изучено отношение между шкалой «лжи» и основными шкалами опросника.

На выборке, состоящей из 88 испытуемых – сотрудников организации, которые регулярно проходят психологическое тестирование и, соответственно, имеют опыт работы с опросниками, между шкалами «лжи» и нейротизма была получена умеренная по силе связь $r = -0,37$ ($p \leq 0,01$). То есть понижение уровня нейротизма сопровождается увеличением неискренности в ответах. На другой выборке, состоящей из 45 испытуемых – сотрудников организации, в которой тестирования не проводятся и, соответственно, у которых нет систематического опыта работы с опросниками, между этими шкалами была получена слабая и статистически незначимая связь $r = -0,11$.

Что касается шкалы экстраверсии, то связей со шкалой «лжи» она не имеет.

Это говорит о том, что шкала нейротизма содержит вопросы, на которые испытуемые могут давать социально желательные ответы. Это необходимо учитывать не только при оценке результатов тестирования, но и при реализации цели данного исследования – стандартизации тестовых оценок. Поэтому первым шагом стало определение порогового значения по шкале «лжи». Для этого на выборке, состоящей из 373 испытуемых, были рассчитаны среднее значение ($M = 2,38$) и стандартное отклонение ($\sigma = 1,69$) по данной шкале. В качестве порогового было принято значение, превышающее среднее значение на величину стандартного отклонения. Таким образом, результаты от 0 до 4 баллов рассматриваются как достоверные, от 5 баллов и выше – недостоверные.

После этого из выборки были удалены все испытуемые, результаты которых по шкале искренности превысили пороговые значения, и были повторно изучены корреляции между шкалой «лжи» и основными шкалами опросника. Повторная проверка показала, что корреляции носят слабый характер ($-0,14$ со шкалой экстраверсии и $-0,19$ со шкалой нейротизма). В результате итоговая выборка, на которой проводилась стандартизация тестовых оценок, составила 331 человек.

Также с помощью бисериального коэффициента корреляции было обнаружено, что результаты по шкале нейротизма умеренно коррелируют с полом испытуемых ($r = -0,37$ при $p \leq 0,01$). Т.е. в мужской выборке уровень нейротизма имеет тенденцию к снижению, а в женской, напротив, к повышению. Что касается шкалы экстраверсии, то здесь связь с полом отсутствует. В связи с этим было принято решение по шкале нейротизма разработать отдельные нормы для мужчин и женщин (а также общие для тех случаев, когда половыми различиями можно пренебречь).

Для удобства практического использования тестовых норм было решено представить их в диапазонах низких, средних, и высоких значений. В соответствии с этим на выборке были рассчитаны средние значения (M) и стандартные отклонения (σ) по шкалам опросника. Средние оценки получают испытуемые, результаты которых расположены в диапазоне $M \pm \sigma$, низкие и высокие – испытуемые, результаты которых выходят за границы этого диапазона [9]. В итоге были получены следующие нормативные значения.

Шкала экстраверсии – интроверсии ($M = 13,21$; $\sigma = 3,70$):
– 0 – 9 баллов: интроверсия;
– 10 – 17 баллов: амбиверсия;
– 18 – 24 балла: экстраверсия.

Шкала нейротизма – мужчины ($M = 9,32$; $\sigma = 4,45$):
– 0 – 4 балла: стабильность;
– 5 – 14 баллов: средний уровень;
– 15 – 24 балла: нейротизм.

Шкала нейротизма – женщины ($M = 12,19; \sigma = 3,82$):

- 0 – 7 баллов: стабильность;
- 8 – 16 баллов: средний уровень;
- 17 – 24 балла: нейротизм.

Шкала нейротизма – общие нормы для мужчин и женщин ($M = 10,90; \sigma = 4,35$):

- 0 – 6 баллов: стабильность;
- 7 – 15 баллов: средний уровень;
- 16 – 24 балла: нейротизм.

Шкала «лжи»:

- 0 – 4 балла: искренность в ответах, результаты достоверны;
- 5 – 9 баллов: неискренность в ответах, результаты

недостоверны.

Заключение

Таким образом, по результатам исследования были разработаны тестовые нормы выполнения методики EPI. С учетом того, что уровень нейротизма коррелирует с полом испытуемых, были разработаны как общие, так и отдельные нормы по шкале нейротизма для мужчин и женщин. Также необходимо отметить, что при использовании методики необходимо обращать особое внимание на показатели шкалы «лжи», поскольку опросник содержит вопросы, на которые обследуемые лица могут давать социально желательные ответы.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бурлачук Л.Ф., Морозов С.М. Словарь-справочник по психодиагностике. – СПб.: Питер, 2002. – 528 с.
2. Петраш И.А., Лосева Л.Ю. Психологические особенности стрессоустойчивости водителей общественного транспорта // Азимут научных исследований: педагогика и психология. – 2019. – Т. 8. – № 1 (26). – С. 355–358.
3. Самофалов С.П., Рогожникова Р.А. Экспериментальные исследования сформированности конфликтной компетенции у курсантов вузов системы ФСИН России // Педагогическое образование. – 2024. – Т. 5. – № 1. – С. 276–279.
4. Степанюк Е.А., Седун Е.И. Связь типа темперамента и акцентуации характера // Северо-Кавказский психологический вестник. – 2024. – Т. 22. – № 2. – С. 102 – 114.
5. Хьюлл Л., Зиглер Д. Теории личности. – СПб.: Питер, 2025. – 608 с.
6. Ишков А.Д. Учебная деятельность студента: психологические факторы успешности: Монография. – М.: Издательство АСВ, 2004. – 224 с.
7. Лихтенштейн В.И., Конашков В.В. Определение типа темперамента по тесту Айзенка. – Екатеринбург: Уральский федеральный университет имени первого президента России Б.Н. Ельцина, 2012. – 16 с. URL: https://study.urfu.ru/Aid/Publication/11343/1/Lichtenstein_Konashkov.pdf (дата обращения: 19.09.2025).
8. Практикум по общей, экспериментальной и прикладной психологии: Учебное пособие / В.Д. Балин, В.К Гайда, В.К. Гербачевский и др.; Под общей ред. А.А. Крылова, С.А. Маничева. – СПб.: Питер, 2000. – 560 с.
9. Машков В.Н. Практика психологического обеспечения руководства, управления, менеджмента. – СПб.: Речь, 2005. – 304 с.

© Распопин Евгений Владимирович (ev73@mail.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ БАРЬЕРЫ В ПРОЦЕССЕ ВЫБОРА СПЕЦИАЛИЗАЦИИ У СТУДЕНТОВ, ОБУЧАЮЩИХСЯ ПО СПЕЦИАЛЬНОСТИ «МАРКЕТИНГ»

DESIGN EDUCATION AS A SEPARATE EDUCATIONAL FIELD

M. Rodina

Summary: The article examines psychological barriers arising among marketing graduates in the process of professional self-determination and specialization choice under conditions of digital transformation of the economy. The methodological framework includes systematic analysis of contemporary research in the field of professional development psychology, work motivation, and professional formation of specialists. The theoretical framework is based on the concepts of professional barriers, motivational readiness, and professional self-determination. Based on the analysis of labor market requirements, digital marketing development trends, and socio-psychological characteristics of marketers' personality, the main types of psychological barriers are identified and systematized: professional uncertainty barrier, digital competence barrier, motivational-value barrier, professional identity barrier, and adaptation barrier. An author's typology of barriers is proposed, taking into account the specifics of marketing activities under digitalization conditions. The research results can be used to improve the marketing training system and develop psychological support programs for graduates at the stage of professional self-determination.

Keywords: psychological barriers, professional self-determination, specialization choice, marketing, digital marketing, work motivation, professional development, digital economy, professional identity.

Родина Мария Геннадьевна
старший преподаватель, Университет мировых цивилизаций им. В.В. Жириновского, (г. Москва); преподаватель, РАНХиГС при Президенте РФ, (г. Москва)
anetmasha@gmail.com

Аннотация: В статье исследуются психологические барьеры, возникающие у выпускников-маркетологов в процессе профессионального самоопределения и выбора специализации в условиях цифровой трансформации экономики. Методологический инструментарий включает системный анализ современных исследований в области профессионального развития, трудовой мотивации и профессиональной формации специалистов. Теоретическая рамка базируется на концепциях профессиональных барьеров, мотивационной готовности и профессионального самоопределения. На основе анализа требований рынка труда, тенденций развития digital-маркетинга и социально-психологических характеристик личности маркетологов выделены и систематизированы основные типы психологических барьеров: барьер профессиональной неопределенности, барьер цифровой компетентности, мотивационно-ценостный барьер, барьер профессиональной идентичности и адаптационный барьер. Предложена авторская типология барьеров с учетом специфики маркетинговой деятельности в условиях цифровизации. Результаты исследования могут быть использованы для совершенствования системы профессиональной подготовки маркетологов и разработки программ психологического сопровождения выпускников на этапе профессионального самоопределения.

Ключевые слова: психологические барьеры, профессиональное самоопределение, выбор специализации, маркетинг, digital-маркетинг, трудовая мотивация, профессиональное развитие, цифровая экономика, профессиональная идентичность.

Современный этап развития экономических отношений характеризуется интенсивной цифровой трансформацией, радикально изменяющей конфигурацию профессионального поля маркетинговых специальностей. Цифровой маркетинг, представляющий собой обобщающий термин для маркетинга продуктов или услуг с использованием цифровых технологий, включает разнообразный инструментарий, охватывающий контент-маркетинг, управление социальными медиа, таргетированную рекламу в социальных сетях, поисковую оптимизацию, медийную и контекстную рекламу, что существенно расширяет спектр возможных профессиональных траекторий специалистов [2]. Данная диверсификация профессиональных траекторий актуализирует проблему психологических барьеров, возникающих у выпускников-маркетологов на этапе выбора специализации и вхождения в профессиональную деятельность.

Актуальность исследования обусловлена комплексом факторов, требующих детального научного рассмотрения. Современный рынок труда предъявляет специфические требования к молодым специалистам, при этом социологические и маркетинговые исследования фиксируют существенную дивергенцию между компетенциями выпускников и ожиданиями работодателей, что создает объективные препятствия для успешной профессиональной интеграции [4]. Процесс цифровизации маркетинговой деятельности порождает множественность специализаций, что качественно усложняет процесс профессионального самоопределения, требуя от выпускника не только профессиональных знаний, но и высокой психологической компетентности в принятии карьерных решений. Вместе с тем психологическая готовность специалистов к требованиям современного рынка труда становится критическим фактором успешной профессиональной реализации, определяющим не

только факт трудоустройства, но и траекторию дальнейшего карьерного развития [1].

Целью настоящего исследования выступает выявление и систематизация психологических барьеров, препятствующих эффективному профессиональному самоопределению выпускников-маркетологов при выборе специализации в условиях цифровой экономики. Достижение поставленной цели предполагает решение комплекса взаимосвязанных задач. Необходимо осуществить анализ современных исследований в области психологии профессионального развития и профессиональных барьеров, что позволит сформировать теоретическую рамку исследования. Требуется изучить требования рынка труда к специалистам в области маркетинга и особенности различных маркетинговых специализаций для понимания объективного контекста профессионального выбора. Важно выявить социально-психологические характеристики личности маркетологов и их влияние на профессиональное самоопределение, что создаст основу для понимания субъективных факторов формирования барьеров. Следует систематизировать типы психологических барьеров, специфичных для выбора специализации в маркетинге, учитывая особенности данной профессиональной области. Наконец, необходимо разработать авторскую типологию барьеров с учетом особенностей профессиональной деятельности маркетологов в цифровой среде, что составит научную новизну исследования.

Методология исследования базируется на интеграции системного, структурно-функционального и компаративного подходов, позволяющих осуществить многоаспектный анализ феномена психологических барьеров. Теоретической основой выступают концепции профессионального развития, теория психологических барьеров, исследования мотивационной готовности к профессиональной деятельности и теория профессионального самоопределения. Эмпирическая база формируется на основе анализа современных научных исследований, данных мониторинга рынка труда и изучения требований работодателей к специалистам маркетинговых специальностей, что обеспечивает валидность и надежность получаемых выводов.

Концептуализация феномена психологических барьеров в профессиональном развитии представляет собой междисциплинарную область исследований, интегрирующую достижения психологии труда, организационной психологии и педагогической психологии. В современной научной парадигме психологический барьер профессионального развития рассматривается как состояние временной стагнации, возникающее вследствие невозможности реализации личностью профессионального плана, сопровождающееся стрессом и актуализацией потребности в преодолении и самоопределении

[5]. Данное понимание акцентирует динамический характер барьеров, рассматривая их не как статичные препятствия, но как переходные состояния, требующие от субъекта мобилизации ресурсов для качественной трансформации профессиональной траектории.

Фундаментальный вклад в разработку теории психологических барьеров внес Р.Х. Шакуров, определивший барьер как универсальный и постоянный атрибут развития любой системы, что позволило перейти от негативного к диалектическому пониманию данного феномена. Барьерам присущи множественные функции, включающие стабилизацию системы через временную остановку развития, коррекцию траектории развития, энергетизацию через накопление ресурсов во время вынужденной остановки, дозировку развития определенными порциями, мобилизацию энергетических и иных ресурсов системы для преодоления препятствий, собственно развитие через набор и закрепление нового опыта, а также потенциальное подавление при хроническом блокировании развития [6]. Данный подход позволяет рассматривать барьеры не исключительно в негативной коннотации, но как необходимый элемент профессионального становления, обеспечивающий качественные трансформации личности специалиста через преодоление препятствий и обретение нового опыта.

В контексте профессионального развития маркетологов особую значимость приобретают исследования конфликтов профессионального самоопределения и профессиональных кризисов личности, которые могут быть концептуализированы как специфические формы психологических барьеров. Конфликт профессионального самоопределения представляет собой внутриличностное противоречие, связанное со столкновением ценностей, интересов, мотивов и представлений личности с требованиями профессиональной деятельности [7]. В структурно-функциональной модели профессионального выбора, предложенной Д.А. Леонтьевым, это противоречие может быть представлено как рассогласование между компонентами желаемого, возможного и должно, что в упрощенной форме выражается через триаду «хочу», «могу» и «надо». Согласование данных компонентов часто затруднено катастрофической нехваткой информации как о собственных желаниях и возможностях, так и о реальных требованиях профессии, что создает ситуацию высокой неопределенности при принятии решения о выборе специализации.

Профессиональный кризис личности определяется как непродолжительный период жизни, сопровождающийся кардинальной перестройкой субъекта деятельности и изменениями в профессиональной деятельности, затрагивающий сферу профессиональной направленности личности, её мотивы, потребности, ценности и смысловые замыслы. Для переживания про-

фессионального кризиса характерна локализация во времени и пространстве, потеря профессиональной идентичности, неустойчивость образов и мыслей о себе как о профессионале, размытая временная профессиональная перспектива или её отсутствие с последующей актуализацией потребности в выборе дальнейшего сценария профессиональной жизни [8]. Данному кризису сопутствуют актуализация смысложизненных переживаний, проявляющихся в пониженном стремлении к саморазвитию, самоутверждению и самореализации, ощущении своей ненужности, а также наличие стойких аффективных реакций и психологического напряжения [9]. Специалист может переживать неуверенность в собственных знаниях и умениях, несогласие с самим собой, осознание необходимости переоценки себя как профессионала, размытие жизненных целей и непонимание перспектив дальнейшего развития, что в совокупности создает ситуацию, в которой невозможна реализация внутреннего профессионального замысла.

Применительно к специфике маркетинговой деятельности исследования личностных качеств и профессиональной готовности обнаруживают существенные барьеры в развитии будущих специалистов [10]. Анализ личностных качеств выпускников экономических специальностей в сопоставлении с требованиями работодателей выявляет барьер автономности, проявляющийся в недостатке самостоятельности для выполнения профессиональной роли, барьер исполнительности, связанный с недостаточным развитием дисциплинированности и ответственности, барьер завышенной самооценки, создающий нереалистичные ожидания от профессиональной деятельности, барьер самоорганизации, обусловленный дефицитом навыков планирования и управления собственной деятельностью, барьер лидерства, проявляющийся в недостаточном развитии организаторских способностей и способности принимать решения, а также барьер готовности к риску, связанный с избеганием неопределенности и инновационных решений. Данная типология барьеров, выявленная на материале экономических специальностей, требует дальнейшей конкретизации применительно к специфике маркетинговой деятельности в условиях цифровизации.

Цифровая трансформация маркетинговой деятельности конституирует качественно новое профессиональное пространство, характеризующееся множественностью специализаций и динамичной эволюцией инструментария, что радикально изменяет требования к профессиональной подготовке специалистов. Цифровой маркетинг отличается комплексным подходом к использованию цифровых технологий в продвижении, выходя за рамки интернет-маркетинга и включая цифровое телевидение, мобильные приложения, SMS-коммуникации и интерактивные экраны, что расширяет спектр каналов взаимодействия с потребителями. Дан-

ная экспансия цифровых технологий в маркетинговую практику порождает не просто новые инструменты, но качественно новые профессиональные роли, требующие специфических компетенций и психологических характеристик.

Базовые инструменты цифрового маркетинга формируют дифференцированное поле специализаций, каждая из которых предполагает особую конфигурацию знаний, навыков и личностных качеств. Создание контента требует креативности, копирайтерских навыков и понимания психологии восприятия информации. Управление социальными медиа предполагает развитые коммуникативные способности, стрессоустойчивость и готовность к постоянному взаимодействию с аудиторией. Разработка целевых страниц и мобильных приложений требует интеграции маркетинговых знаний с базовым пониманием веб-технологий. Поисковая оптимизация предполагает аналитический склад ума, терпеливость и готовность к монотонной работе с долгосрочной перспективой результатов. Email-маркетинг требует внимательности к деталям, понимания механизмов сегментации и персонализации. Управление репутацией предполагает стрессоустойчивость, эмпатию и навыки конфликт-менеджмента [3]. Продвинутые инструменты, включая аффилейт-маркетинг и маркетинг влияния, требуют специфических компетенций в области построения партнерских отношений, переговоров и стратегического планирования, что еще более усложняет задачу профессионального выбора для выпускника.

Анализ требований рынка труда к специалистам маркетинговых специальностей обнаруживает приоритизацию определенного набора личностных качеств, среди которых доминируют коммуникабельность и ответственность, входящие в топ-качества по всем исследованным направлениям. Достаточно востребованными оказываются активность и активная жизненная позиция, организаторские способности, нацеленность на результат, аналитические способности, стрессоустойчивость, самоорганизация, неконфликтность, исполнительность, креативность, инициативность, грамотная речь, пунктуальность, внимательность, честность, обучаемость, самостоятельность, стремление к самосовершенствованию, системность мышления, умение структурировать собранную информацию, аккуратность и лидерские качества. При этом требования дифференцируются в зависимости от специализации, создавая различные профили искомого специалиста. Для цифрового маркетинга критичными оказываются аналитический склад ума и системность мышления, позволяющие работать с большими массивами данных и выявлять закономерности. Для управления социальными медиа приоритетными становятся креативность и коммуникативные навыки, обеспечивающие эффективное взаимодействие с аудиторией и создание вирусного контента. Для аналитического мар-

кетинга критической является способность структурировать информацию и выявлять инсайты из данных.

На основе интеграции теоретического анализа и эмпирических данных о требованиях рынка труда предлагается типология психологических барьеров профессионального самоопределения выпускников-маркетологов, включающая пять взаимосвязанных компонентов. Барьер профессиональной неопределенности конституируется множественностью специализаций в цифровом маркетинге и дефицитом информации о содержании деятельности конкретных направлений, что проявляется в откладывании профессионального выбора и хаотичном опробовании различных траекторий. Барьер цифровой компетентности обусловлен недостаточным владением специализированными цифровыми инструментами, выходящими за рамки пользовательских навыков, что актуализируется при выборе между традиционными и цифровыми специализациями и проявляется в избегании технологически насыщенных направлений. Мотивационно-ценностный барьер возникает вследствие рассогласования идеализированных представлений о маркетинговой деятельности с реальностью профессиональной практики, включающей значительную долю рутинной работы и необходимость соответствия метрикам эффективности, что приводит к разочарованию и частой смене специализаций. Барьер профессиональной идентичности связан с фрагментацией традиционной идентичности маркетолога на множество специализированных идентичностей и усугубляется завышенной самооценкой выпускников, создающей нереалистичные ожидания относительно стартовых позиций. Адаптационный барьер обусловлен трудностями интеграции в профессиональное сообщество и организационную культуру на фоне дефицита практического опыта и недостаточного развития исполнительских качеств, что актуализируется в процессе испытательного срока и проявляется в высоком уровне стресса и рассмотрении возможности смены профессиональной траектории.

Совокупность выделенных барьеров создает сложную систему препятствий на пути профессионального становления маркетолога, требующую комплексного подхода к их преодолению. Барьеры взаимосвязаны и могут усиливать друг друга, создавая кумулятивный эффект, препятствующий успешному профессиональному самоопределению. Барьер профессиональной неопределенности усугубляет барьер цифровой компетентности, поскольку недостаток информации о специализациях сочетается с неуверенностью в способности освоить необходимые технологии. Мотивационно-ценностный барьер взаимодействует с барьером профессиональной идентичности, поскольку рассогласование ожиданий и реальности препятствует формированию устойчивой профессиональной идентификации. Адаптационный барьер может актуализировать все предыдущие барьеры,

поскольку трудности интеграции в профессиональную среду обостряют сомнения в правильности сделанного выбора и собственных способностях. Понимание системной природы психологических барьеров необходимо для разработки эффективных стратегий их преодоления и создания условий для успешного профессионального самоопределения выпускников-маркетологов.

Проведенное исследование позволяет сформулировать ряд концептуальных выводов относительно природы и структуры психологических барьеров, возникающих у выпускников-маркетологов в процессе выбора специализации. Психологические барьеры представляют собой не статичные препятствия, но динамичные состояния временной стагнации, сопровождающиеся актуализацией потребности в преодолении и качественной трансформации профессиональной траектории. Специфика маркетинговой деятельности в условиях цифровизации обусловливает формирование особой конфигурации барьеров, отличающейся от барьеров, характерных для других экономических специальностей.

Предложенная типология включает пять взаимосвязанных типов барьеров, каждый из которых отражает особый аспект процесса профессионального самоопределения. Барьер профессиональной неопределенности обусловлен множественностью специализаций и дефицитом информации для осознанного выбора. Барьер цифровой компетентности связан с недостаточным владением цифровыми инструментами, критичными для современной маркетинговой деятельности. Мотивационно-ценностный барьер возникает вследствие рассогласования между ожиданиями и реальностью профессиональной деятельности. Барьер профессиональной идентичности обусловлен трудностями формирования устойчивого профессионального Я-образа в условиях фрагментации профессии. Адаптационный барьер связан с трудностями интеграции в профессиональное сообщество и организационную культуру.

Системная природа выделенных барьеров проявляется в их взаимном усилении и кумулятивном эффекте на процесс профессионального становления. Преодоление данных барьеров требует не только индивидуальных усилий выпускников, но и системных изменений в организации профессионального образования маркетологов. Необходимо усиление практико-ориентированной составляющей образовательных программ, обеспечивающей погружение студентов в реальную профессиональную среду и формирование адекватных представлений о содержании деятельности различных специализаций. Критическое значение приобретает развитие цифровых компетенций не на уровне общего знакомства с инструментами, но на уровне профессионального владения, позволяющего эффективно применять их в практической деятельности.

Психологическое сопровождение процесса профессионального самоопределения должно включать диагностику личностных характеристик, соотнесение их с требованиями различных специализаций и формирование осознанного профессионального выбора на основе понимания собственных склонностей и способностей. Особое внимание требуется уделить коррекции завышенной самооценки и формированию реалистичных ожиданий относительно стартовых позиций и темпов карьерного роста, что позволит снизить риск разочарования при столкновении с реальностью профессиональной деятельности. Развитие исполнительских качеств, включая дисциплинированность, ответственность и способность к систематической работе, необходимо рассматривать как важную задачу профессиональной подготовки, балансирующую доминирующие лидерские качества выпускников маркетинговых специальностей.

Направления дальнейших исследований включают эмпирическую верификацию предложенной типологии барьеров, изучение их динамики на различных этапах профессионального становления и разработку конкретных технологий психологического сопровождения выпускников-маркетологов. Требуется дополнительное изучение гендерных и возрастных различий в проявлении психологических барьеров, а также влияния индивидуальных психологических характеристик на успешность их преодоления. Перспективным представляется исследование роли цифровых компетенций как фактора, модерирующего влияние психологических барьеров на профессиональное самоопределение. Результаты настоящего исследования могут быть использованы для совершенствования образовательных программ подготовки маркетологов и создания системы психологической поддержки выпускников на этапе профессионального самоопределения и выбора специализации.

ЛИТЕРАТУРА

1. Сагеева Е.Р., Аникеенок О.А. Мотивационная готовность студентов к будущей профессиональной деятельности и проблемы ее изучения // Казанский педагогический журнал. 2011. № 3. С. 78-83.
2. Соловьева И.А. Технологии digital-маркетинга для продвижения услуг учреждений культуры в сети Интернет // Мировые цивилизации. 2021. № 2. Том 6. С. 1-8.
3. Езекян А.А. Цифровые технологии в маркетинге и социальных сетях: проблемы и перспективы // Современный менеджмент: проблемы, анализ тенденций, перспективы развития. Материалы V международной научно-практической конференции. 2023. С. 484-488.
4. Лисица Н.М., Беликова Ю.В. Вариативность барьеров в процессе развития личностных качеств будущих экономистов // Бизнесинформ. 2013. № 10. С. 351-356.
5. Шилакина А.В., Евдокимов О.К. Психологические барьеры и актуализация смысложизненных ориентиров в профессиональном развитии личности // Мировые цивилизации. 2021. № 2. Том 6. С. 1-7.
6. Дейч Б.А. Моделирование как инструмент историко-педагогического исследования / Б.А. Дейч // Ярославский педагогический вестник. 2023. № 2 (131). С. 54–61.
7. Кувшинова Г.А. Дизайн-образование как особая педагогическая область // Сибирский педагогический журнал. 2023. № 3. С. 16–26.
8. Михайлова А.С. История дизайна. Системная модель: монография / А.С. Михайлова. Казань: Казанский государственный архитектурно-строительный университет, 2022. 181 с.
9. Салтыкова Г.М. Цифровые технологии в дизайн-образовании и проектной деятельности / Г.М. Салтыкова, Д.А. Васильева // Преподаватель XXI век. 2022. № 3. С. 224–230.
10. Цюй Ч. Художественный элемент в системе обучения дизайну упаковки в российских ВУЗах начала XXI века / Ч. Цюй // Общество: социология, психология, педагогика. 2022. № 3 (95). С. 155–161.

© Родина Мария Геннадьевна (anemasha@gmail.com).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ МЕТОДА «НЕЙРОГРАФИКА» В КОРРЕКЦИИ АТРИБУТИВНОГО СТИЛЯ ИНДИВИДА

USING THE NEUROGRAPHICS METHOD IN CORRECTING AN INDIVIDUAL'S ATTRIBUTIVE STYLE

A. Saryoglu

Summary: In the context of increasing social uncertainty, information overload and rising anxiety levels, the study of internal psychological resources that facilitate personal adaptation is of particular relevance. One of such resources in modern psychology is optimism, interpreted as an attributive style – a stable system of cognitive and emotional attitudes that determine a person's interpretation of current and future events. The development of an optimistic attributive style has a positive effect on psychoemotional well-being, the level of subjective energy and the ability to overcome difficult life situations. The purpose of this study is to identify the potential of the Neurographics method, in combination with paradigmatic analysis, for the formation and strengthening of optimistic attitudes. As a theoretical and practical basis, a visual-cognitive approach is considered, including graphic work as a tool for activating internal resources. Paradigmatic analysis made it possible to structure the experience according to four levels of perception: cognitive, emotional, physical and semantic, ensuring a holistic transformation of the internal state. The empirical part includes diagnostics in the pre-post format using the attributive style test by L.M. Rudina and the test using the paradigmatic analysis method (D.A. Poluektov), allowing to record the dynamics of changes after performing neurographic practice. The results are associated with the confirmation of the effectiveness of the visual-graphic method in activating resource states, strengthening positive attitudes and forming a holistic internal balance.

Keywords: attributive style (optimism), Neurographics method, art practice, paradigmatic analysis, internal resources of the individual, visual-cognitive method, positive psychology.

Сарыоглу Александра Александровна
Онлайн школа нейрографики и арт-практик «Sfera»
(Турция).
xandria@list.ru

Аннотация: В условиях нарастающей социальной неопределенности, информационного перенасыщения и роста уровня тревожности особую актуальность приобретает изучение внутренних психологических ресурсов, способствующих адаптации личности. Одним из таких ресурсов в современной психологии выступает оптимизм, трактуемый как атрибутивный стиль — устойчивая система когнитивных и эмоциональных установок, определяющих интерпретацию человеком текущих и будущих событий. Развитие оптимистического атрибутивного стиля положительно влияет на психоэмоциональное благополучие, уровень субъективной энергии и способность к преодолению трудных жизненных ситуаций.

Целью настоящего исследования является выявление потенциала метода «Нейрографика», в сочетании с парадигмальным анализом, для формирования и укрепления оптимистических установок. В качестве теоретико-практической базы рассмотрен визуально-когнитивный подход, включающий графическую работу как инструмент активизации внутренних ресурсов. Парадигмальный анализ позволил структурировать переживание по четырём уровням восприятия: когнитивному, эмоциональному, телесному и смысловому, обеспечивая целостную трансформацию внутреннего состояния. Эмпирическая часть включает диагностику в формате pre-post с использованием теста на атрибутивный стиль Л.М. Рудиной и теста по методике парадигмального анализа (Д.А. Полуэктов), позволяющих зафиксировать динамику изменений после выполнения нейрографической практики. Результаты связаны с подтверждением эффективности визуально-графического метода в активизации ресурсных состояний, укреплении позитивных установок и формировании целостного внутреннего баланса.

Ключевые слова: атрибутивный стиль (оптимизм), метод «Нейрографика», арт-практика, парадигмальный анализ, внутренние ресурсы личности, визуально-когнитивный метод, позитивная психология.

Введение

Современное общество переживает этап интенсивных трансформаций, сопровождающихся ростом неопределенности, информационной перегрузкой и нестабильностью социальных связей. В этих условиях возрастает значение внутренних психологических ресурсов, обеспечивающих адаптацию и устойчивость личности. Одним из таких ресурсов выступает **оптимизм** — как устойчивая когнитивно-эмоциональная установка, связанная с позитивным восприятием будущего и способствующая преодолению стресса, поддержанию мотивации и общего психологического благополучия. [12; 16]

Исследования последних десятилетий подтверждают позитивную корреляцию между уровнем оптимизма и удовлетворенностью жизнью, эффективной саморегуляцией, личностной зрелостью, физическим здоровьем и устойчивостью к тревожным и депрессивным состояниям [15; 14; 3; 4].

Однако при всей теоретической разработанности темы, в практической психологии остается открытым вопрос: какие инструменты действительно способствуют устойчивому развитию оптимистических установок? Какие методы способны интегрировать работу на когнитивном, эмоциональном, телесном и смысловом уровнях?

В данном контексте приобретает актуальность исследование возможностей метода «Нейрографика» — визуально-когнитивного метода, активно применяемого в практике арт-коучинга, самопомощи и сопровождения личностного роста. В условиях нарастающей базы научных обоснований метода «Нейрографика», представляет интерес рассмотреть его эффективность в контексте оптимизма.

Таким образом, целью данного исследования является выявление потенциала метода «Нейрографика» (в сочетании с парадигмальным анализом) в развитии устойчивого состояния оптимизма как внутреннего ресурса личности.

Объектом исследования выступает оптимизм как когнитивно-эмоциональный ресурс личности.

Предметом — особенности трансформации уровня оптимизма в процессе графической работы.

Научная новизна исследования заключается в интеграции метода «Нейрографика» с диагностическими инструментами психологической науки для изучения и развития оптимизма как внутреннего ресурса личности. Впервые рамки парадигмального анализа применяются не только как метод философской рефлексии, но и как инструмент замера динамики внутренних состояний, что позволяет фиксировать изменения на когнитивном, аффективном, телесном и смысловом уровнях. Оптимизм рассматривается как многомерный интегративный конструкт, включающий когнитивные, эмоциональные, телесные и ценностные компоненты, что расширяет его традиционное понимание в позитивной психологии. Новизна работы проявляется также в соединении арт-практик с эмпирической диагностикой: сочетание метода «Нейрографика», теста атрибутивного стиля (Рудина) и парадигмального анализа позволило получить как количественные, так и качественные показатели изменений. Эмпирическая база исследования, построенная на материалах индивидуальных сессий, подтверждает прикладную ценность метода и его потенциал для использования в психотерапии, коучинге, образовании и профилактике эмоционального выгорания.

Материалы и методы

Данное исследование опирается на междисциплинарный подход, который предполагает интеграцию понятий, методов и практик из различных научных направлений с целью более глубокого и целостного понимания исследуемого феномена — в данном случае, развития оптимизма как внутреннего ресурса личности.

В рамках настоящей работы междисциплинарность проявляется в следующем:

- Даёт понятийный аппарат для описания оптимизма как устойчивой когнитивно-эмоциональной установки, влияющей на адаптивность и субъективное благополучие;
- Раскрывает механизмы интерпретации и переработки информации, лежащей в основе атрибутивного стиля и формирования устойчивых убеждений;
- Предоставляет теоретические модели оптимизма как ресурса развития и преодоления;
- Обосновывает использование нейрографики как инструмента самонаблюдения и внутренней трансформации;
- Помогает понять телесную составляющую эмоциональных процессов, а также роль нейропластичности в формировании новых установок;
- В исследовании применяется метод парадигмального анализа в качестве инструмента, структурирующего внутренний опыт личности по четырём уровням: когнитивному, эмоциональному, телесному и смысловому.[6]

Благодаря данному интегративному подходу, становится возможным более полное раскрытие внутренних процессов, связанных с развитием оптимистических установок, а также создание обоснованной и воспроизводимой практической модели воздействия, сочетающей осознанность, образное мышление и телесную рефлексию.

В рамках исследования применяется сочетание качественных и количественных методов анализа.

Качественные методы включают:

- визуальный анализ нейрографических работ участников,
- феноменологическое описание субъективного опыта,
- элементы нарративного интервью,
- парадигмальный анализ, позволяющий структурировать изменения по четырём уровням восприятия: когнитивному, эмоциональному, телесному и смысловому.

Количественные методы представлены:

- тестом на атрибутивный стиль (оптимизм) Л.М. Рудиной,
- тестом Д. А. Полуэктова на основе парадигмального анализа,
- сравнительным анализом результатов.

Сочетание методов обеспечивает как глубину качественного анализа внутренних трансформаций, так и надёжность количественной фиксации динамики изменения оптимистических установок. Опираясь на принципы гуманистической и позитивной психологии, в работе

также учитывает положения когнитивной, телесно-ориентированной и арт-терапевтической парадигм. Данный подход позволяет рассматривать оптимизм как сложное интегративное состояние, формирующееся на пересечении когнитивных, аффективных, телесных и смысловых компонентов психики.

В качестве основного практического инструмента выбран метод «Нейрографика», разработанный П.М. Пискарёвым, представляющий собой визуально-когнитивную арт-практику, направленную на графическое выражение и последующую трансформацию внутренних состояний. В процессе рисования осуществляется работа с линией, формой и цветом, что позволяет активировать как осознанные, так и дорациональные уровни восприятия. Нейрографика работает с установками и эмоциональными паттернами на когнитивном, аффективном, телесном и смысловом уровнях, способствуя формированию новых нейронных связей и устойчивых позитивных образов будущего. [1; 5; 8]

Ключевым инструментом структурирования внутреннего опыта выступает метод парадигмального анализа, предложенный П.М. Пискарёвым как метамодель осознания и интеграции опыта. Он позволяет системно анализировать и трансформировать состояние личности по четырём уровням: смысловой, эмоциональный, телесный, когнитивный.

Каждому из этих уровней может быть присвоено цветовое выражение, что делает процесс более наглядным, интуитивно понятным и легко воспроизводимым. Работа в рамке парадигмального анализа обеспечивает целостную рефлексию и направленную трансформацию состояний — от фиксации текущей позиции до осознанного выбора новых смыслов и эмоциональных опор.

Визуальная природа метода и его опора на нейро-эстетический компонент позволяют задействовать не только рациональное мышление, но и бессознательные механизмы адаптации и саморегуляции, что особенно важно при работе с такими ресурсными состояниями, как оптимизм.

Выбор метода «Нейрографика» и парадигмального анализа обусловлен их научно-практической обоснованностью, эффективностью и распространённостью. За 10 лет развития в России и в мире метод получил широкое распространение: только в АНО ДПО «Институт психологии творчества Павла Пискарёва» учебные программы по методу «Нейрографика» прошли и активно практикуют более 10 000 специалистов. Метод «Нейрографика» доказал свою применимость в работе со стрессом, гармонизации внутреннего состояния, развитии креативного мышления и сопровождении процессов личностного роста. Также

предлагаемые методы соответствуют современным требованиям интегративных методов в психологии развития и коррекции.[7]

Диагностические методы

Для оценки динамики уровня оптимизма используются следующие диагностические инструменты:

- В исследовании используется диагностический инструментарий, разработанный Л.М. Рудиной: Тест атрибутивных стилей (ТАС) — позволяет зафиксировать особенности интерпретации личностью внешних и внутренних событий, а также выявить устойчивость позитивных или негативных когнитивных установок. Методика Л.М. Рудиной по оценке атрибутивного стиля оптимизма обладает доказанной валидностью и надёжностью. Она прошла апробацию в ряде эмпирических исследований, охватывающих как клинические, так и образовательные выборки, что подтверждает её применимость в научно-психологическом контексте [10].
- Тест, основанный на методе парадигмального анализа, Д.А. Полуэктова (в развитие концепции П.М. Пискарёва). Метод позволяет осуществить качественную диагностику внутреннего состояния личности на четырёх уровнях восприятия:

Когнитивный уровень — отражает характер мышления, представления и убеждения о теме (в данном случае — об оптимизме);

Эмоциональный уровень — регистрирует субъективную эмоциональную окраску, связанную с темой;

Телесный уровень — позволяет зафиксировать телесные реакции, ощущения и напряжения, связанные с темой исследования;

Смысловой уровень — выявляет глубинные смыслы, ценности и личностные интерпретации, связанные с рассматриваемым феноменом.

Диагностика проводится дважды — до и после применения нейрографического алгоритма. Участникам предлагается ответить на вопросы или дать свободное описание своего состояния по каждому из уровней. Полученные данные фиксируются и подвергаются качественному анализу. Это позволяет зафиксировать субъективные изменения в структуре восприятия и глубине осознания исследуемой темы.

Метод парадигмального анализа обеспечивает целостный подход к диагностике, позволяя увидеть динамику изменений не только в мышлении или эмоциях, но и на уровне телесного и смыслового проживания феномена. [2; 9; 11; 13]

Эмпирическая база

Выборка для данного исследования составляет 40 человек в возрасте от 22 до 44 лет, проходящих индивидуальную работу с использованием метода «Нейрографика». Исследование проводилось в рамках практических сессий, направленных на проработку темы «оптимизм как внутренний ресурс». Все участники дали информированное согласие на участие, конфиденциальность данных сохраняется.

Обсуждение результатов

(Рис. 1.,2.)

Описание исследования

Проведённое исследование позволило оценить динамику изменений у сорока участников до и после применения метода «Нейрографика». Для анализа результатов использовались два инструмента: тест атри-

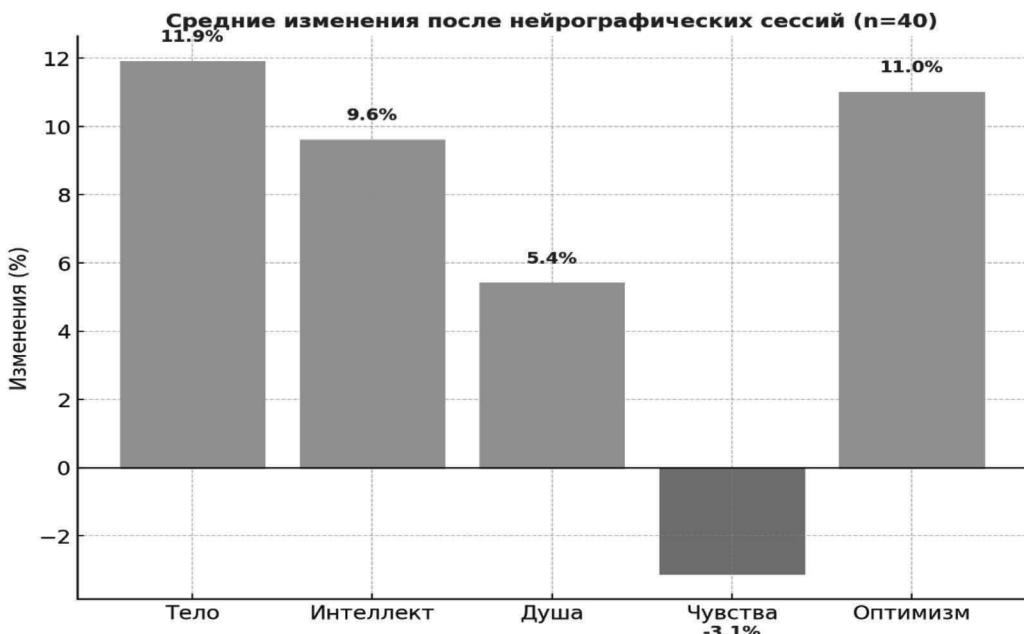

Рис. 1. Средние изменения показателей в четырёх квадрантах и уровне оптимизма после нейрографических сессий (n=40)

Рис. 2. Прирост уровня оптимизма у 40 участников после применения метода нейрографики (в процентах)

бутивного стиля оптимизма (Рудина) и рамки парадигмального анализа, позволяющие оценивать состояние личности по четырём квадрантам («Тело», «Интеллект», «Душа», «Чувства»). Такой подход обеспечил комплексный междисциплинарный анализ, фиксирующий изменения на телесном, когнитивном и эмоционально-ценостном уровнях.

Результаты

По данным замеров, наибольшие положительные сдвиги произошли в квадранте **«Тело»** - средний **прирост** составил **11,9%**, что указывает на улучшение телесной включённости, повышение энергетического уровня и общего ощущения ресурса. Значительные изменения зафиксированы в квадранте **«Интеллект»**: **прирост 9,6%**, что отражает рост когнитивной активности, концентрации внимания и способности к аналитической переработке информации.

В квадранте **«Душа»** динамика составила **прирост 5,4%**, что можно интерпретировать как постепенные глубокие изменения в ценностно-смысовой и духовной сферах. Параметр **«Чувства»** показал среднее **снижение 3,1%**. Этот результат можно рассматривать как перераспределение эмоциональной энергии: участники переводили часть эмоциональной активности в более осознанные телесные и когнитивные формы реагирования. Таким образом, снижение не указывает на потерю эмоциональности, а скорее отражает снижение избыточного эмоционального напряжения относительно значимых для клиента тем.

Изменения в уровне оптимизма

По результатам теста атрибутивного стиля оптимизма у большинства участников зафиксирован сдвиг в сторону конструктивной интерпретации жизненных событий. Средний прирост уровня оптимизма составил **10–12%**, что проявилось в росте стрессоустойчивости, усилии внутреннего локуса контроля и способности видеть собственное влияние на происходящее.

Выводы

Данные исследования подтверждают, что метод «Нейрографика» как метод психологической работы оказывает комплексное влияние на внутренние ресурсы человека, способствуя укреплению телесного потенциала, развитию когнитивных способностей, гармонизации ценностно-смысовой сферы и формированию более оптимистичного восприятия жизни. Использование рамок парадигмального анализа как инструмента замера позволяет объективно зафиксировать эти сдвиги и рекомендовать данный подход для применения как в индивидуальной, так и в групповой практиках.

В рамках обсуждения сопоставлены полученные данные с существующими теориями и практическими исследованиями в области арт-терапии, позитивной психологии и когнитивно-эмоциональных установок личности. Особое внимание уделено:

- Сравнению выявленных эффектов метода «Нейрографика» и рамки парадигмального анализа с результатами, полученными в исследованиях М. Селигмана, Ч. Снайдера, С.В. Гармаш и других авторов, рассматривающих оптимизм как устойчивый личностный ресурс.
- Анализу роли визуально-когнитивных инструментов в формировании целостного восприятия и интегративного переживания, способствующего развитию оптимизма.
- Выявлению ограничений исследования, таких как особенности выборки, влияние субъективных факторов участников и методологические ограничения.
- Обсуждению перспектив дальнейших исследований, включая возможность использования интегративного подхода (метод «Нейрографика» + парадигмальный анализ) для развития других когнитивно-эмоциональных ресурсов, помимо оптимизма.

Такой подход позволил более глубоко осмыслить полученные данные, обозначить потенциал дальнейших исследований и определить прикладные перспективы работы с оптимизмом как внутренним ресурсом личности.

ЛИТЕРАТУРА

1. Абрамова Л.Ю. Нейрографика как способ управления коммуникациями // КиберЛенинка. — 2021. — URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/neurografika-kak-sposob-upravleniya-kommunikatsiyami> (дата обращения: 26.08.2025).
2. Бокова А.Н. Интегративная голографическая модель многомерного самосознания в эпоху Метамодерна // Человеческий фактор: социальный психолог. — 2025. — № 1 (53). — С. 25–42.
3. Гармаш С.В., Ульянова Н.И. Оптимизм как ресурс преодоления жизненных трудностей // Вестник практической психологии образования. — 2021. — № 1. — С. 45–52.
4. Кулаков С.А. Психологические характеристики оптимистов и пессимистов // Психология. Журнал Высшей школы экономики. — 2020. — № 3. — С. 112–130.
5. Пискарёв П.М. Интеграция метода «Нейрографика» в образовательные программы предпенсионеров и людей старше 50 лет // Современное профессиональное образование. — 2025. — № 2. — С. 99–102.
6. Пискарёв П.М. К методологии исследования метамодерна: метод квадрантов, холизм, интегративность, системный подход, принцип системности, об-

- щая теория систем // История, политология, социология, философия: теоретические и практические аспекты. Сб. ст. по материалам XXI–XXII Междунар. науч.-практ. конф. — Новосибирск: Сибирская академическая книга, 2019. — № 6–7 (15). — С. 51–73.
- 7. Пискарёв П.М. Метадисциплинарный подход к трансформации мышления с помощью метода «Нейрографика» // Обзор педагогических исследований. — 2025. — Т. 7, № 2. — С. 77–82.
 - 8. Пискарёв П.М. Научные аспекты нейрографики // Методология современной психологии. — 2024. — № 21. — С. 312–328.
 - 9. Полуэтов Д.А. Коучинговые принципы работы «теста Метамодерн» // Человеческий фактор: социальный психолог. — 2022. — № 2 (44). — С. 123–140.
 - 10. Рудина Л.М. Методика оценки атрибутивного стиля оптимизма // Мир науки, культуры, образования. — 2024. — № 4 (40). — URL: <https://izd-mn.com/PDF/40MNNPM24.pdf> (дата обращения: 26.08.2025).
 - 11. Сандалова А.В. Парадигмальный анализ как основа для творческого решения практических задач // Психология творчества и одарённости: сб. ст. Всерос. науч.-практ. конф. с междунар. участием (Москва, 15–17 ноября 2021 г.) / под ред. Д.Б. Богоявленской. — Ч. 3. — М.: Ассоциация технических университетов, 2021. — С. 14–18. DOI: 10.53677/9785919160472_14_18.
 - 12. Селигман М. Оптимизм как способ жизни. — М.: София, 2006. — 368 с.
 - 13. Симонов П.А. Парадигмальный анализ как метод преодоления страхов неопределенности на заре эпохи Метамодерна // Методология современной психологии. — 2022. — № 16. — С. 361–372.
 - 14. Carver C.S., Scheier M.F., Segerstrom S.C. Optimism // Clinical Psychology Review. — 2010. — Vol. 30, № 7. — P. 879–889.
 - 15. Peterson C. The future of optimism // American Psychologist. — 2000. — Vol. 55, № 1. — P. 44–55.
 - 16. Scheier M.F., Carver C.S. Optimism, coping, and health: Assessment and implications of generalized outcome expectancies // Health Psychology. — 1985. — Vol. 4, № 3. — P. 219–247.

© Сарыоглу Александра Александровна (xandria@list.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

ДУХОВНО-НРАВСТВЕННЫЕ ПРОЯВЛЕНИЯ И ЛИЧНОСТНАЯ САМОРЕАЛИЗАЦИЯ ВОЛОНТЕРОВ: СРАВНИТЕЛЬНОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ

SPIRITUAL AND MORAL MANIFESTATIONS AND PERSONAL SELF-REALIZATION IN VOLUNTEERS: COMPARATIVE RESEARCH

M. Shachinova

Summary: The article presents the results of a comparative study on the spiritual and moral manifestations and personal self-realization of volunteers. The aim of the study is to identify the expression of spiritual and moral aspects of the personality of volunteers and their personal self-realization in comparison with individuals not engaged in volunteer activities. Two groups were identified: 1) individuals engaged in volunteer activities, and 2) individuals not engaged in volunteer activities. The total sample size was 93 respondents (68% female) aged 18 to 56 years ($M = 33$; $SD = 10,06$). Group 1 consists of 40 people; Group 2 consists of 53 people. A complex set of psychodiagnostic techniques has been used aimed at assessing spiritual-moral qualities, altruism, spiritual orientation, the ability for self-transcendence and meta-personal self-interpretation, as well as self-actualization and life activity productivity. To identify differences, a nonparametric statistical method – the Mann-Whitney U test – was applied. The results of the study showed that volunteers demonstrate statistically significantly higher indicators compared to individuals not engaged in volunteer activities (bank employees) on all studied parameters, except for the «Support» scale of the Shostrom's Personal Orientation Inventory (POI).

Keywords: manifestations of the spiritual and moral domain, volunteering, self-realization, spiritual and moral qualities, altruism, self-transcendence.

Шачинова Мария Анатольевна
Аспирант, Лаборатория психологии способностей и
ментальных ресурсов им. В.Н. Дружинина, Институт
психологии Российской академии наук, (г. Москва)
shachinovama@ipran.ru

Аннотация: В статье представлены результаты исследования духовно-нравственных проявлений и личностной самореализации волонтеров. Цель исследования – выявить выраженность духовно-нравственных аспектов личности волонтеров и их личностной самореализации в сравнении с лицами, не занимающимися волонтерской деятельностью. Были выделены две группы: 1) лица, занимающиеся волонтерской деятельностью, и 2) лица, не занимающиеся волонтерской деятельностью. Общая численность выборки – 93 респондента (68 % – женского пола) в возрасте 18–56 лет ($M = 33$; $SD = 10,06$). Группа 1 – 40 человек; группа 2 – 53 человека. Использован комплекс психодиагностических методик, направленных на оценку духовно-нравственных качеств, альтруизма, духовной ориентации, способности к самотрансценденции и металлической самоинтерпретации, а также самоактуализации и продуктивности жизнедеятельности. С целью выявления различий был применен непараметрический статистический метод – критерий Манна-Уитни. Результаты исследования показали, что волонтеры демонстрируют статистически значимо более высокие показатели по сравнению с лицами, не занимающимися волонтерской деятельностью, по всем изучаемым параметрам, кроме показателя базовой шкалы «Поддержка» методики «Самоактуализационный тест» (CAT) Э. Шострома.

Ключевые слова: проявления духовно-нравственной сферы, волонтерство, самореализация, духовно-нравственные качества, альтруизм, самотрансценденция.

Введение

В условиях современного общества, ориентированного на приоритет материальных ценностей и потребления, возрастает научная и практическая значимость изучения альтруистического поведения, выражавшегося в добровольной бескорыстной помощи другим людям без ожидания личной выгоды. Занятие волонтерской деятельностью выступает одним из наиболее ярких примеров такого поведения.

Волонтерство в науке традиционно изучается через призму мотивации, социальной активности, личностных качеств волонтеров и др. Например, исследования психологов показывают, что занятие добровольческой деятельностью способствует формированию нравственных ценностей [24], расширению социальных связей и инте-

ресному досугу [27], смягчает последствия стресса [25]. При этом, можно отметить ограниченное количество исследований, непосредственно изучающих потенциал волонтерской деятельности для личностной самореализации, большинство из которых сосредоточены главным образом на вопросах социальной самореализации студентов-добровольцев [1, 2; 5]. Вместе с тем, в рамках постнеклассической научной парадигмы, позволяющей включать в поле исследований сложные, сверхсложные и уникальные системные объекты [15, с. 625], возникает запрос на изучение более глубинных, экзистенциальных и духовных аспектов волонтерской деятельности в связи с секулярной духовностью. Как отмечает Г.В. Ожиганова, современная психология переживает этап «возвращения» духовной проблематики [10], что подтверждается и в социальном, и научном планах: продвижением российских традиционных духовно-нравственных ценно-

стей на государственном уровне и увеличением числа соответствующих публикаций. По словам В.В. Знакова, «духовные устремления человека отражают его попытки выйти за пределы обыденной жизни и прикоснуться к иным, более глубоким и одновременно возвышенным уровням человеческого бытия» [4, с. 29-30].

Отметим, что мотивация волонтеров не всегда обусловлена исключительно альтруистическими мотивами. Исследования российских и зарубежных авторов указывают на разнообразие мотивов, включающих наряду с альтруизмом личные (эгоистические) интересы, карьерные перспективы, социальное признание и др. [14, 21]. В этой связи возникает необходимость отличать волонтеров, имеющих истинно альтруистические намерения, от волонтеров, имеющих иные мотивы участия. Это было учтено в рассматриваемом в данной статье исследовании путем использования специального диагностического инструмента — методики измерения просоциальных тенденций (Г. Карло, Б.А. Рэндалл, адаптация Н.В. Кухтовой). Шкала «Альтруистическое социальное поведение» указанной методики позволяет оценить склонность участников исследования оказывать помочь другим людям бескорыстно, без ожидания вознаграждения или собственной выгоды [6].

Анализ современных работ позволяет выделить несколько ключевых положений, составляющих теоретическую основу представленного исследования. В частности, волонтерская деятельность по своей сути является практической реализацией типа «Человек дающий», который противопоставляется типу «Человек берущий» в концепции духовной личности Г.В. Ожигановой [10, с. 36]. Тип «Человек дающий» характеризуется такими духовно-нравственными проявлениями, как бескорыстная любовь к людям, стремление к служению и продуктивной жизнедеятельности, ориентированной на благо других и общества в целом и др. Его антипод ориентирован на потребление, личную выгоду и эгоцентризм. Активность «Человека дающего» направлена не на адаптацию или потребление, а на созидание и одухотворение мира, что позволяет ему не только творить благо для других, но и «творить себя», проявляя свой человеческий потенциал (там же, с. 40-41). Этот процесс, по нашему мнению, согласуется с представлениями о личностной самореализации, в содержании которой выделяется духовный аспект, определяющий ее сущностную характеристику [19].

Ученые соотносят личностную самореализацию с гуманистическими идеями и универсальными человеческими ценностями. Близким понятием выступает представление А. Маслоу о самоактуализации, которое охватывает такие аспекты, как внутренний потенциал личности, духовность, мораль, процессы саморазвития [7]. Самоактуализация проявляется преимущественно

на внутреннем, субъективном уровне индивида, тогда как личностная самореализация реализуется внешне, объективно, выражаясь в различных повседневных жизненных проявлениях человека, продуктивности его жизнедеятельности.

В нашем исследовании рассматривались базовые характеристики самоактуализации, представленные Э. Шостромом — компетентность во времени (как способность субъекта жить настоящим и ощущать неразрывность прошлого, настоящего и будущего) и поддержка (как степень независимости ценностей и поведения субъекта от воздействия извне) [27]; а также имеющая отношение к личностной самореализации продуктивность жизнедеятельности (как достижение человеком успехов в ее разных сферах учебной, профессиональной, общественной, семейной и др.) [11].

В рассматриваемом в данной статье исследовании изучались такие проявления духовно-нравственных сторон личности как: духовно-нравственные качества в связи с секулярной духовностью («высокая нравственность и мудрость»; «самоконтроль»; «надежность и ответственность»; «духовность отношений»; «правдивость и удовлетворенность») [9]; духовная ориентация личности («ценностно-смысловые устремления»; «высшие нравственные чувства»; «склонность к добродетельному поведению, действиям и поступкам»; «моральная сила духа») [12]; альтруизм [20]; металическая самоинтерпретация [16], способность к самотрансценденции (как трансценденция «Я» эгоцентрического и проявление просоциальной мотивации человека в служение людям и обществу) [11], что отражено в соответствующих измерительных инструментах (методиках).

Важно подчеркнуть, что несмотря на имеющиеся теоретические предпосылки, эмпирических исследований, непосредственно направленных на изучение волонтерства через призму духовного аспекта и личностной самореализации, явно недостаточно. Остается открытым вопрос о том, действительно ли отличаются волонтеры от лиц, не занимающихся волонтерской деятельностью, по уровню выраженности духовно-нравственных проявлений и личностной самореализации.

Исходя из этого, **целью исследования** являлся сравнительный анализ уровня выраженности духовно-нравственных проявлений и особенностей личностной самореализации в группе волонтеров и группе лиц, не занимающихся волонтерской деятельностью.

Гипотеза исследования: показатели уровня выраженности духовно-нравственных проявлений и личностной самореализации будут статистически значимо выше в группе волонтеров по сравнению с группой лиц, не занимающихся волонтерской деятельностью.

Процедура и методы исследования

Методики исследования были подобраны таким образом, чтобы с разных сторон оценить проявления духовно-нравственных сторон личности и личностной самореализации:

- С целью выявления степени духовно-нравственных проявлений личности использовались: 1) опросник «Духовная личность» А. Хусейна, М. Анаса в адаптации Г.В. Ожигановой (включает показатели пяти шкал: «высокая нравственность и мудрость»; «самоконтроль»; «надежность и ответственность»; «духовность отношений»; «правдивость и удовлетворенность») [9]; 2) опросник «Духовная ориентация личности» Г.В. Ожигановой (включает показатели четырех шкал: «ценностно-смысловые устремления»; «высшие нравственные чувства»; «склонность к добродетельному поведению, действиям и поступкам»; «моральная сила духа») [12]; 3) методика измерения альтруистических установок М.И. Ясина [20]; 4) методика «Метличностная самоинтерпретация» Т. Дечикко и М. Строинк в адаптации О.Р. Тучиной [16]; методика «Продуктивная жизнедеятельность и самотрансценденция» Г.В. Ожигановой [11] (шкала «Способность к самотрансценденции»).
- С целью выявления степени личностной самореализации использовались: 1) самоактуализационный тест (далее - CAT) Э. Шострома в адаптации Ю.Е. Алешиной, Л.Я. Гозмана и др. (в исследовании рассматривались показатели по двум базовым шкалам теста – «Компетентность во времени» и «Поддержка») [3]; 2) методика «Продуктивная жизнедеятельность и самотрансценденция» Г.В. Ожигановой [11] (шкала «Продуктивность жизнедеятельности»).

Дополнительно в качестве шкалы лжи и для диагностики мотивации волонтеров использовались: 1) методика мотивации одобрения Марлоу-Крауна в адаптации Ю.Л. Ханина [17] и 2) методика измерения просоциальных тенденций Г. Карло и Б.А. Рэндалла в адаптации Н.В. Кухтовой [6].

Выборка:

Общее количество респондентов – 93 человека.

- Группа 1 – волонтеры с направленностью волонтерской активности на помощь людям; мужчины – 8 чел. (20 %); женщины – 32 чел. (80 %); возраст от 18 до 56 лет ($M=33,06$; $SD=6,61$), г. Москва ($N=40$ человек).
- Группа 2 – лица, не занимающиеся волонтерской деятельностью (финансисты); мужчины – 22 чел. (41,51 %), женщины – 31 чел. (58,49 %); возраст от 18 лет до 49 лет ($M=34,4$; $SD=8,4$), г. Москва ($N=53$ человек).

Для обработки данных применялись методы сравнительного анализа на выявление различий между независимыми выборками с помощью непараметрического статистического U-критерия Манна-Уитни. Обработка данных проводилась в SPSS Statistics 28.0.

Результаты и обсуждение

Правдивость ответов на вопросы использованных методик, касающихся социально желательных характеристик личности (духовно-нравственные качества, альтруизм, духовная ориентация и др.), проверялась с помощью опросника мотивации одобрения Марлоу-Крауна. Ответы респондентов, показавшие высокую склонность к социальному одобрению, были исключены из рассмотрения. В результате осталось 52 человека в группе 1 и 37 человек в группе 2. Их ответы были использованы для последующего анализа.

Волонтеры, получившие низкие баллы по шкале «Альтруистическое просоциальное поведение» методики измерения просоциальных тенденций Г. Карло и Б.А. Рэндалла в адаптации Н.В. Кухтовой, в исследовании участия не принимали.

Анализ данных продемонстрировал различия между волонтерами и лицами, не занимающимися волонтерской деятельностью, по всем исследованным показателям духовно-нравственных проявлений и личностной самореализации, за исключением показателя «Поддержка» (CAT). Полученные результаты приведены в таблице 1.

Из представленной таблицы видно, что показатели компетентности во времени (CAT), продуктивности жизнедеятельности и способности к самотрансценденции оказались выше у волонтеров, что интерпретируется нами как демонстрация умения добровольцев гармонично интегрироваться в поток текущих событий, проявлять инициативу и ответственность в достижении общественно полезных целей, а также раскрывать потенциал своей личности путем выхода за пределы собственного «Я» в направлении более глубоких смыслов и ценностей. Это согласуется с проведенными ранее психологическими исследованиями. Например, в недавнем исследовании установлено, что волонтеры склонны испытывать большее удовлетворение от текущего мгновения и осознавать его ценность [28]. Отмечается, что волонтерство является мощным источником смысла, что напрямую соотносится с тем, как человек воспринимает и переживает время своей жизни [26].

Однако интересным представляется результат исследования, показывающий отсутствие значимых различий между волонтерами и финансистами без опыта волонтерской деятельности по показателю шкалы поддержки (CAT). Возможно, это объясняется общим высоким уров-

Таблица 1.

Результаты сравнительного анализа духовно-нравственных проявлений и личностной самореализации у волонтеров (группа 1) и лиц, не занимающихся волонтерством (группа 2).

Показатели	Лица, не занимающиеся волонтерством	Волонтеры	U	P
	Ме(Q1;Q3)	Ме(Q1;Q3)		
<i>Самоактуализационный тест</i>				
Компетентность во времени	48,59(47;54,98)	54,98(45;45;51,79)	721,5	0,042
Поддержка	48,73(46;84;50,62)	50,62(44,32;50,62)	737,5	0,06
<i>Методика «Духовная ориентация личности»</i>				
Духовная ориентация личности	125(122;129)	129(168;172)	8,0	<0,001
<i>Методика «Духовная личность»</i>				
Духовно-нравственные качества	90(88;94,5)	94,5(110;114)	54,0	<0,001
<i>Методика измерения альтруистических установок</i>				
Альтруизм	56(51;60,5)	60,5(85;90)	4,5	<0,001
<i>Методика «Продуктивная жизнедеятельность и самотрансценденция»</i>				
Продуктивная жизнедеятельность	33(30;37)	37(35;40)	455,5	<0,001
Способность к самотрансценденции	27(24;30)	30(31;39)	259,0	<0,001
<i>Методика «Металичностная самоинтерпретация»</i>				
Металичностная самоинтерпретация	40(35,5;43)	43(50;55)	82,0	<0,001

Примечание: *при уровне значимости $p > 0,05$ достоверных различий между выборками нет

нем самостоятельности и независимости от внешнего мнения внутри каждой группы; специфичностью волонтерской деятельности, предполагающей определенные групповые нормы, и профессиональными особенностями финансовых работников, способствующими развитию самостоятельного принятия решений. Еще одна причина отсутствия значительных различий по данному показателю может заключаться в характере самой волонтерской деятельности. Так, исследования зарубежных психологов показывают, что волонтерство, будучи добровольным занятием, привлекает людей, стремящихся сохранить независимую позицию и свободу выбора, что сближает их с профессионалами (финансистами), привыкшими действовать автономно [22, 23].

В результате сравнительного анализа установлено, что уровень «Духовной ориентации личности» и уровень выраженности «Духовно-нравственных качеств» являются более высокими у волонтеров, что интерпретируется нами как показатель их высокоморального отношения к людям и миру в целом по сравнению с лицами, не занимающимися волонтерской деятельностью. Альтруистические установки на помогающее поведение и металичностная самоинтерпретация также более выражены у волонтеров, демонстрируя их готовность жертвовать собственным временем и ресурсами ради общественного блага; ощущение себя как части большого мира. Полученные результаты согласуются с проведенными ранее исследованиями. Установлено, что по сравнению с профессионалами, ока-

зывающими помочь на возмездной основе, для волонтеров ведущими ценностями являются желание помогать людям, эмоциональная вовлеченность и сочувствие [18].

Заключение

Таким образом, проведенное нами исследование позволяет сделать следующий вывод - поставленная в исследовании цель достигнута, выдвинутая гипотеза в целом соответствует полученным результатам. Исследование показало, что волонтеры демонстрируют более высокие показатели духовно-нравственных проявлений и личностной самореализации по сравнению с лицами, не занимающимися волонтерской деятельностью (финансистами). Единственный показатель, по которому не выявлено различий по шкале «Поддержка» САТ, что, вероятно, объясняется общей автономностью обеих групп.

Результаты и исследования имеют практическое значение, поскольку могут использоваться при составлении психологических программ привлечения людей в добровольческую (волонтерскую) деятельность. Основными ограничениями исследования являются, на наш взгляд, сравнительно малочисленная выборка с несбалансированным количеством респондентов разного пола. Перспективой дальнейших исследований представляется проверка гипотезы о влиянии волонтерской деятельности на развитие духовно-нравственных качеств и личностной самореализации волонтеров.

ЛИТЕРАТУРА

- Бережная И.Ф. Волонтёрская деятельность как фактор социальной самореализации студенческой молодёжи // Гуманитарные науки. — 2018. — № 2 (42). — С. 102-107.
- Воронова Р.Б. Волонтёрская деятельность как условие самореализации студентов в вузе // Проблемы современного педагогического образования. — 2019. — № 64-3. — С. 84-87.
- Гозман Л.Я., Кроз М.В. Измерение уровня самоактуализации личности // Алешина Ю.Е., Гозман Л.Я., Дубовская Е.С. Социально-психологические методы исследования супружеских отношений. — М.: Изд-во МГУ, 1987. — С. 91-114.
- Знаков В.В. Новые тенденции в исследовании психологии духовности // Вопросы психологии. — 2018. — № 4. — С. 20-32.
- Капустина А.Н. Волонтерская деятельность как ресурс самореализации личности // Universum: Психология и образование: электрон. науч. журнал. — 2016. — № 3-4 (22). URL: <http://7universum.com/ru/psy/archive/item/3042> (дата обращения: 09.07.2025).
- Кухтова Н.В. Адаптация методики «Измерение просоциальных тенденций» (Г. Карло, Б.А. Рэндалл) // Вестник ГрГУ. — 2011. — № 2. — С. 113-116.
- Маслоу А. Мотивация и личность — СПб.: Евразия, 1999. — 478 с.
- Молчанов С.В., Алмазова О.В., Поскребышева Н.Н. Представления о волонтёрской деятельности у современной молодёжи // Национальный психологический журнал. — 2020. — № 4 (40). — С. 125-136. — DOI: 10.11621/nppj.2020.0410.
- Ожиганова Г.В. Адаптация опросника «Духовная личность» на русскоязычной выборке // Экспериментальная психология. — 2019. — Т. 12. — № 4. — С. 160-176. — DOI: 10.17759/exppsy.2019120413
- Ожиганова Г.В. Духовная личность — М.: Институт психологии РАН, 2020. — 288 с.
- Ожиганова Г.В. Методика «Продуктивная жизнедеятельность и самотрансценденция» // Ярославский педагогический вестник. — 2023. — № 3 (132). — С. 121-136. — DOI: 10.20323/1813-145X_2023_3_132_121
- Ожиганова Г.В. Разработка и валидизация опросника «Духовная ориентация личности» // Экспериментальная психология. — 2023. — Т. 16. — № 3. — С. 197-213. — DOI: 10.17759/exppsy.2023160313
- Палкин К.А. Ценностно-смысловые факторы участия в волонтёрской деятельности студентов российских вузов // Вестник практической психологии образования. — 2023. — № 20(1). — С. 117-128. — DOI: 10.17759/bppr.2023200112.
- Стегний В.Н., Никонов М.В. Мотивация волонтёрской деятельности // Вестник ПНИПУ. Социально-экономические науки. — 2018. — № 1.
- Степин В.С. Теоретическое знание — М.: Прогресс-Традиция, 2000. — 288 с.
- Тучина О.Р. Металичностная самоинтерпретация: концепция и её измерение // Известия вузов. Северо-Кавказский регион. Серия: Общественные науки. — 2012. — № 1.
- Ханин Ю.Л. Методика диагностики самооценки мотивации одобрения (Шкала лжи) Д. Марлоу и Д. Краун // Практическая психоdiagностика. Методики и тесты. Учебное пособие / ред. Д.Я. Райгородский. — Самара: Бахрах-М, 2001. — С. 635-636.
- Чипурная П.В., Кузнецова Е.А. Особенности ценностно-смысловой сферы добровольцев поисково-спасательных отрядов // Вестник Санкт-Петербургского университета. Психология. — 2021. — Т. 11. — № 1. С. 103-117. — DOI: 10.21638/spbu16.2021.107
- Шачинова М.А. Представление о личностной самореализации в психологической науке // Мир науки. Педагогика и психология. — 2024. — Т. 12. — № 4. — DOI: 10.15862/93PSMN424.
- Ясин М.И. Методика измерения альтруистических установок // Психологический журнал. — 2020. — № 1.
- Clary E.G., Snyder M., Ridge R.D., et al. Understanding and assessing the motivations of volunteers: a functional approach // Journal of Personality and Social Psychology. — 1998. — Vol. 74. — №6. — Pp. 1516–1530. — DOI: 10.1037/0022-3514.74.6.1516
- Finkelstein M.A. Intrinsic vs. extrinsic motivational orientations and the volunteer process // Personality and Individual Differences. — 2009. — Vol. 46. — № 5–6. — Pp. 653–658. — DOI: 10.1016/j.paid.2009.01.010.
- Penner L.A. Dispositional and organizational influences on sustained volunteerism: an interactionist perspective // Law and Contemporary Problems. — 2002. — Vol. 65. — №4. — Pp. 227–248. — DOI: 10.1111/1540-4560.00270
- Piliavin J.A., Siegl E. Health benefits of volunteering in the Wisconsin Longitudinal Study // Journal of Health and Social Behavior. — 2007. — Vol. 48. — №4. — Pp. 450–464. — DOI: 10.1177/002214650704800408.
- Raposa E.B., Laws H.B., Ansell E.B. Prosocial behavior mitigates the negative effects of stress in everyday life // Clinical Psychological Science. — 2016. — Vol. 4. — №4. — Pp. 691–698. — DOI: 10.1177/2167702615611073.
- Schnell T., Hoof M. Meaningful commitment: finding meaning in volunteer work // Journal of Beliefs & Values. — 2012. — Vol. 33. — №1. — Pp. 35–53. — DOI: 10.1080/13617672.2012.650029
- Shostrom E.L. Measurement of Growth in Psychotherapy // Psychotherapy: Theory, Research & Practice. — 1972. — Vol. 9. — №3. — Pp. 194–198. — DOI: 10.1037/h0086747.
- Wilson J., Musick M. The effects of volunteering on the volunteer // Law and Contemporary Problems. — 1999. — Vol. 62. — №4. — Pp. 141–168.
- Yeung J.W.K., Zhang Z., Kim T.Y. Volunteering and health benefits in general adults: cumulative effects and forms // BMC Public Health. — 2018. — Vol. 18. — №8. — DOI: 10.1186/s12889-017-4561-8.

СОЦИАЛЬНАЯ БИВАЛЕНТНОСТЬ ТВОРЧЕСТВА

SOCIAL BIVALENCE OF CREATIVITY

A. Bulygin

Summary: The article is devoted to the study of the phenomenon of social bivalence of creativity, emphasizing its ability to simultaneously have both positive and negative impact on the individual and society. A wide range of consequences of creativity is considered, ranging from spiritual enrichment and personal growth to possible risks associated with psychological instability, social alienation and even global threats, such as the creation of dangerous technologies. The author emphasizes the importance of taking into account the vital orientation of the creative personality, aimed at creation and progress, as well as the need for support of creative individuals by society.

Keywords: creativity, positive consequences, negative consequences, spirituality, psychological stability, communication difficulties, deviation, self-realization, society, personality, ambivalence.

Булыгин Александр Сергеевич

Аспирант, Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования
«Луганский государственный университет
имени Владимира Даля»
aleksandr.bulygin2000@mail.ru

Аннотация: Статья посвящена исследованию феномена социальной бивалентности творчества, подчеркивая его способность одновременно оказывать как позитивное, так и негативное влияние на личность и общество. Рассматривается широкий спектр последствий творчества, начиная от духовного обогащения и личностного роста до возможных рисков, связанных с психологической нестабильностью, социальным отчуждением и даже глобальными угрозами, такими как создание опасных технологий. Автор подчеркивает важность учета витальной ориентированности творческой личности, направленной на созидание и прогресс, а также необходимость поддержки творческих индивидуумов обществом.

Ключевые слова: творчество, позитивные последствия, негативные последствия, духовность, психологическая стабильность, коммуникативные трудности, девиация, самореализация, общество, личность, амбивалентность.

Творчество обладает способностью иметь как позитивные, так и негативные последствия и для личности, и для общества, что формирует такое его свойство, как бивалентность (амбивалентность) – выполнение одновременно противоположных, исключающих друг друга функций, оказание на окружающие объекты противоречивых воздействий.

Рассмотрим сначала, какие позитивные и негативные последствия творчество может иметь для личности.

Конечно, первыми на ум приходят **положительные личностные следствия** творческого процесса, с помощью которых личность духовно обогащается, развивается, находится в центре динамических процессов. Творчество ценно для личности тем, что:

- помогает человеку раскрыть себя, выявить свои дарования;
- развивает интеллектуальные способности, самостоятельность, индивидуальность, эмоциональную сферу;
- помогает понять себя, разобраться в своих психологических, когнитивных, эмоциональных проблемах;
- способствует самореализации и самопрезентации, помогает показать другим (и самому себе) свои возможности и особенности;
- способствует саморефлексии, а значит, улучшает психологическое состояние, снимает стресс, поднимает настроение;

- вводит личность в коммуникативное пространство, даёт возможность взаимодействия с людьми, которым адресовано произведение, передачи им своих мыслей и чувств;
- содействует социализации, помогает человеку стать частью общества, найти друзей и единомышленников, расширить круг общения, интегрироваться в социальную систему, при необходимости адаптироваться к новым условиям существования, избегать девиантного поведения и т.д.

Представление о творчестве как условии и способе развития личности в современной науке получило бесспорное признание. Помимо названных выше положительных следствий творчества, которые не вызывают сомнений, постоянно отмечаются всё новые его позитивные результаты. Так, Д.Н. Желухин рассматривает творчество «как платформу для формирования у человека нравственных качеств» [1, с. 111], Т.Г. Крапотина анализирует его роль в духовном становлении личности [2, с. 83], Т.М. Мищенко утверждает, что творчество может выступать как средство формирования развитой культуры толерантности [3, с. 101].

В контексте творческой личности можно говорить о духовности, поскольку «духовность, являясь априорным качеством всякой личности, может пониматься и как источник, и как движитель, и как результат ее творческой деятельности» [4, с. 233]. Иначе говоря, духовные искания побуждают человека к творчеству, помогают в творчестве, а новый творческий продукт становится способом

бом репрезентации духовности в мире.

Отрицательные личностные последствия творчества могут заключаться в его негативном влиянии на личность задействованного в творческом процессе и обладающего существенными креативными способностями человека. Действительно, наличие творческого потенциала, желание и умение его реализовать ещё не являются гарантией того, что эта реализация окажет позитивное воздействие на личность человека-творца. Обычно говорят о нескольких типах творческих деформаций такой личности.

Во-первых, у творческих людей могут быть эмоциональные и психологические трудности. Они часто очень требовательны к себе, склонны к самокритике и недовольству собой. Осознавая свои достоинства и способности к творчеству, они хотят, чтобы их высоко ценили окружающие, стремятся к успеху. Если успеха не удаётся достичь, то «творческие личности более подвержены депрессии, тревожности и другим расстройствам» [5]. Это обосновано особой чувствительностью их натуры, неустойчивым эмоциональным состоянием, способностью к глубоким переживаниям. Психологи отмечают по этому поводу, что «нейротизм, двойственность творческой личности находится близко к той грани, за которой начинается психопатология» [6, с. 113].

Негативное психологическое здоровье творческой личности в культуре может подвергаться романтизации; в восприятии окружающих нередко «человек великий – это человек переживающий глубокие страдания, одиночество и неприятие обществом» [7, с. 470], однако от этого психологическая нестабильность не начинает меньше влиять на творческую личность и её окружение. Полагаем, негативные психологические последствия творчества для личности – это не обязательное следствие творческой деятельности, а их романтизация является вредной, закрепляя у самих творческих людей пагубные стереотипы. Источник подобных штампов – культура романтизма XVIII в., появившиеся в этот период в обществе и превратившиеся в убеждённость идеи о необходимости для плодотворного творчества личностной драмы, страданий.

Под влиянием романтических стереотипов в современной культуре обесцениваются проблемы психологического здоровья творческой личности, принято нормально относиться к её нестабильности как источнику творческого потенциала. В научной литературе позиционируется негативное как толчок к позитивному для творческой личности. Можно встретить такие высказывания: «...Кризисы, играющие в обществе негативную роль, приобретают позитивную значимость для личностного развития, становятся пиками творческого обновления личности» [8, с. 138]. Отметим, что подобные

построения не имеют под собой никаких доказательств, помимо наблюдений за творчеством отдельных личностей аффективного типа, живших (или живущих) в сложные общественные периоды. При этом многочисленные факты продуктивной творческой деятельности психологически устойчивых личностей, не находящихся под воздействием личных драм и общественных потрясений, игнорируются.

Во-вторых, у творческих людей могут появиться коммуникативные сложности – во взаимодействии с окружающими. Причинами этого могут быть как эксцентричность характера и отмеченные выше психологические проблемы, которые отталкивают окружающих, так и стремление творческого человека к одиночеству, которое стимулирует креативность. Коммуникативные трудности тесно связаны с психологическими и эмоциональными, дополняют и усиливают друг друга.

В-третьих, творчество может стать причиной нигилизма, привести к утрате духовности. Человек, обладающий творческими идеями, активно проявляющий и постоянно конструирующий их, находится в духовной опасности. Он может посчитать себя гением, значимость которого в мире выше, чем значение духовных сил. Это может привести к высокомерию, самонадеянности, гордыне, бездуховности, в свою очередь плохо отражающимся на коммуникативной стороне жизни личности.

В-четвёртых, творческой личности может быть свойственна завышенная самооценка, «самоуверенность, склонность давать высокую оценку собственным способностям и достижениям» [6, с. 113]. При этом нельзя сказать, что высокая самооценка необъективна, ведь творческая личность действительно находится на голову выше окружающих в своей сфере. Однако это делает жизнь творческой личности, её мироощущение и отношения с окружающими сложнее, тем более что общество не всегда готово соглашаться с высокой самооценкой творческой личности и вообще принимать творчество. Как пишет А.А. Поносова, «художественные произведения отрицательно воспринимаются окружением, возможно, не готовым к кардинальным переменам» [9, с. 107]. Негативизм общества, упорно придерживающегося привычных стандартов, не спешащего их трансформировать, может стать для творческого человека одним из факторов дестабилизации личности.

По мнению Д.А. Устюжаниной, отрицательные последствия для личности могут наблюдаться, если творчество разворачивается в интернет-пространстве. Человеку на личностном уровне могут грозить утрата собственной идентичности, причастность к деструктивным социальным практикам (киберагрессии, кибербуллингу) [10, с. 6]. Как отмечает автор, «деструктивные последствия творческих практик связаны с ростом конфликтности и

агрессии, ухудшением социального самочувствия, разрушением связей между людьми и т. п.» [10, с. 154]. Отметим, что влияние на личность цифровой среды пока достоверно не изучено ввиду недостаточного времени наблюдения.

Исторически складывается так, что одни личности испытывают на себе положительное влияние творческой активности, а другие – негативное. М.Ю. Трофимов отмечает, что одним из факторов при этом выступает наличие витальной ориентированности творческой личности, представляющей собой «мировоззренческую установку, которая заключается в направленности сознания на созидательно-инновационную деятельность с опорой на общечеловеческие ценности» [11, с. 12]. Витальная ориентированность заключается в направленности на жизнь, любых мыслях и действиях во имя жизни, её прогресса и развития. В результате в процессе творчества происходит «освобождение личности от деструктивных образов мира, сохранение, воспроизведение и реализация человеческой сущности» [11, с. 12]. Для человека-творца невозможным становится направить свою деятельность на деструктивные, антигуманные поступки в свой адрес или адрес других людей, ведь это нарушит его ориентацию на развитие жизни.

Русский философ С.Ф. Денисов, введший в научный обиход понятие витальной ориентированности, отмечает, что у неё могут быть внутренние и внешние основы. В первом случае это «внутренние биологические источники жизни, ценностные мировоззренческие установки субъекта», а во втором – «внешние для человека условия, способствующие его жизни» [12, с. 10-11], то есть та обстановка, в которой вырос и живёт человек, которая оказывает на него воздействие. Для человека становится важно или неважно направить свои усилия на улучшение жизни вокруг него, на созидание.

В любом случае необходимо, чтобы у творческих личностей были возможности для самореализации, проявления себя, чтобы они получали от общества хотя бы не меньше внимания, чем его достоин обычный человек, какой бы личностью он ни являлся. Тогда выше будет шанс, что творческая способность повлияет на личность положительно, и человек, наделённый ею, станет полезен и себе, и обществу.

Положительные следствия творчества для общества, его динамики и прогресса несомненны, поскольку творчество – «движение творца к открытию нового» [13, с. 189], к развитию, к чему-то лучшему по сравнению с тем положением, которое было прежде.

Во-первых, творчество служит обогащению культурного поля, созданию новых объектов культурного наследия, с помощью которых развивается культура. Культура

и творчество неразрывно связаны, и «творческая деятельность людей рассматривается как движущая сила культуры и главная цель её становления» [14, с. 44]. Творческая деятельность пополняет культурное пространство, выступая источником всех новшеств в культуре, в всех духовных и материальных ценностях.

Во-вторых, творчество способствует социальному развитию, изменениям взглядов, убеждений и системы ценностей, которые необходимы для движения вперёд. Как пишет Н.Э. Микаилова, «результатом творческой деятельности является вся многообразная общественная жизнь, включая материальные, духовные и прочие проявления, а также развитие самого человека» [14, с. 44]. Система ценностей не может существовать в стандартном, навсегда утверждённом виде, отсутствие в ней изменений обозначает не просто стагнацию, а не обратимые негативные последствия. Творческие люди могут раньше остальных понять, в каком направлении должно двигаться современное общество, какие ценностные ориентиры развивать.

В-третьих, творчество способствует объединению людей вокруг каких-то проектов и идей. В обществе укрепляются имеющиеся и образуются новые социальные связи, людям важно чувствовать свою принадлежность к сообществу, которое занимается реализацией творческого замысла на благо общества.

В-четвёртых, творчество показывает людям, что мир достаточно динамичен, не является застывшим, раз и навсегда сформированным. Творчество может стать примером, который стимулирует окружающих следовать своим творческим порывам, не бояться менять жизнь. То есть творчество подстёгивает и развивает творчество.

Можно также выделить такой позитивный фактор творческой деятельности для общества, как попытка посредством творчества решить одну из основных загадок – тайну человеческой жизни. Как пишет Вернадский, человек веками ищет разрешение загадки жизни «в гармонии и подвижном мире звуков музыки, в цвете и форме зодчества, живописи, ваяния» [15, с. 374]. Само наличие таких попыток (пусть дать точный ответ ни творчество, ни какой-то ещё источник не могут) служат развитию человеческого общества.

Творческая личность в процессе креативной деятельности вносит в мир что-то новое, чего до этого ещё не было, а значит, постоянно, понемногу меняет его, и мир движется от прошлого к будущему, усовершенствуясь. В результате таких постепенных, чаще всего незаметных для одного поколения изменений «вся культура с ее науками и искусствами есть воплощенные, овеществленные идеи людей» [16, с. 8]. Человек постепенно окружает себя всем новыми объектами, отношениями и мнениями,

созданными на основе каких-то позитивных творческих замыслов.

Учитывая, насколько важны творчество и креативные люди для общества, следует ожидать, что социум должен с одобрением к ним относиться, поддерживать, ценить за тот вклад, который они вносят в общественное развитие, однако, как отмечает В.Ю. Минералов, это далеко не всегда так: «...В России мы имеем дело скорее с довольно равнодушным отношением к творчеству, интеллекту, новаторству, с невостребованностью талантливых людей» [17, с. 4]. Творческие люди часто оказываются не поняты обществом. Они необычны, неуправляемы, обладают оригинальным мышлением, пугают своими идеями, выглядящими слишком современными и ведущими к разрушению привычных устоев.

Не всё в творческих людях, что кажется обществу негативным, действительно является таковым, однако примеры отрицательной роли творчества на общества тоже существуют.

Негативные общественные последствия творчества не обязательно задумываются творческой личностью изначально, то есть речь не идёт в первую очередь о некоем «злом гении», который всю жизнь посвящает ухудшению жизни людей, намеренно желая принести окружающим побольше зла, сделать мир хуже. Впрочем, возможность существования таких «злых гениев» мы тоже не исключаем (вспомним хотя бы о талантливых преступниках, делающих уничтожение людей своей главной жизненной задачей и нередко проявляющих при этом творчество).

В первую очередь отрицательные последствия творчества в нашем понимании связаны с «движением творца к неясной до конца синкетической цели» [13, с. 189], то есть с тем, что многие творческие личности до поры до времени не осознают, к каким последствиям может привести их деятельность. Они просто творят, создают что-то новое в своей сфере, не представляя, что изобретение может быть использовано с преступными целями.

Хрестоматийным примером стало научное творчество академика А.Д. Сахарова, лауреата Нобелевской премии мира (1975), который является создателем водородной бомбы, способной уничтожить человечество. Благодаря творчеству А.Д. Сахарова, СССР в 1960-е гг. стал лидером в ядерной гонке, а над миром нависла и продолжает существовать до наших дней угроза тотального уничтожения.

В более широком смысле можно рассмотреть многочисленные человеческие изобретения, которые начали использоваться для создания мощного оружия, хотя изначально для этого не предназначались. Творческая

личность занимается научными изобретениями, как правило, предполагая, что они внесут в жизнь общества что-то хорошее, улучшат жизнь людей, послужат их культурному и социальному развитию. Однако так получается далеко не всегда.

Интересной в данном плане является современная ситуация с искусственным интеллектом (ИИ). Термином «искусственный интеллект» называют «свойство интеллектуальных систем выполнять творческие функции, которые традиционно считаются прерогативой человека» [18, с. 185]. Создание ИИ относят к 1960-м гг. ХХ в. и рассматривают в связи с изобретением компьютера, цифровых технологий. В настоящий момент системы, основанные на ИИ, очень ценные для человека и постоянно увеличивают свою полезность. Они вошли в обиход большинства жителей земли, применяясь в сфере маркетинга, транспорта, медицины, социальной коммуникации, бизнеса, промышленности, образования, сельского хозяйства, управления и др. ИИ научился предугадывать желания людей, окружил их заботой и делает всё для того, чтобы жизнь человека проходила более приятно.

Речь при этом идёт о так называемом «слабом» ИИ, подчинённом человеку, действующем на основе его приказов (команд), не осознавшем себя как отдельная личность, не обладающем полностью человеческим сознанием. В то же время практически с самого начала разработок ИИ имеются опасения появления «сильного» ИИ, всецело повторяющего сознание человека, обладающего самостоятельным мышлением, идентифицировавшего себя как отдельное существо. Разделение ИИ на «сильный» и «слабый» типы восходит к исследованиям Дж. Сёрля второй половины ХХ в. [19, с. 429]

Страх общества перед появлением «сильного» ИИ воплотился во множестве произведений художественной литературы и кинематографа, в которых показано, что, осознав себя, ИИ первым делом решит уничтожить человечество, посчитав его либо ненужным, либо опасным для себя. К наиболее известным произведениям данной тематики относятся американские кинофильмы и франшизы «Терминатор» (1984–2019), «Матрица» (1999–2021), «Я, робот» (2004), «Стеллс» (2005) и др.

В подобных фильмах достоверно воплотился уже знакомый человечеству сценарий, когда творчество, которое изначально не планировалось как наносящее вред человечеству, становится социально опасным, ведёт к деструктивным событиям и явлениям.

Относительно соотношения позитивного и негативного (деструктивного) в творческой деятельности в науке продолжают вестись дискуссии. К примеру, В.Т. Фаритов утверждает, что творчество с его уникальностью всегда деструктивно как феномен, по своей природе: «...

Творчество есть надлом, трещина дискурсивных образований и истечение сквозь эту трещину бытийного потока» [20, с. 11]. Если же в итоге возникают позитивные явления, то это, по мнению автора, результат не творчества, а его ассилияции, введение его в бытие человеческим сообществом, то есть дальнейшей деятельности. Творчество провоцирует кризис, по своей сути это взрыв, и общество всегда предпринимает усилия по ликвидации последствий данного взрыва. Такие усилия и продуцируют положительную социальную динамику. Мы признаём за этой точкой зрения право на существование, но не можем с нею согласиться. Творчество амбивалентно, его позитивная или негативная реакция зависит от множества факторов личностного и общественного свойства, а в интерпретации В.Т. Фаритова его сущность исключительно негативна.

В психологии творчество принято считать отклоняющимся, девиантным поведением. Это связано со склонностью творческих людей нарушать правила, не действовать по образцам. Г.Г. Гадамер характеризовал творческую личность как «творческий гений, возвышающийся над правилами и осуществляющий чудо произведения искусства» [21, с. 113]. Норма в процессе творчества, по характеристике Н.А. Мильчарек, «начинает трансформироваться в сторону индивидуальной техники, метода, способа в выполнении действия» [22, с. 250]. Стремление нарушить устои говорит об авангардистском характере творческой личности [23, с. 96]. Творческая личность всегда авангардна и экстравагантна, она опережает своё время по сравнению даже с теми членами общества, которые не являются традиционалистами и ортодоксами. Чем выше степень творческих способностей, тем в большей степени отклоняется от образца человек, а гении вообще создают собственные нормы.

Согласно такому подходу, творческий человек всегда неудобен для организации педагогического процесса. Он не будет повторять по образцу, захочет улучшить систему, рационализировать образец или вообще сделать всё по-своему. Возникает парадокс: педагогика активно разрабатывает вопросы развития творческих способностей обучающихся [1; 2], хотя педагоги должны понимать, что работать с творческими детьми и подростками сложнее: они не будут безропотно принимать всё, что им скажут, верить педагогам на слово, захотят всё исследовать и усовершенствовать, а значит, деструктурируют

привычный учебный процесс.

Творчество в нашей культуре занимает особое положение среди других видов девиаций (отклонений). Как отмечает Э.В. Снимщикова, «в нашем обществе люди, попадающие под определение творческой личности, гения, героя, лидера, избранника народа являются собой пример позитивных девиаций в поведении, т.е. культурно одобряемых отклонений» [6, с. 113]. Иначе говоря, необычность творческих людей, их нестандартность, готовность разрушать стереотипы понимаются в обществе более терпимо, чем девиации других личностей с отклоняющимся поведением.

В психологии творчество чаще всего характеризуют как позитивную девиацию, одно из «отклонений в общественной жизни, способствующих развитию и удовлетворению потребностей людей» [9, с. 107]. Термин «девиация» в данном случае не имеет своей привычной негативной коннотации. Напомним, что в психологическом словаре терминов девиантное поведение объясняется как «действия, не соответствующие <...> моральным и правовым нормам и приводящие нарушителя (девианта) к изоляции, лечению, исправлению или наказанию» [24, с. 150], то есть дано определение, которое характеризует исключительно негативную девиацию. В отношении творчества ясно, что девиации тоже нарушают сложившиеся в обществе нормы и могут привести девианта к изоляции, но исправления или наказания творческая деятельность, к счастью, не требует. Обществом признаётся, что некоторые нарушения нормы могут быть позитивными и в перспективе оказывать положительное влияние на его динамику.

Итак, социальная бивалентность делает творчество явлением, продуцирующим неоднозначные мнения и реакции, однако позитивные функции в составе оказываемых творчеством на личность и общество всё-таки сильнее, объёмнее, значимее негативных. Несмотря на деструктивное воздействие, которое творчество может в отдельных случаях оказывать на личность и общество, оно является движущей силой любого социального развития, постоянно выполняет в общество свою созидающую роль. Именно благодаря творчеству человечество движется вперёд, осваивая всё новые сферы деятельности, формируя вокруг себя всё более благоприятную, социально ориентированную, гуманную среду.

ЛИТЕРАТУРА

1. Желтухин Д.Н. Творчество как условие и способ развития личности // Вестник Самарского юридического института. – 2021. – № 1 (42). – С. 111-118.
2. Крапотина Т.Г. Творчество как способ создания положительной мотивации в обучении школьников и его роль в духовном становлении личности // Конференциум АСОУ: сб. науч. тр. и мат. науч.-практ. конф. – 2019. – № 3-2. – С. 83-91.
3. Мищенко Т.М. Творчество как средство формирования толерантности у подростков // Мир образования – образование в мире. – 2009. – № 3 (35). – С. 101-105.

4. Лагунов А.А., Смирнов А.Ю. Духовные начала творчества: персоналистский аспект // Вопросы теологии. – 2023. – Т. 5. – № 2. – С. 233-243.
5. Скокова Ж. С какими ментальными проблемами сталкиваются творческие люди. 30.01.2024 [Электронный ресурс]. – URL: <https://sgpress.ru/news/429718> (дата обращения: 26.04.2025).
6. Снимщикова Э.В. Творчество как вариант проявления позитивных девиаций поведения // Общество: политика, экономика, право. – 2009. – № 1-2. – С. 113-119.
7. Лачугина М.С. Романтизация негативных психологических состояний в портрете личности творческого человека // Молодой ученый. – 2023. – № 22 (469). – С. 470-472.
8. Минасян Л.Г. Саморазвитие человека в духовной культуре: экзистенциально-антропологический аспект // Экономические и гуманитарные исследования регионов. – 2011. – № 3. – С. 138-145.
9. Поносова А.А. Позитивная девиация как социологический феномен в сфере художественного творчества // Актуальные проблемы развития человеческого потенциала в современном обществе: мат. IV междунар. науч.-практ. конф. – Пермь: ПГНИУ, 2017. – С. 107-111.
10. Устюжанина Д.А. Интернет как сфера социального творчества: социально-философский анализ: дис. ... канд. филос. наук: 5.7.7. – Красноярск, 2022. – 197 с.
11. Трофимов М.Ю. Витальная ориентированность творческой личности // Культурное пространство Русского мира. – 2018. – № 3 (7). – С. 12-19.
12. Денисов С.Ф. Жизненные и антропологические смыслы правды и неправды. – Омск: Изд-во ОмГПУ, 2001. – 206 с.
13. Мухина В.С. Научное творчество и его амбивалентная феноменология // Развитие личности. – 2016. – № 2. – С. 181-208.
14. Микаилова Н.Э. Творчество как движущая сила развития культуры // Балканское научное обозрение. – 2020. – Т. 4. – № 4 (10). – С. 44-50.
15. Вернадский В.И. Собрание сочинений: в 24 т. Т. 8 / Под ред. Э.М. Галимова. – М.: Наука, 2013. – 527 с.
16. Нестеров А.В. Учение о творчестве как важнейшем проявлении человеческой свободы в контексте русской религиозной философии // Система ценностей современного общества. – 2013. – № 28. – С. 7-14.
17. Минералов В.Ю. Управление инновационной активностью сотрудников с высоким творческим потенциалом: автореф. дис. ... канд. социол. наук: 22.00.08. – М., 2009. – 22 с.
18. McCarthy J. Recursive Functions of Symbolic Expressions and Their Computation by Machine, Part I // Communications of the ACM. – 1960. – Т. 3. – № 4. – Р. 184-195.
19. Searle J.R. Minds, brains and programs // Behavioral and Brain Sciences. – 1980. – № 3. – Р. 417-457.
20. Фаритов В.Т. Наука как модус бытия: феноменолого-онтологический подход: автореф. дис. ... канд. филос. наук: 09.00.08. – М., 2010. – 19 с.
21. Гадамер Г.Г. Актуальность прекрасного: сборник. – М.: Искусство, 1991. – 368 с.
22. Мильчарек Н.А. Проблема развития творчества в контексте соотношения понятий нормы и девиации // Педагогика и медицина в служении человеку: мат. III всерос. науч.-практ. конф.; гл. ред. С.Ю. Никулина. – Красноярск: КГМУ, 2016. – С. 249-251.
23. Павлова М.П., Иванова Т.Н. Авангардизм творчества – стратегический ресурс инновационной экономики // ПОИСК: Политика. Обществоведение. Искусство. Социология. Культура. – 2022. – № 2 (91). – С. 96-104.
24. Большой психологический словарь / Н.Н. Авдеева и др.; под ред. Б.Г. Мещерякова, В.П. Зинченко. – М.: АСТ; СПб.: Прайм-ЕвроЗнак, 2009. – 811 с.

© Булыгин Александр Сергеевич (aleksandr.bulygin2000@mail.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

ДЕКОНСТРУКЦИЯ НАУЧНОГО ЗНАНИЯ В СОВРЕМЕННОЙ КУЛЬТУРФИЛОСОФСКОЙ РЕФЛЕКСИИ

DECONSTRUCTION OF SCIENTIFIC KNOWLEDGE IN MODERN CULTURAL-PHILOSOPHICAL REFLECTION

V. Skopa
N. Serova
D. Pilipenko

Summary: Intellectual deconstruction of science in the context of contemporary cultural-philosophical discourse is a complex process of transformation of epistemological paradigms and rethinking of cognitive strategies of cognition. Key aspects of this phenomenon include dismantling of traditional scientific narratives; destructuring of rigid methodological schemes; pluralism of interpretative models and reconfiguration of research optics. Thus, deconstruction is a complex transformational process of reformatting scientific knowledge.

Keywords: antiscientism, science, knowledge, scientism, man, cultural-philosophical reflection.

Скопа Виталий Александрович

доктор исторических наук, профессор,
член-корреспондент Российской академии
естествознания, Алтайский государственный
педагогический университет (г. Барнаул)
sverhtitan@rambler.ru

Серова Наталья Степановна

кандидат философских наук, Алтайский
государственный педагогический университет
(г. Барнаул)

Пилипенко Дмитрий Сергеевич

Аспирант, Алтайский государственный педагогический
университет (г. Барнаул)

Эпистемологическая рефлексия современной культуры обнаруживает комплексный кризис научного познания, где антисциентистские тенденции формируют альтернативные модели интеллектуальной деятельности. В современном мире наблюдается устойчивая тенденция к трансформации научного знания и критическому переосмысливанию классических эпистемологических парадигм. Антисциентистская концепция становится все более влиятельным интеллектуальным течением, ставящим под сомнение абсолютный авторитет научного разума [13]. Неуклонная динамика расширения интеллектуального горизонта человечества характеризуется стремительным приращением информационного потенциала. Этот феномен детерминирован не только совершенствованием методологического инструментария научного поиска, что находит подтверждение в эпистемологических концепциях, но и преимущественно фундаментальным импульсом цивилизации к всестороннему освоению и трансформации природных и социальных контекстов в условиях постоянно возрастающей комплексности познавательных задач. Ключевые изменения происходят не столько в плоскости технических инноваций, сколько в парадигмальном переосмысливании стратегий взаимодействия человека с универсальными

системами знания и средовыми пространствами [3].

В современную эпоху трансформация социальных структур и механизмов жизнедеятельности приобретает целенаправленный вектор, где системообразующим фундаментом выступают научно верифицированные концепции. Примечательно, что параллельно с поступательным наращиванием интеллектуального потенциала развивается диалектически противоположный процесс – перманентное расширение горизонтов неизведанного. Особенно рельефно этот феномен проявляется в пространстве фундаментальных научных дисциплин, где классические парадигмы постоянно реконфигурируются под влиянием пограничных исследовательских конструктов. Показательным примером служит введение в научный дискурс физики таинственных концептов вроде «темной материи» и «темной энергии», которые не только расширяют методологический инструментарий познания, но и радикально трансформируют существующую картину мироздания [1, 5]. Подобная интеллектуальная динамика демонстрирует принципиальную незавершенность научного знания и перманентную готовность научного сообщества к деконструкции устоявшихся теоретических положений.

В текущей парадигме научного познания масштаб неизведенного настолько беспрецедентен, что многократно превосходит проблемное поле исследований предыдущих интеллектуальных эпох [14]. Этот феномен порождает глубокое эпистемологическое противоречие, которое можно охарактеризовать как диалектику прогресса и ограниченности человеческого разума. С одной стороны, наблюдается стремительная аккумуляция знаний, расширение когнитивного инструментария и последовательное наращивание технологического потенциала, позволяющего человечеству все более эффективно трансформировать природные и социальные системы. Однако обратной стороной этого процесса выступает принципиальная несостоительность человечества не только постичь онтологические основы бытия, но и конструктивно реализовать накопленный интеллектуальный ресурс [4]. Парадоксальность ситуации состоит в том, что чем больше человечество познает, тем очевиднее становится фундаментальная ограниченность его гносеологических возможностей. Научное продвижение все отчетливее демонстрирует не столько торжество человеческого разума, сколько сложность и многослойность мироздания, постоянно сопротивляющаяся попыткам ее полного рационального объяснения. Этот интеллектуальный диссонанс актуализирует фундаментальный вопрос о границах научного познания и нравственной ответственности за трансформационные процессы, инициируемые научно-техническим прогрессом [7].

Размышления о научном прогрессе сквозь призму человеческого блага зародились задолго до современных дискуссий. Еще в эпоху Просвещения Жан-Жак Руссо выступил с революционной критикой знания, утверждая, что интеллектуальные достижения человечества – не более чем производное от его пороков. В трактате «Об общественном договоре» мыслитель фактически поставил под сомнение безусловную ценность научного поступательного движения [6]. Первоначально критика носила локальный характер и фокусировалась преимущественно на морально-этических аспектах. Однако с течением времени проблемное поле существенно трансформировалось. Научные открытия и технологические решения стали затрагивать все более широкий спектр человеческого существования – от психологических особенностей до экологических параметров среды обитания, от социальных взаимодействий до физиологических характеристик индивида. Таким образом, первоначальная интуиция Руссо обрела масштабное концептуальное развитие, превратившись в комплексное осмысление амбивалентности научного знания.

Ключевая миссия антисциентистской парадигмы в современной эпистемологии – критическая рефлексия потенциальных деструктивных эффектов научного прогресса в различных доменах человеческой жизнедеятельности. Скептицизм представителей этого

направления неуклонно нарастает на фоне очевидной трансформации науки из инструмента познания в механизм извлечения прагматической выгоды [9]. Усиливающийся пессимизм антисциентистов обусловлен системной проблемой: наука всё чаще утрачивает гуманистический вектор, превращаясь в средство захвата утилитарных интересов корпораций и государственных институтов. Научные разработки дидактически ориентированы не на безусловное служение человечеству, а на реализацию сиюминутных экономических или милитаристских стратегий. Такая редукция наносит принципиальный удар по изначальной аксиологической матрице научного знания, девальвируя ее фундаментальную миссию – расширение горизонтов человеческого понимания и благополучия [10].

Антисциентизм в философской плоскости позиционируется как интеллектуальная стратегия деконструкции научного дискурса, которая предполагает радикальную деактуализацию классических представлений о научном прогрессе. Сущностная характеристика этого концептуального подхода заключается в принципиальной готовности подвергнуть фундаментальной ревизии весь корпус научного знания, включая его онтологические и аксиологические основания. Более того, антисциентистская методологическая парадигма допускает не просто критическую рефлексию, но и потенциально полное негативное позиционирование науки как социального феномена. Ключевая интенция антисциентизма – демонстрация латентных рисков и деструктивного потенциала научного развития, которые зачастую маскируются риторикой прогресса и универсального блага. Философская традиция в рамках этого направления акцентирует внимание на необходимости глубокой герменевтической деконструкции научных практик и их цивилизационных импликаций.

Идея тотального антропоцентрического доминирования над природным пространством, сформулированная в эпистемологическом конструкте Ф. Бэкона через метафору «знание как инструмент могущества», стала квинтэссенциальным манифестом интеллектуальной парадигмы Просвещения [2, 4]. Парадоксальным образом синхронно с утверждением сциентистских установок разворачивается профетическая деконструкция телологии научного прогресса. Знаковой фигурой в этом контексте выступает Ж.-Ж. Руссо, который задолго до постмодернистской критики представил радикальную альтернативу технократичному мировоззрению [6]. У Руссо концепт научного развития трактуется не как линейный поступательный процесс, а как перманентная деградация человеческой сущности.

В научных кругах существует несколько устоявшихся подходов к критическому осмыслению научного знания, различающихся глубиной и интенсивностью скептиче-

ского взгляда. Мягкая версия не подвергает тотальному отрицанию сиентистскую парадигму, агрессивно называющую монополию на истину, а сосредоточена на выявлении потенциальных деструктивных эффектов научного прогресса. Этот философский дискурс блестяще художественно визуализирован в романе Мэри Шелли «Франкенштейн, или Современный Прометей» [11]. Именно здесь впервые в мировой литературе автор представил глубокий экзистенциальный сюжет о трагических последствиях беспредельного устремления учёного к знанию, способного порождать разрушительные для человечества феномены.

Анализ социальных трансформаций, порождаемых научно-техническим прогрессом, находится в фокусе пристального внимания как зарубежных, так и российских социально-философских исследований. Так, Э. Тоффлер в своем труде «Шок будущего» акцентировал внимание на головокружительной динамике социо-технологических трансформаций, подчеркивая нарастающий диссонанс между темпами научного развития и адаптационными возможностями человека [8]. Ключевой посыл исследователя заключается в том, что беспрецедентное ускорение технологических и социальных изменений создает для индивида практически непреодолимые барьеры психологической и когнитивной интеграции. Бесконтрольная экспансия научного знания порождает своеобразный цивилизационный парадокс: чем стремительнее развиваются технологии, тем более фрагментированным и дезориентированным становится человеческое восприятие реальности.

Прежде социальная динамика развивалась плавно и размеренно, предоставляя социуму достаточно времени для осмыслиения и адаптации к трансформациям в рамках жизненного цикла одного поколения. Сегодняшняя реальность кардинально отличается – скорость общественных изменений настолько стремительна, что порой за несколько лет происходят революционные сдвиги, которые ранее могли бы растянуться на десятилетия. Темп технологических и социокультурных трансформаций стал настолько высоким, что классические механизмы преемственности и традиционной передачи опыта между поколениями фактически разрушаются. Каждые несколько лет привычная картина мира претерпевает радикальные трансформации, заставляя индивидуумов постоянно перестраивать собственные когнитивные модели и адаптационные стратегии.

Согласно исследованиям, научное мировоззрение не может полностью детерминировать социальную динамику, игнорируя комплексное влияние гуманитарных факторов. Умеренный антисиентизм подчеркивает необходимость критической оценки технологических инноваций с позиции человеческих ценностей и этических норм. Здесь ключевая идея заключается в том, что

научный прогресс должен находиться под гуманитарным контролем и не противоречить фундаментальным принципам развития общества [7, 12]. Существенную роль в социальных трансформациях играют такие нематериальные компоненты, как политические институты; образовательные системы; культурные практики; религиозные взгляды; морально-нравственные установки и эмоциональный фон индивидуумов. Таким образом, научное знание рассматривается как важный, но не единственный драйвер общественных изменений, а человеческий фактор выступает определяющим в интерпретации и имплементации технологических решений.

В контексте современных тенденций умеренный антисиентизм акцентирует внимание на трансформации научной парадигмы под влиянием рыночных механизмов. Знание постепенно утрачивает статус самоценного интеллектуального продукта, перетекая в плоскость товарно-денежных отношений [5, 9]. Принципиальная особенность современного этапа – инверсия классической модели: если раньше наука определяла траекторию общественного развития, то теперь спектр научных изысканий жестко детерминирован социально-экономическими потребностями и финансовыми возможностями социума. Современная научная парадигма претерпевает глубинную трансформацию, где фундаментальные гносеологические принципы поступают прагматическим установкам технико-инструментального характера [3, 10].

Крайняя форма антисиентизма отличается резкостью в оценке научного прогресса. Сторонники этого течения высказывают диаметрально противоположные суждения – от категорического неприятия научного развития до утверждения о тотальном манипулятивном потенциале научного знания в руках тех или иных «режимов» [1, 3]. Радикальные критики науки подчеркивают, что тоталитарные системы используют псевдонаучные концепции как инструмент социального контроля, создавая искусственные модели мироустройства, противоречащие естественному социальному порядку. Каждая подобная теория, несмотря на видимость научного обоснования, по сути является манипулятивной конструкцией. Эти идеологические взгляды активно воспринимаются маргинальными общественными движениями – антиглобалистами, контркультурными сообществами, которые видят в научном прогрессе угрозу человеческой свободе и естественности бытия.

В XX столетии жанр антиутопий стал мощным художественным инструментом осмыслиения технократических рисков цивилизации. Литературные произведения Оруэлла, Брэдбери, Замятиня, Стругацких представляют альтернативные социальные модели, где научный прогресс перетекает в тотальный контроль. Писатели убедительно демонстрируют дегуманизированный мир, где технологические достижения перечеркивают базовые

человеческие ценности. Научные инструменты – генетическая модификация, когнитивные технологии, социальный инжиниринг превращаются в механизмы расчленения личности, превращения человека в беззащитный элемент сложной системы [1]. Обобщенно можно отметить, что эти литературные произведения предостерегают, что без гуманитарной рефлексии научные достижения могут превратиться в орудие манипуляции, лишив человечество индивидуальности, эмоциональности и права на самоопределение.

Ключевой посыл антисциентизма заключается в критическом осмыслении социально-гуманитарных последствий научно-технического прогресса. Разработка смертоносных вооружений, техногенные катаклизмы, производственные риски, экологический кризис и манипуляции с генетической структурой человека создают реальную угрозу существованию цивилизации, потенциально приводя к антропологической деградации. Критики научного подхода справедливо указывают на системный провал в гуманистической оценке научных инноваций. Необходима многопрофильная экспертиза, которая будет абсолютно независимой от государственных и коммерческих интересов. Однако современная реальность демонстрирует глубокую институциональную вовлеченность науки в механизмы политической и экономической конъюнктуры, что существенно затрудняет создание объективной оценочной платформы. Ключевое противоречие заключается в дисбалансе между технологическим прогрессом и гуманистической рефлексией его наиболее радикальных проявлений.

Аналитический обзор научных исследований подтверждает обоснованность опасений представителей антисциентизма относительно потенциальных эпистемологических рисков. В данном контексте под эпистемологическими угрозами понимается латентная опасность научных результатов, не прошедших тщательной социально-гуманитарной экспертизы. Также аргументация антисциентизма приобретает особую актуальность в контексте современных цивилизационных вызовов. Принципиальная позиция заключается не в тотальном отрицании научного прогресса, а в необходимости разработки гуманистического измерения, способного генерировать альтернативные стратегии развития человечества, где технологический потенциал будет гармонично сбалансирован с общечеловеческими ценностями [3].

Таким образом, антисциентистская концепция представляет собой сложный и многогранный феномен современной интеллектуальной культуры. Она не только деконструирует существующие научные парадигмы, но и открывает новые горизонты для эпистемологического творчества. Ключевые тренды указывают на необходимость постоянной методологической рефлексии и готовности к пересмотру устоявшихся познавательных моделей через призму культурфилософской критики, где традиционные методологические установки подвергаются деконструкции и переоценке с позиций плюрализма и релятивизма. Научное знание трансформируется из абсолютной системы в гибкую, многоуровневую конструкцию, открытую для различных культурных интерпретаций.

ЛИТЕРАТУРА

1. Биоэтика и гуманитарная экспертиза. Вып. 7. М., 2013. – 245 с.
2. Гаранина О.Д. Социальные фобии миллениума: наука в образе Франкенштейна // Научный вестник Московского государственного технического университета гражданской авиации. 2012. № 182. – С. 40-45.
3. Емелин В.А. Киборгизация и инвалидизация технологически расширенного человека // Национальный психологический журнал. 2013. № 1 (9). С. – 62–70.
4. История и философия науки / С.А. Ан, Э.И. Забнева, В.В. Маркин [и др.]. Барнаул, 2022. – 304 с.
5. Миронов В.В. Образы науки в современной культуре и философии. М., 2004. – 332 с.
6. Руссо Ж.-Ж. Об общественном договоре. Трактаты. М., 1998. – 416 с.
7. Скопа В.А. Кризис сциентизма: причины возникновения и последствия // «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики». Серия: Познание. 2021. № 3-2. – С. 79-82.
8. Тоффлер Э. Шок будущего. М., 2002. – 557 с.
9. Фесенкова Л.В., Дерябина Е.Д. Идея преобразования человека в современной культуре. Проблема трансгуманизма сегодня // Культурное наследие России. 2015. № 4. – С. 16-19.
10. Хамидов А.А. Общество знания как проблема социальной философии // Вопросы философии. 2017. № 8. – С. 43-53.
11. Шелли М. Франкенштейн, или Современный Прометей. М., 2015. – 286 с.
12. Шпенглер О. Закат Европы. Очерки морфологии мировой истории: в 2 т. Т. 1. Гештальт и действительность. М., 1993. – 663 с.
13. Юдин Б.Г. Новые итоги давнего исследования // Биоэтика и гуманитарная экспертиза. Вып. 6. М., 2012. – С. 12–26.
14. Скопа В.А. Методология научного исследования. Барнаул: АлтГПУ, 2022. – 220 с.

© Скопа Виталий Александрович (sverhtitan@rambler.ru), Серова Наталья Степановна, Пилипенко Дмитрий Сергеевич.

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

МЕНТАЛИТЕТ КАК ОСНОВАНИЕ КИТАЙСКОЙ ЦИВИЛИЗАЦИИ В КОНТЕКСТЕ ЗАПАДНОЙ И КИТАЙСКОЙ НАУЧНОЙ МЫСЛИ

Цюй И

Аспирант, Забайкальский государственный университет

(г. Чита)

aglena_72@mail.ru

MENTALITY AS THE BASIS OF CHINESE CIVILIZATION IN THE CONTEXT OF WESTERN AND CHINESE SCIENTIFIC THOUGHT

Qu Yi

Summary: The article presents an analysis of Western and Chinese concepts of Chinese mentality and its influence on Chinese civilization. The study discusses theoretical aspects of the problem of Chinese mentality associated with the use of a civilizational approach. It is revealed that the civilizational approach of Western and Chinese authors differs in key provisions related to ideas about geocivilization. The presented analysis of the socio-cultural space of China allows us to form ideas about the approach in state cultural policy aimed at strengthening national identity and social cohesion, where an appeal to the traditions of mentality plays a significant role. In the conditions of the modern world, the Chinese mentality forms its role identity, preserving the «value core» and adapting to new realities, based on maintaining a balance between tradition and modernity. An analysis of the literature on the topic of the foundations of the socio-cultural world, mentality and identity in China shows that studies of China in the West have certain traditions that significantly affect the content and problems of studies devoted to the features of the legitimization of power in this country. It is revealed that Chinese scientific thought is focused on the development of a concept of cultural policy, which includes mechanisms for the formation of modern statehood and civic identity of Chinese citizens in the context of globalization based on the recognition of the unity and diversity of the culture of modern China.

Keywords: mentality, China, Chinese civilization, geocivilization, Western scientific thought.

Аннотация: В статье представлен анализ западных и китайских концепций китайского менталитета и его влияния на китайскую цивилизацию. В исследовании обсуждаются теоретические аспекты проблемы китайской ментальности, связанные с использованием цивилизационного подхода. Выявляется, что цивилизационный подход западных и китайских авторов отличается по ключевым положениям, связанным с представлениями о геоцивилизации. Приводимый анализ социокультурного пространства Китая позволяет формировать представления о подходе в государственной культурной политике, направленной на укрепление национальной идентичности и социальной сплоченности, где существенную роль имеет обращение к традициям ментальности. В условиях современного мира китайская ментальность формирует свою ролевую идентичность, сохраняя «ценное ядро» и адаптируясь к новым реалиям, на основе сохранения баланса между традицией и современностью. Анализ литературы по теме оснований социокультурного мира, менталитета и идентичности в Китае показывает, что исследования Китая на Западе имеют определенные традиции, которые существенно влияют на содержание и проблематику исследований, посвященных особенностям легитимации власти в этой стране. Раскрыто, что китайская научная мысль ориентируется на разработку концепции культурной политики, которая включает механизмы формирования современной государственности и гражданской идентичности китайских граждан в условиях глобализации на основании признания единства и разнообразия культуры современного Китая.

Ключевые слова: менталитет, Китай, китайская цивилизация, геоцивилизация, западная научная мысль.

Исследование влияния ментальности на устои китайской цивилизации представляет собой актуальную тему, обусловленную усиливающейся интеграцией Китая в систему международных отношений. В процессе этого взаимодействия Китай принимает технологические и культурные инновации современного мирового сообщества, одновременно оказывая на него мощное «облучающее» воздействие [31]. Уникальность китайской цивилизации, вносящей неординарный вклад в прогресс всего человечества и сокровищницу мировой культуры, обуславливает значимость цивилизационного аспекта развития современного Китая. Страна выстраивает новую структуру межгосударственных отношений, формируя долгосрочные стратегии, направленные на активизацию развития большого «китайского региона»

[23]. Однако существует скептическое отношение к результатам региональных практик развития локальных цивилизаций, которые зачастую оказываются разочаровывающими, для внешних критиков, с которыми не согласны китайские исследователи [26].

Представители западной философии такие, как Г. Киссинджер [22], Ф. Фукуяма [31] и С. Хантингтон [4], рассматривающие Китай в качестве застывшего образования, основой которого является менталитет, понимаемый как традиционный образ мышления китайцев. Напротив, по мнению, представителей китайской культуры, Китай должен оцениваться как цивилизация, развивающаяся по своим собственным принципам, и при этом с учётом того, что в китайской системе ментальных ко-

ординат условия постоянно меняются, что не позволяет утверждать наличие застывшего мировоззрения. В частности, на это указывал Председатель КНР Си Цзиньпин, по мнению которого китайский народ, следуя путём собственного развития, должен ориентироваться на такие ценности, как преемственность на фундаментальном уровне; инновационность, характеризуемая как предпринимчивость; единство, понимаемое как интеграция и сплочённость различных этнических групп китайской нации; инклюзивность, определяемую как гармоничное сосуществование различных религиозных верований, а также открытое мировоззрение по отношению к различным мировым цивилизациям; мирный характер, означающий, что Китай стремится к обменам и взаимному обучению между различными цивилизациями, но не к культурной гегемонии, не будет навязывать другим свои ценности и политическую систему [29].

Таким образом, проблематика исследований особенностей китайской ментальности заключается не в выявлении локальной специфики отношений между личностью, обществом и государством, основанном на принципе «свой-чужой», где Китай и китайская цивилизация рассматриваются как некое ответвление от мирового эволюционного процесса, ориентированного на ценности западной цивилизации. Напротив, целью представляемого исследования является обоснование точки зрения о том, что особенности взаимодействия власти, образа мышления и специфики самосознания граждан Китая формируются в соответствии со спецификой становления и развития культуры в рамках жизненного цикла китайской цивилизации.

Содержание исследования определяет цивилизационный подход, раскрывая который мы проводим сравнительные исследования содержания представлений западных и китайских авторов об особенностях китайского менталитета как основания легитимации китайской власти. В качестве тезиса мы используем положение о том, что фундаментом китайского государства-цивилизации является культура Китая, формируемая культурными стратегиями государства и включающей сложную структуру отношений между уровнями менталитета (ментальности) и самоопределения (идентичности) китайских граждан.

Анализ литературы по теме оснований социокультурного мира, менталитета и идентичности в Китае показывает, что исследования Китая на Западе имеют определённые традиции, которые существенно влияют на содержание и проблематику публикаций, посвящённых особенностям легитимации власти в этой стране. Долгое время Китай и всё китайское воспринимались европейцами как экзотика, преподносимая в занимательных повествованиях П. Карпини [21], Г. Рубрука [28], М. Пого [27], М. Риччи [10], Ф. Вольтера [15], Г. В. Лейбница [6] и

Х. Вольфа [16], касающихся тех характеристик Китая, которые казались им утопическим отражением идеала, который они не находили в своей цивилизации. Однако по мере расширения своих познаний о Китае, который воспринимался уже как возможный конкурент западному миру, в Европе стали подчёркивать противоположность китайского всему европейскому, его «отсталость». Формирование «синофобии» происходило на фоне оформления идей прогресса и сопровождалось, как указывает Ч. Маклайн, трансформацией образа китайцев как «рационалистов» на образ «примитивистов» [7].

В частности, в трудах И.Г. Гердера китайский социокультурный мир рассматривается с позиций, констатирующих его отсталость и консервативность [19]. В более глубоком измерении культуры Гердер негативно стереотипизирует китайцев с точки зрения образования и национального характера.

Г. Гегель писал, что Китай и Индия находятся за пределами всемирной истории. По его мнению, это предпосылки тех моментов, лишь благодаря соединению которых начинается животворный исторический процесс. При этом Г. Гегель одним из первых провёл анализ влияния власти на сознание подданных китайской империи, указывая на то, что моральная воля императора есть закон, который стесняет субъективная, внутренняя свобода, и закон свободы правит индивидуумами лишь как нечто внешнее по отношению к ним [17].

В исследованиях М. Вебера культура Китая представлена как «тоже культура», а достижения – как «тоже достижения», «дух» которых существенно отличается от протестантского. Причиной, как он полагал, было то, что дух конфуцианства был неспособен создать духовные стимулы для эндогенного капитализма западного типа [13]. Будучи последователем идей М. Вебера, Дж.К. Фэйрбэнк рассматривал всю современную историю Китая как ответ на вызов Запада и оценивал собственно китайское влияние на развитие китайской цивилизации только как подчинённое влиянию Запада. Именно эта точка зрения оказала влияние на западных китаеведов [2].

Особенностям менталитета китайцев посвящена книга А. Смита, который также утверждал, что китайская мысль якобы «продолжает спать» и что в китайской культуре существует первобытная древность [12]. Типичные суждения иностранца, столкнувшегося с представителями совершенно иной цивилизации, можно найти у Д. Макгована [25].

Среди европейских ученых, посвятивших своё творчество изучению оснований китайской культуры, в контексте идеологии европоцентризма видное место занимает М. Гране [20], Чанне Чен [32], Х. Накамура [3], М. Х. Бонд [1], Д. Дж. Мозер [8], С.Д. Селигман [11]. Эти

учёные исследовали качества китайского менталитета, показав, что общими суждениями является убеждения о консерватизме и стереотипах у китайцев, преимуществе наглядности перед логикой, особой практичности, идеализации прошлого. При этом, в целом, в большинстве перечисленных исследований можно увидеть дискриминацию китайской культуры, причина которой коренится в западном колониализме, согласно которому, все народы, цивилизации, религии, великие изобретения появлялись на свет лишь тогда, когда попадали в поле зрения европейца. Однако, во второй половине XX в. китайцев уже не упрекали в недостаточном интеллектуальном развитии, что было объяснимо успехами Китая в развитии культуры и экономики, благодаря чему Китай становится ключевой державой мира, заставляя счи-таться со своим мнением и выбором своего народа.

Учитывая новейшие процессы экономического развития страны, о Китае писал Ф. Фукуяма. Методология этого учёного раскрывает наиболее актуальные на сегодняшний день представления об отношениях между народом и властью в контексте концепции китайской ментальности. Как подчёркивает Фукуяма, успех современных идеологических программ, нацеленных на обеспечение социальной стабильности в Китае, в значительной степени определён ментальностью китайского населения, которая сформировалась под влиянием тысячелетней истории централизованного управления и конфуцианских ценностей [30]. Идеи Фукуямы указывают на постулируемые им взаимосвязи между политическим управлением, экономической моделью и культурными традициями в Китае, который, как он доказывает, стоит перед выбором между перспективами развития в рамках авторитарного управления и принятия демократических ценностей. Таким образом, в конце XX века, когда процессы глобализации мировой культуры значительно сблизили между собой центры мировой культуры, для Запада китайцы продолжали оставаться «приншельцами», что вызывало опасливое и высокомерное отношение, проявляющееся в концепциях «тоже культуры» и «тоже достижений».

Этот взгляд был во многом обусловлен глубоко укоренившимися стереотипами, которые формировались на протяжении веков, что указывало на сохранение устойчивых представлений о наличии дистанции и инаковости между двумя разными цивилизациями. Невозможность представить иную культуру через призму своих собственных стандартов и ценностей приводила к снисходительному отношению и недооценке истинной уникальности и богатства китайского наследия.

Однако, на наш взгляд, описания по принципу «свой-чужой» не могут быть применимы, когда речь идёт о разных типах цивилизации, так как здесь происходит подмена понятий, в результате которой западная циви-

лизация и мировая цивилизация представляются как одно и то же, в то время как Китай и китайская цивилизация, как показывает А. Генис, рассматриваются как некое ответвление от эволюционного процесса [18]. В последние десятилетия Китай совершил прорыв в экономике, сравнимый с «прыжком азиатского тигра», в результате чего он стал второй державой по темпам развития на мировой арене, играя огромную роль в мировой экономике и культуре на всех интеллектуальных уровнях.

В частности, одним из таких проявлений стало появление публикаций западных авторов, посвящённых анализу возможности встраивания китайской модели конфуцианского общества в современную западную демократию, проведённого А. Лейпхартом в контексте развивающейся концепции демократии консенсуса, которую он называет конссоциональной или общественной демократией в противовес демократии большинства, или мажоритарной демократии. Важно отметить, что учёный, в отличие от предшественников, не противопоставлял Китай западным демократиям, а, наоборот, рассматривал конфуцианство как возможное решение для государств, где традиционная мажоритарная демократия может не работать из-за глубоких этнических, языковых или религиозных различий [24]. Подтверждая эти взгляды Д. Ламpton, также писал, что конфуцианство представлялось, как управлеченческая структура, дающая возможность обществу не-западного типа попытаться встать в ряд цивилизаций при сохранении таких «недостаточных качеств демократии», как институциональные и этно-социальные особенности власти, связанные с ограничениями, не принимаемыми в западных странах [5].

В это же время ряд китайских авторов, таких как профессор Цзинь Яоцзы, высказывали идеи о возможности обоснования легитимности китайской государственности через обращение к сравнению, указывающему на сходство конфуцианских и демократических принципов. С этим мнением соглашался Чуньфу Чжао, который указывал на то, что такие доктрины конфуцианства, как сильное чувство социальной ответственности, стимуляция деятельности и добродетельности, актуализация моральных ценностей, воспитание чувства заботы в отношении близких могут способствовать модернизации и демократизации общества [33].

Однако он отмечал, что конфуцианство, также, как и китайская культура, есть более сложный феномен, чем просто аналог некоторым чертам западной демократии, так как в нём имеются антидемократичные стороны. В частности, Чжао Чуньфу писал о том, что идея иерархии и взаимозависимости не согласуется с современным принципом равенства и духом демократии, а в конфуцианской этике права отделены от обязанностей, что противоречит демократическим принципам. Кроме этого, основным содержанием конфуцианства является его

морально-этическое учение, в контексте идей которого совершенно неприемлемыми считаются либерализм и индивидуализм.

Поэтому, как доказывал Чжэньгуан Чжо, речь идёт не о том, что конфуцианство или китайская культура обладают теми или иными свойствами демократии, а о том, что под демократией китайские и западные авторы имеют в виду разные социально-культурные феномены [14]. Конфуцианское предпочтение общности, как отмечает Один из ведущих американских учёных в области китаведения Л. Пай, отмечая, что китайская теория и политическая практика на протяжении многих лет находились под «прессом западной ментальности», писал: «Китай – это цивилизация, которая должна была долгое время изображать собой национальное государство, чтобы

адаптироваться к европейским нормам из-за своей политической и экономической слабости в конце XIX века» [9].

Таким образом, цивилизационный подход западных и китайских авторов отличается по ключевым положениям, связанным с представлениями о геоцивилизации. Китайская ментальность формирует свою ролевую идентичность, сохраняя «ценное ядро» и адаптируясь к новым реалиям, на основе сохранения баланса между традицией и современностью. Исследования Китая на Западе имеют свои традиции. Мы полагаем, что в современных условиях, рассматривая проблематику китайской цивилизации, включая вопросы легитимации власти, ментальность китайцев нужно анализировать не с точки зрения западных ценностей, а воспринимать как самостоятельную культурную данность, такую как она есть.

ЛИТЕРАТУРА

1. Bond M.H. *Beyond the Chinese Face: insights from psychology*. New York: Oxford University Press Oxford University Press, 1992. 136 p.
2. Fairbank J.K., Goldman M. *China: A New History. Second Enlarged Edition*. Belknap Press: An Imprint of Harvard University Press, 2006. 581 p.
3. Nakamura H. *Ways of Thinking of Eastern Peoples: India, China, Tibet, Japan (Revised English Translation)*. University of Hawaii Press, 1964. 712 p.
4. Huntington S.P. *The Clash of Civilizations and the Remaking of World Order*. London: Simon & Schuster, 2002. 410 p.
5. Lampton D.M., Following the Leader: Ruling China, from Deng Xiaoping to Xi Jinping. Berkley, CA: University of California Press, 2014. 293p.
6. Leibniz G.W. *Novissima Sinica historiam nostri temporis illustratura*. S.l.: S.n., 1699. 206 p.
7. McClain Charles J. In Search of Equality: The Chinese Struggle against Discrimination in Nineteenth-Century America // *Charles Law and History Review*. 1996. № 1. Pp. 203–206.
8. Moser D.J. *Abstract Thinking and Thought in Ancient Chinese and Early Greek*. University of Michigan, 1996. 243 p.
9. Pye L. How China's nationalism was Shanghaied? // Jonathan (ed.). *Chinese nationalism*. N.Y.: M.E. Sharpe, 1996. Pp. 86–112.
10. Ricci M. *On Friendship. One Hundred Maxims for a Chinese Prince* // Translation and introduction by Timothy Billings. New York: Columbia University Press, 2009. Pp. 169–183.
11. Seligman S.D. *Dealing with the Chinese*. Mercury Books, 1990. 308 p.
12. Smith A. H. *Chinese Characteristics*. New York; Chicago: Fleming H. Revell, 1984. 333 p.
13. Weber M. *The Religion of China. Confucianism and Taoism*. New York: The Macmillan Company, 1964. 308 p.
14. Zhou Zhenghuan. *Liberal Rights and Political Culture. Envisioning Democracy in China*. New York; London, 1999. 275 c.
15. Вольф Хр. Разумные мысли о Боге, мире и душе человека, а также о всех вещах вообще // *Христиан Вольф и философия в России*. СПб.: РХГИ, 2001. С. 229–358.
16. Гегель Г.В.Ф. *Лекции по философии истории*. СПб.: Наука, 1993. С. 157.
17. Генис А. *Билет в Китае*. Санкт-Петербург, Амфора, 2001. 330 с.
18. Гердер И.Г. *Идеи к философии истории человечества* / Пер. и прим. А.В. Михайлова. М.: Наука, 1977. 760 с.
19. Гране М. *Китайская мысль*. М.: Республика, 2004. 526 с.
20. Джованни дель Плано Карпини. *История монголов / Путешествие в Восточные страны / Г. де Рубрук*. Москва: Географиз, 1957. 270 с.
21. Киссинджер Г. О Китае. М.: ACT, 2021. 640 с.
22. Кучинская Т. Н., Абрамов В. А. Комплексное понимание «китайского региона» как социоприродной системы // *Известия Иркутского государственного университета*. Серия: Политология. Религиоведение. 2009. № 1. С. 189–212.
23. Лейпхарт А. *Демократия в многосторонних обществах: сравнительное исследование* (пер. с англ. Б.И. Макаренко). М.: Аспект Пресс, 1997. 290 с.
24. Макгован Дж. *Китайцы у себя дома. Очерки семейной и общественной жизни*. М.: Ленанд, 2017. 264 с.
25. Песцов С. К. Управление региональным развитием: опыт Китая // *Фундаментальные исследования*. 2019. № 10. С. 57–63.
26. Поро М. *Путешествия венецианца Марко Поро в XIII столетии, напечатанные в первый раз вполне на немецком по лучшим изданиям и с объяснениями Августом Бюром*. Москва: А. М. Шемякин, 1862. 528 с.
27. Рубрук Г. *Путешествие в восточные страны*. Москва: Географиз, 1957. 270 с.
28. Си Цзиньпин призвал строить современную цивилизацию китайской нации. Режим доступа: https://news.rambler.ru/conflicts/50854239/?utm_content=news_media&utm_medium=read_more&utm_source=copylink (дата обращения: 12.05.2025).
29. Вольтер. *Собрание сочинений в трех томах*. Т. 2. М.: Сигма – Пресс. 1998. 656 с.
30. Фукуяма Ф. *Конец истории и последний человек*. М.: ACT, 2015. 576 с.

31. Цуй Цзяэнь. Культурно-цивилизационная идентичность России и Китая в современном мире: семантические основания и презентация: дисс. кандидат наук: 24.00.01. Москва, 2021. 185 с.
32. Чаннен Чен. Эти поразительные китайцы. М.: ACT, 2006. 254 с.
33. Чуньфу Чжоу. Конфуцианская этика и модернизация: конфликт и интеграция // Китай, китайская цивилизация и мир. История, современность, перспективы: материалы X Международной научной конференции (22–24 сентября 1999). М.: Ин-т Дальнего Востока РАН, 1999. С. 123–126.

© Цюй И (aglena_72@mail.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

Наши авторы

Aleksina T. – Teacher, Bauman Moscow State Technical University

Arkhimandritova Iu. – Independent researcher

Bobrovnikova N. – Senior Lecturer, Tula State Lev Tolstoy Pedagogical University

Borisova E. – senior lecturer, Moscow Pedagogical State University

Bulygin A. – Postgraduate student, FSBEI HE "Lugansk Vladimir Dahl State University"

Chistyakov M. – Junior Researcher, Senior Lecturer, Russian University of Cooperation (Vladimir Branch)

Du Huihui – Librarian, Heihe University, China

Gadetsky O. – candidate of philosophical sciences, rector, teacher of the Institute of value-oriented psychology, Moscow

Ivanchenko I. – Southern Federal University

Khripkova A. – Tula State Lev Tolstoy Pedagogical University

Kumpilova B. – Ph.D. in Economics, Associate Professor, Adyghe State University (Maykop)

Kurakova N. – Southern Federal University

Kuteynikov A. – Candidate of Psychological Sciences, Associate Professor, North-West Institute of Management of the Russian Presidential Academy of National Economy

Litvinenko D. – Independent Researcher

Malshina N. – Candidate of Philosophical Sciences, Associate Professor, Saratov State Conservatory named after L.V. Slobinov

Novikova M. – Associate Professor, Russian Biotechnological University (Moscow)

Pankova T. – Associate Professor, Voronezh State University

Pilipenko D. – Postgraduate Student, Altai State Pedagogical University (Barnaul)

Pyatibratova I. – Candidate of Psychological Sciences, Associate Professor, Bauman Moscow State Technical University

Qu Yi – Postgraduate student, Transbaikal State University (Chita)

Our authors

Rakityanskaya A. – North-West Institute of Management of the Russian Presidential Academy of National Economy

Raspopin E. – candidate of psychology, associate Professor, Ural Law Institute of the Ministry of the Interior of the Russian Federation (Yekaterinburg)

Rodina M. – Senior Lecturer, V.V. Zhirinovsky University of World Civilizations, Moscow; Lecturer, Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Moscow

Saryoglu A. – Online school of neurographics and art-practitioner "Sfera" (Türkiye)

Savgachev V. – Candidate of Medical Sciences, Associate Professor, Yaroslavl State Medical University

Serova N. – Candidate of Philosophical Sciences, Altai State Pedagogical University (Barnaul)

Shachinova M. – Graduate Student, V.N. Druzhinin Laboratory of Psychology of Abilities and Mental Resources, Institute of Psychology, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia

Skopa V. – Doctor of Historical Sciences, Professor, Corresponding Member of the Russian Academy of Natural Sciences, Altai State Pedagogical University (Barnaul)

Toropova T. – Southern Federal University

Trofimova E. – PhD student, Likhachev Russian Research Institute for Cultural and Natural Heritage (Moscow)

Videnichkin D. – postgraduate student, I.A. Bunin Yelets State University

Yakusheva O. – Senior Lecturer, Bauman Moscow State Technical University

Zachiosova I. – PhD (psychology), Senior researcher, Laboratory of speech psychology and psycholinguistics, Institute of Psychology RAS (Moscow)

Zyleva E. – Stroganov Russian State University of Design and Applied Arts

Требования к оформлению статей, направляемых для публикации в журнале

Для публикации научных работ в выпусках серий научно-практического журнала "Современная наука: актуальные проблемы теории и практики" принимаются статьи на русском языке. Статья должна соответствовать научным требованиям и общему направлению серии журнала, быть интересной достаточно широкому кругу российской и зарубежной научной общественности.

Материал, предлагаемый для публикации, должен быть оригинальным, не опубликованным ранее в других печатных изданиях, написан в контексте современной научной литературы, и содержать очевидный элемент создания нового знания. Представленные статьи проходят проверку в программе "Антиплагиат".

За точность воспроизведения дат, имен, цитат, формул, цифр несет ответственность автор.

Редакционная коллегия оставляет за собой право на редактирование статей без изменения научного содержания авторского варианта.

Научно-практический журнал "Современная наука: актуальные проблемы теории и практики" проводит независимое (внутреннее) рецензирование.

Правила оформления текста.

- ◆ Текст статьи набирается через 1,5 интервала в текстовом редакторе Word для Windows с расширением ".doc", или ".rtf", шрифт 14 Times New Roman.
- ◆ Перед заглавием статьи указывается шифр согласно универсальной десятичной классификации (УДК).
- ◆ Рисунки и таблицы в статью не вставляются, а даются отдельными файлами.
- ◆ Единицы измерения в статье следует выражать в Международной системе единиц (СИ).
- ◆ Все таблицы в тексте должны иметь названия и сквозную нумерацию. Сокращения слов в таблицах не допускается.
- ◆ Литературные источники, использованные в статье, должны быть представлены общим списком в ее конце. Ссылки на упомянутую литературу в тексте обязательны и даются в квадратных скобках. Нумерация источников идет в последовательности упоминания в тексте.
- ◆ Список литературы составляется в соответствии с ГОСТ 7.1-2003.
- ◆ Ссылки на неопубликованные работы не допускаются.

Правила написания математических формул.

- ◆ В статье следует приводить лишь самые главные, итоговые формулы.
- ◆ Математические формулы нужно набирать, точно размещая знаки, цифры, буквы.
- ◆ Все использованные в формуле символы следует расшифровывать.

Правила оформления графики.

- ◆ Растворные форматы: рисунки и фотографии, сканируемые или подготовленные в Photoshop, Paintbrush, Corel Photopaint, должны иметь разрешение не менее 300 dpi, формата TIF, без LZW уплотнения, CMYK.
- ◆ Векторные форматы: рисунки, выполненные в программе CorelDraw 5.0-11.0, должны иметь толщину линий не менее 0,2 мм, текст в них может быть набран шрифтом Times New Roman или Arial. Не рекомендуется конвертировать графику из CorelDraw в растворные форматы. Встроенные - 300 dpi, формата TIF, без LZW уплотнения, CMYK.

По вопросам публикации следует обращаться к шеф-редактору научно-практического журнала "Современная наука: актуальные проблемы теории и практики" (e-mail: redaktor@nauteh.ru).